

ISSN 2500-347X

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

2020 **3** (840)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

1930

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2020

3

выпуск 840

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

1930

SOCIAL SCIENCES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2020

3

Issue 840

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор философских наук, профессор ***И. К. Харичкин***

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф.
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф.
А. дель Валье Галвес, д-р юрид. наук, проф.
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф.
Гомес М. К., проф. лингвистики
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Дудик Н. А., канд. филол. наук
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф.
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф.
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф.
Касюк А. Я., д-р истор. наук, проф.
Краева И. А., канд. филол. наук, проф.
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф.

Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф.
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф.
Милитосян Л. Х., канд. пед. наук, доц.
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф.
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф.
Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф.
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф.
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф.
Убин И. И., д-р филол. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Касюк А. Я.
доктор исторических наук, профессор
(ответственный редактор)
Беблер А.
доктор социологических наук, профессор
Белозеров В. К.
доктор политических наук, профессор
Брега А. В.
доктор политических наук, профессор
Пророкович Д.
доктор политических наук
Ивашов Л. Г.
доктор исторических наук
Кемаль Оглу И.
доктор исторических наук, доцент
Киселёв С. Г.
доктор философских наук, профессор

Колесников А. А.
доктор исторических наук, профессор
Корнеев В. В.
кандидат исторических наук
Лапишов В. А.
доктор социологических наук,
профессор
Образцов И. В.
доктор социологических наук, профессор
Плоских В. М.
доктор политических наук, профессор
Примаков В. Л.
доктор социологических наук, профессор
Саблуков А. В.
доктор социологических наук, доцент
Сидорова Г. М.
доктор политических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Арефьев А. М.

Возвращение граждан из зон террористической активности:
гуманизм vs безопасность 9

Абаев Л. Ч., Стебаков М. Н.

Развитие ситуации на Юго-Востоке Украины: моделирование и прогноз 18

Валиахметова Г. Н., Аляутдинова К. Ш.

Особенности формирования системы национальной кибербезопасности
Киргизской Республики 36

Васильева М. М.

Становление информационного общества в России в условиях
глобального информационного пространства 50

Емельянов А. И., Крючкова В. С.

Латиноамериканский вектор во внешнеполитических стратегиях
ключевых акторов мировой политики 59

Кожухова К. Е.

Китайские традиционные ценности
как основание внешнеполитического курса Си Цзиньпина 71

Конуров А. И.

Современное состояние и перспективы разрешения проблемы
политического статуса Тайваня в свете эволюции позиции США 83

Хаустова Н. А.

Вызовы и угрозы современному обществу в контексте политической
обстановки на Ближнем Востоке 98

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Жадан А. В.

Документы органов НКВД об условиях содержания японских
военнопленных на территории Хабаровского края
в сентябре – декабре 1945 года 108

Куренков Г. А.

Защита государственной тайны и цензорский контроль за литературой
в начале холодной войны 121

Обухов О. Ю., Лещёв Е. В.

От Версальского мира до Мюнхенского сговора:
предыстория Второй мировой войны 132

Петров А. Ю.

Из опыта преподавания в дистанционном формате спецкурса
по изучению стран Англосферы: методология и основы организации 145

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Синчук Ю. В., Соловьев В. Ф., Власов Б. Е.

Общественное мнение как институт гражданского общества 162

Каюмов А. Т., Каников Ф. К.

Западный неоконсерватизм и модернизация России 171

Новикова Е. Ю.

Социокультурный анализ экономического патриотизма 185

Олейников С. В., Хлынин А. П.

Религиозная ситуация в Вооруженных Силах Российской Федерации 195

Саблуков А. В.

Политическое настроение как объект социологического анализа 210

Хушкадамова Х. О.

Гендерное пространство образования в Таджикистане 224

CONTENTS

POLITICAL SCIENCES

Arefjev A. M.

Returning Citizens from the Zones of Terrorst Activity: Humanism vs Security	9
---	---

Abaev L. Ch., Stebakov M. N.

Development of The Situation in the South-East of Ukraine: Modeling and Forecast	18
---	----

Valiakhmetova G. N., Alyautdinova K. Sh.

Features of Formation of the System of National Cyber Security of the Kyrgyz Republic	36
--	----

Vassilyeva M. M.

Information Society Development in Russia in the Global Information Space	50
--	----

Emelianov A. I., Kryuchkova V. S.

Latin American Vector in the Foreign Policy Strategies of Key Actors In World Politics	59
---	----

Kozhukhova K. E.

Chinese Traditional Values as the Foundation of Xi Jinping's Foreign Policy	71
---	----

Konurov A. I.

Political Status of Taiwan Problem: Current State and Prospects of Solution in the Wake of Evolving us Stance	83
--	----

Khaustova N. A.

Challenges and Threats to Modern Society in the Context of the Political Situation in the Middle East	98
--	----

HISTORICAL SCIENCES

Zhadan A. V.

Documents of the NKVD about the Conditions of Detention of Japanese Prisoners of War on the Territory of Khabarovsk Krai in September – December 1945	108
---	-----

<i>Kurenkov G. A.</i>	
Protection of State Secrets and Censorship Control of Literature at the Beginning of the Cold War	121
<i>Obukhov O. Yu., Leshchev E. N.</i>	
From the Peace Treaty of Versailles to the Munich Agreement: the Background of World War II	132
<i>Petrov A. Yu.</i>	
The Experience of Distance Education for a Special Course of Study on the Anglosphere Countries: the Methodology and Fundamentals of Organization	145

SOCIOLOGICAL SCIENCES

<i>Sinchuk Yu. V., Solovyov V. F., Vlasov B. E.</i>	
Public Opinion as an Institution of Civil Society	162
<i>Kayumov A. T., Kanikov F. K.</i>	
Western Neoconservatism and Modernization of Russia	171
<i>Novikova E. Yu.</i>	
Socio-Cultural Analysis of Economic Patriotism	185
<i>Oleynikov S. V., Khlynin A. P.</i>	
Religious Situation in the Armed Forces of the Russian Federation	195
<i>Sablukov A. V.</i>	
Political Mood as an Object of Sociological Analysis	210
<i>Khalimakhon X. O.</i>	
Gender Education Space in Tajikistan	224

УДК 329.61

А. М. Арефьев

кандидат политических наук;
заместитель начальника отдела
Антитеррористического центра государств – участников СНГ;
antonarf@gmail.com

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГРАЖДАН ИЗ ЗОН ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ: ГУМАНИЗМ VS БЕЗОПАСНОСТЬ

На фоне постепенной утраты террористическими организациями контроля над территориями в Сирии и Ираке актуализировался вопрос возвращения не только боевиков-террористов, но и членов их семей в страны исхода. Ряд государств предприняли гуманитарные меры в отношении своих граждан-жен и детей боевиков, оказавшихся в плену у различных сторон конфликта. Однако возвращение из зон террористической активности сопровождается в том числе переносом деструктивного потенциала на территорию принимающих стран. В связи с этим в статье автором поднимается вопрос определения баланса между гуманитарной миссией государства и обеспечением национальной безопасности.

Ключевые слова: реинтеграция; ресоциализация, реабилитация; возвращенцы; иностранные боевики-террористы; гуманитарная миссия.

A. M. Arefiev

PhD (Political Science), Assoc. Prof., Deputy head of department of the Anti-Terrorism Center of the CIS Member-States;
antonarf@gmail.com

RETURNING CITIZENS FROM THE ZONES OF TERRORST ACTIVITY: HUMANISM VS SECURITY

Amid the continuous loss of control by the terrorist organizations over the territories in Syria and Iraq, the return of both foreign terrorist fighters and their family members to the countries of origin has become topical. Certain countries have undertaken humanitarian measures in relation to their citizens – wives and children of the fighters who have found themselves in the hands of variable parties to the conflict. However, the return of individuals from the zones of terrorist activity is accompanied by transfer of the destructive potential to the territory of the receiving countries. In this article the author raises a problem of finding a balance between humanitarian mission of a state and national security.

Key words: reintegration; rehabilitation; returnees; foreign terroristfighters; humanitarian mission.

Введение

На фоне развития событий в Сирии и Ираке одной из актуальных проблем для многих стран мира был реверс так называемых иностранных боевиков-террористов (ИБТ) в страны исхода. При этом конкретно не обсуждалось, что странам придется решать вопрос возвращения и членов семей лиц, решивших однажды примкнуть к террористическим организациям. В феврале 2020 г. вышел очередной доклад Генерального Секретаря ООН об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности. В десятом по счету докладе акцент был сделан, в том числе, на проблеме лиц, содержащихся под стражей и в центрах для перемещенных лиц в Ираке и Сирийской Арабской Республике, то есть речь шла о членах семей боевиков. В документе, в частности, подчеркивается, что именно «государства – члены [ООН] несут главную ответственность за репатриацию своих граждан и в связи с этим несут ответственность за принятие соответствующих мер для разработки всеобъемлющих стратегий репатриации» [Десятый доклад Генерального секретаря об угрозе ... 2020, с. 12]. Совершенно недвусмысленно документ возложил на государства обязанность по выполнению гуманитарной миссии и принятию мер по возвращению своих граждан.

Возвращение граждан: вопросы политического выбора

Ряд государств предприняли шаги по репатриации своих граждан задолго до доклада Генсека ООН. В СМИ и на различных международных площадках озвучивается информация об усилиях, предпринимаемых, в частности, странами СНГ. Впрочем, какая-либо консолидированная открытая статистика по репатриации отсутствует, а эту функцию могли бы взять на себя специализированные структуры ООН.

Так, Казахстаном в рамках реализации многоэтапной операции «Жусан» возвращено порядка 600 граждан республики из Сирии и Ирака. Мероприятия осуществляется по инициативе Н. Назарбаева с 2018 года. Узбекистаном в рамках гуманитарной операции «Добро» в мае прошлого года было вывезено из Сирии 156 граждан, в основном женщин и детей, а в октябре возвращено 64 ребенка из Ирака [Гуманитарная операция «Добро» – воплощение великодушия и благородства URL]. В ноябре об эвакуации из Ирака очередной группы детей, которые оказались в иракских приютах или тюрьмах

вместе со своими матерями, находящимися под следствием или приговоренных к различным срокам лишения свободы за причастность к деятельности в рядах террористических организаций, сообщил российский МИД [Официальный сайт МИД России URL]. В результате общая численность обнаруженных и вывезенных из Ирака несовершеннолетних российских граждан составила 122 ребенка. Осуществляется репатриация российских детей и из Сирии. О возвращении из Ирака 84 детей сообщило в апреле прошлого года правительство Таджикистана. А 4 марта агентство Xinhua заявило о репатриации из Ирака 82 детей, рожденных в азербайджанских семьях, связанных с ИГИЛ [Iraq repatriates 82 Azerbaijani children from IS-affiliated families URL].

Следует отметить, что некоторые европейские страны также осуществляют мероприятия по возвращению своих граждан. Это, например, Финляндия, Македония, только масштабы не такие, как у стран СНГ.

Обращает на себя внимание, что в том же десятом докладе Генсека ООН содержится обращение к государствам о необходимости «разрабатывать основанные на научных данных программы реабилитации и реинтеграции» [Десятый доклад ... 2020, с. 13]. Другими словами, априори признается факт, что реализуемые программы в отношении возвращенцев показывают свою неэффективность. К аналогичному заключению приходит и ряд экспертов, указывая, что «эффективность большинства европейских программ [дерадикализации] находится под большим вопросом» [Карпачева, Нефляшева 2018, с. 23].

Исходя из текста доклада, перед государствами ставится задача реабилитации возвращенцев и их реинтеграции в общество (то есть ресоциализации), при этом остается открытым вопрос, что считать под реабилитацией и как осуществлять реинтеграцию. В российском законодательстве прописаны мероприятия, которые включает в себя социальная реабилитация¹, но они распространяются исключительно на лиц, пострадавших в результате террористического акта. Какую же политику выстраивать в отношении возвращенцев? Кто они – жертвы терроризма, то есть пострадавшие, или субъекты террористической деятельности? Доклад Генерального Секретаря не дает ответа на этот вопрос и в отсутствие обобщенного опыта предлагает государствам самостоятельно разбираться с этой проблемой.

¹ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 18.03.2020) «О противодействии терроризму».

Возможным ответом на этот вопрос может быть определение риска в зависимости от категории возвращенцев. Судя по информации из открытых источников, под репатриацию сегодня преимущественно попадают дети и женщины.

Реализуемая государствами Содружества политика в отношении возвращения детей полностью соответствует тем международным обязательствам, которые государства взяли на себя, ратифицировав Конвенцию о правах ребенка. Но при этом страны оказались перед лицом большой проблемы: с одной стороны, дети – это жертвы терроризма, а с другой, факты их использования в террористических целях игиловцами известны, как известно и о функционировании так называемых школ «Львята Халифата», которых только в Сирии было пять. Привлечь несовершеннолетних участников террористической деятельности к уголовной ответственности нельзя (по российскому законодательству – до 14 лет по определенным составам преступлений), но и передавать в общество без должной психологической работы с ними просто опасно. Здесь чрезвычайно важна та передовая практика, которую сегодня формируют страны, принимающие возвращенцев, в том числе рекомендации по схемам реабилитации [Денисенко 2019, с. 137].

Впрочем, в некоторых европейских странах, видимо по причине нежелания решать проблему реабилитации и интеграции в социум детей из семей боевиков, доходит до противодействия в их возвращении. Так, например, в Бельгии потребовалось решение суда, что обязать власти страны вернуть на родину десять детей, рожденных в Сирии от бельгийских подданных, присоединившихся к ИГИЛ [Reuters: суд Бельгии обязал власти страны репатриировать из Сирии детей боевиков ИГ URL].

Вместе с тем очевидно, что не дети составляли боевой костяк боевиков-наемников. Существует и другая категория лиц, которые принимали непосредственное участие в боевых действиях на стороне МТО – в основном мужчины, в меньшей степени женщины. И звучащие с различных трибун призывы к репатриации распространяются и на них тоже.

В этой связи возникает вопрос относительно КПД усилий государств, направленных на дерадикализацию и реабилитацию возвращенных граждан. Определенные выводы позволяет сделать выступление на состоявшейся в феврале этого года в Вене региональной

конференции высокого уровня «Иностранные боевики-террористы – отвечая на современные вызовы» заместителя министра иностранных дел Казахстана, который сообщил, что из 156 возвращенных женщин «30 уже отказались от дальнейшей экстремистской деятельности». Но это всего 20 %.

Наверное, не случайно вопрос возвращения боевиков-террористов на родину не находит положительного отклика в весьма продвинутых странах. Так, на той же региональной конференции представитель Швейцарии заявил, что его страна выступает за дальнейшее судебное преследование лиц, признанных «иностранными боевиками-террористами» и, в то же время, не будет стремиться репатриировать своих граждан. Хотя речь идет лишь о 20 швейцарских гражданах, выехавших в Сирию с 2016 года (не факт, что все они до сих пор живы). Аналогичной позиции придерживаются Нидерланды.

Судя по выступлениям дипломатов, звучащим на европейских контртеррористических форумах, можно предположить, что сегодня все большее количество стран демонстрирует вполне обоснованные опасения, что лица, сознательно присоединившиеся к террористическим организациям, вряд ли могут быть эффективно дерадикализованы и ресоциализованы.

В общих словах, под дерадикализацией понимают процесс отказа от радикальной идеологии, а под ресоциализацией – восстановление утраченных или ослабленных в результате изоляции социальных связей. Данная работа широко осуществляется в отношении такой категории граждан, как осужденные, которые за время длительного периода лишения свободы утрачивают связи с внешним миром. Следует отметить, что опыт дерадикализации заключенных в достаточной степени изучен как в России, так и за рубежом [Пашенко 2016; Яворский 2017], имеются серьезные наработки по их ресоциализации, участию в этом процессе общественных организаций [Помыткина 2010]. Однако ситуация с возвращенцами осложняется отсутствием на сегодняшний день фундаментальных исследований эффективности подходов к работе с этой категорией лиц, а также тем, что, как верно указывает Ю. Денисенко, «риски, связанные с возвращением людей из зоны <...> конфликта на родину, мало изучены» [Психологическая работа с женщинами и детьми-репатриантами из зон террористической активности 2019, с. 12]. Это вполне закономерно, учитывая новизну такого явления, как массовое возвращение ИБТ и членов их семей.

Уголовное преследование в странах конфликта . как одно из решений проблемы

Эксперты справедливо отмечают, что международные террористические организации – это субкультура, пропагандирующая особый образ жизни и меняющая сознание людей. Поэтому неслучайно некоторые страны высказываются за осуществление судопроизводства над своими гражданами, присоединившимися к террористическим группировкам, на территории тех стран, где этими лицами совершены преступления – то есть речь идет пока об Ираке и Сирии. Так, в феврале газета «Фолкскрант» со ссылкой на представителей МИД Нидерландов сообщила, что правительство страны обсуждало с курдской автономной администрацией в Сирии возможность проведения судебных процессов над нидерландцами, присоединившимися ранее к ИГИЛ и находящимися в настоящее время в курдских тюрьмах [Нидерланды предлагают создать трибунал по ИГИЛ в Сирии URL]. Правда при этом делается оговорка, что в отношении этих лиц не должна применяться смертная казнь.

За такими устремлениями может стоять целая палитра причин. Чисто правовая причина может быть связана с трудностями в сборе доказательственной базы национальными следственными органами для вынесения обвинительных приговоров.

Кроме того, в странах по-прежнему остро стоит вопрос радикализации в пенитенциарных заведениях. На это обращается внимание, как в докладах Генсека ООН, так и в выступлениях экспертов на международных и региональных площадках. Вряд ли у правительств есть желание усугублять напряженную обстановку, увеличивая контингент тюрем. Яркой демонстрацией этого тезиса является произошедший 2 февраля теракт в Лондоне с применением холодного оружия, совершенный лицом, ранее осужденным за терроризм, но отпущенным условно-досрочно из тюрьмы за неделю до инцидента.

Кроме того, нельзя забывать, что уголовное законодательство стран сильно варьируется, как и реальные сроки, которые получают осужденные за участие в террористических группировках на территории Сирии и Ирака. Часто государства не готовы к освобождению вчерашних боевиков. Так, в 2020 году в Европе на свободу выйдет не менее 1 тыс. иностранных боевиков-террористов, заключенных в тюрьму до 2015 года по возвращению домой [Десятый доклад ... 2020, с. 7].

Возникает закономерный вопрос, а будет ли готово общество принять вчерашних боевиков?

На фоне роста протестных настроений, связанных с притоком на территорию европейских государств значительного числа беженцев, а также усиления праворадикальных сил вполне ожидаемо, что стремление возвращать боевиков-террористов на родину вряд ли будет поддерживаться на правительственном уровне, особенно в тех странах, которые стоят на пороге политических выборов.

Не следует забывать, что возвращение лиц из зон террористической активности неразрывно связано с переносом того деструктивного потенциала, который был аккумулирован этими гражданами в ходе пребывания в рядах тергруппировок, на территорию стран возвращения. Поэтому актуальность приобретает определение баланса между проявлением гуманизма в отношении возвращенцев (всех ли надо возвращать?) и обеспечением национальной безопасности.

В этом контексте в рамках реализации принципа «выдай или суди» становится очевидным, что прерогатива могла бы отдаваться содействию в налаживании работы национальных судебных и следственных органов государств, на территории которых совершали правонарушения иностранные боевики-террористы, невзирая на то, насколько суровым могут быть вынесенные приговоры.

Заключение

Озвученная позиция в целом не противоречит стремлению к постконфликтному восстановлению Сирии, которое подразумевает не только реставрацию разрушенной экономики, но и возобновление полноценной деятельности всех органов власти на территории страны. Возможно, что именно в этом ключе следует выстраивать политику в отношении иностранных боевиков-террористов и совершеннолетних членов их семей. Возвращение этих людей должно быть обусловлено проведением тщательного судебного расследования роли, которую они играли в деятельности тергруппировок на территории страны конфликта, то есть страны, которая больше всего пострадала от противоправных действий и на территории которой данные лица совершили уголовные преступления, присоединившись к террористическим группировкам. Это совершенно справедливо даст возможность пострадавшим от деятельности тергруппировок странам вернуть правосудие над ИБТ в соответствии со своими законами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гуманитарная операция «Добро» – воплощение великодушия и благородства. URL: www.youtube.com/watch?v=yaDzfOC712k (дата обращения: 15.03.2020).
- Денисенко Ю.* Система оценки рисков и потребностей для организации работы с женщинами и детьми-репатриантами из зон террористической активности. Нур-Султан, 2019. 136 с.
- Десятый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности, и о спектре усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в борьбе с этой угрозой. URL: undocs.org/ru/S/2020/95 (дата обращения: 02.04.2020).
- Карпачева О. В., Нефляшева Н. А.* Опыт дерадикализации исламского движения в Египте и России // Журнал исторических исследований. 2018. № 4. Т. 3 С. 18–32.
- Нидерланды предлагают создать трибунал по ИГИЛ в Сирии. URL: anfrussian.com/Новости/Нидерланды-предлагают-создать-трибунал-по-ИГИЛ-в-Сирии-11945 (дата обращения: 10.04.2020).
- Официальный сайт МИД России. URL: www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3904960 (дата обращения: 20.12.2019).
- Пащенко И. В.* Современные практики дерадикализации осужденных за проявление религиозного экстремизма: мировой опыт // Отечественная юриспруденция. № 12 (14), 2016. С. 26-33.
- Психологическая работа с женщинами и детьми-репатриантами из зон террористической активности : пособие / Ю. Денисенко. Нур-Султан, 2019. 178 с.
- Помыткина Т. И.* Роль и значение общественных организаций в ресоциализации осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 8. С. 44–48.
- Яворский М. А.* Дерадикализация заключенных в тюрьмах стран Скандинавии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3 (29). С. 43–49.
- Iraq repatriates 82 Azerbaijani children from IS-affiliated families. URL: www.xinhuanet.com/english/2020-03/04/c_138843410.htm (дата обращения: 04.03.2020).
- Reuters: суд Бельгии обязал власти страны репатриировать из Сирии детей боевиков ИГ. URL: tass.ru/obschestvo/7334713 (дата обращения: 19.03.2020).

REFERENCES

- Gumanitarnaja operacija «Dobro» – voploshhenie velikodushija i blagorodstva. URL: www.youtube.com/watch?v=yaDzfOC712k (data obrashhenija: 15.03.2020).
- Denisenko Ju.* Sistema ocenki riskov i potrebnostej dlja organizacii raboty s zhenshinami i det'mi-repatriantami iz zon terroristicheskoj aktivnosti. Nur-Sultan, 2019. 136 s.
- Desjatyj doklad General'nogo sekretarja ob ugroze, sozdavaemoj IGIL (DAISH) dlja mezhdunarodnogo mira i bezopasnosti, i o spektre usilij Organizacii Ob#edinennyh Nacij po okazaniju podderzhki gosudarstvam-chlenam v bor'be s jetoj ugrozoy. URL: undocs.org/ru/S/2020/95 (data obrashhenija: 02.04.2020).
- Karpacheva O. V., Nefljashcheva N. A.* Opyt deradikalizacii islamskogo dvizhenija v Egipte i Rossii // Zhurnal istoricheskikh issledovanij. 2018. № 4. T. 3 S. 18–32.
- Niderlandy predlagajut sozdat' tribunal po IGIL v Sirii. URL: anfrussian.com/Novosti/Niderlandy-predlagajut-sozdat'-tribunal-po-IGIL-v-Sirii-11945 (data obrashhenija: 10.04.2020).
- Oficial'nyj sajt MID Rossii. URL: www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3904960 (data obrashhenija: 20.12.2019).
- Pashhenko I. V.* Sovremennye praktiki deradikalizacii osuzhdennyh za projavlenie religioznogo jekstremizma: mirovoj opyt // Otechestvennaja jurisprudencija. № 12 (14), 2016. S. 26-33.
- Psihologicheskaja rabota s zhenshinami i det'mi-repatriantami iz zon terroristicheskoj aktivnosti : posobie / Ju. Denisenko. Nur-Sultan, 2019, 178 s.
- Pomytkina T. I.* Rol' i znachenie obshhestvennyh organizacij v resocializacii osuzhdennyh // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. 2010. № 8. S. 44–48.
- Javorskij M. A.* Deradikalizacija zakljuchennyh v tjur'mah stran Skandinavii // Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 3 (29), S. 43–49.
- Iraq repatriates 82 Azerbaijani children from IS-affiliated families. URL: www.xinhuanet.com/english/2020-03/04/c_138843410.htm (data obrashhenija: 04.03.2020).
- Reuters: sud Bel'gii objazal vlasti strany repatriirovat' iz Sirii detej boevikov IG. URL: tass.ru/obschestvo/7334713 (data obrashhenija: 19.03.2020).

УДК 327.56

Л. Ч. Абаев, М. Н. Стебаков

Абаев Л. Ч., доктор технических наук;
профессор кафедры политологии
института международных отношений и социально-политических наук;
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: abaev_lev@mail.ru

Стебаков М. Н., аспирант кафедры политологии
института международных отношений и социально-политических наук;
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: maxim.steb@gmail.com

РАЗВИТИЕ СИТУАЦИИ НА ЮГО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ: МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗ

В статье рассматривается возможный подход к прогнозированию развития ситуации на Юго-Востоке Украины, заключающийся в выявлении интересов акторов в регионе, количественной оценки их значимости для каждого актора, оценки приоритетности возможных сценариев развития ситуации для вовлеченных сторон, а также проведении сравнительного анализа потенциалов акторов. Все зафиксированные параметры с помощью такого инструмента, как метод дерева целей, сформировали прогноз развития ситуации на Юго-Востоке Украины, утверждающий весьма вероятное сохранение сложившегося положения в регионе.

Ключевые слова: прогноз ситуации на Юго-Востоке Украины; приоритеты акторов; сценарии; потенциалы акторов; прогнозные оценки.

L. Ch. Abaev, M. N. Stebakov

Abaev L. Ch., Doctor of Technical Science (Dr. habil), Prof.;
of the Department of Political Science, Institute of International Relations
and Socio-Political Sciences, Moscow state linguistic University;
Leading researcher of socio-economic studies of the Russian Institute
for Strategic Studies; e-mail: abaev_lev@mail.ru

Stebakov M. N., Postgraduate student, Department of political science,
Institute of international relations and socio-political Sciences;
Moscow state linguistic University; e-mail: maxim.steb@gmail.com

DEVELOPMENT OF THE SITUATION IN THE SOUTH-EAST OF UKRAINE: MODELING AND FORECAST

This article is devoted to a possible approach to forecasting of development of situation in the South-East of Ukraine, which identifies the interests of actors in the region, quantitative estimates of their importance for each actor, determining the priorities among possible scenarios for the actors involved, as well as comparative analysis of their potential. All the recorded parameters with the help of such a tool as

the Goal-tree method formed a forecast of the situation in the South-East of Ukraine, which confirms the very likely preservation of the current situation in the region.

Key words: forecast of the situation in the South-East of Ukraine; priorities of actors; scenarios; potentials of actors; forecast estimates.

Введение

Конфликт на Юго-Востоке Украины, разразившийся в апреле 2014 года, остается важной повесткой как для западных стран (США и Западной Европы), так и для России. Появилось два новых политических формирования со статусом непризнанных республик – Донецкая народная республика (ДНР) и Луганская народная республика (ЛНР). Попытки урегулировать вооруженный конфликт с 2014 года не увенчались успехом¹. Положение на линии соприкосновения Вооруженные силы Украины и войск ЛНР и ДНР остается напряженным². Украинская армия с разной периодичностью ведет огонь по городам республик из всех видов тяжелых вооружений [Меджитов 2017].

¹ «Наблюдаются всплески военной активности – 18, 23 и 26 февраля, а также 9–10 марта, что подтверждают отчеты СММ. Со стороны ВСУ огонь зачастую ведется по жилым кварталам, причем не только из легкого стрелкового вооружения» (Выступление Постоянного представителя России при ОБСЕ А. К. Лукашевича на заседании Постоянного совета ОБСЕ о ситуации на Украине и необходимости выполнения Минских договоренностей. Вена, 5 марта 2020 г. // Официальный сайт МИД РФ. URL: www.mid.ru/ru/maps/ua/-/asset_publisher/ktn0ZLTvbbs3/content/id/4076223 (дата обращения: 20.03.2020). Всего за весь период протекания конфликта погибло более 13 тыс. человек.

² «Примечательно, что несмотря на объявление уже порядка двух десятков перемирий в Донбассе, ВСУ каждый раз избегают публикации приказов о запрете открывать огонь. Напомню, что прекращение огня, согласованное Киевом и Донбассом в июле 2019 года, было объявлено всеобъемлющим и бессрочным. Еще тогда ополченцы вновь, как и в предыдущие разы, обнародовали соответствующие приказы. Киев этого так и не сделал. Результат – продолжение военной напряженности, новые жертвы и разрушения» (Выступление Постоянного представителя России при ОБСЕ А. К. Лукашевича на заседании Постоянного совета ОБСЕ о ситуации на Украине и необходимости выполнения Минских договоренностей. Вена, 13 марта 2020 г. // Официальный сайт МИД РФ. URL: www.mid.ru/ru/maps/ua/-/asset_publisher/ktn0ZLTvbbs3/content/id/4085230 (дата обращения: 20.03.2020).

В опубликованных научных изысканиях обозначены сценарии трансформации отдельных аспектов положения в регионе, которые не затрагивают проблему развития ситуации в целом. С учетом данного фактора весьма актуальным видится выработка возможных сценариев развития ситуации и оценок вероятности их реализации.

1. Позиции вовлеченных акторов

Позиция украинских властей в отношении конфликта фактически неизменна с апреля 2014 года: проводится Операция Объединенных сил (ООС) против вооруженных группировок на Востоке Украины; территории ДНР и ЛНР признаются Киевом в качестве «временно оккупированных»¹. Современный дискурс В. Зеленского по проблеме Юго-Востока пока не опровергает его позицию, сложившуюся еще до вступления его в должность президента Украины². Более того, недавно В. Зеленский заявил, что Украина может отказаться от «Минска-2» в 2021 году. К тому же, на основании заявлений помощника президента Украины А. Ермака и министра иностранных дел В. Пристайко можно заключить, что Киев не намерен обеспечивать особый статус Донбасса, что прямо противоречит «Минску-2».

ДНР и ЛНР настаивают на следующих условиях: особый статус Донбасса, внеблоковый статус Украины, налаживание контактов с Россией. Принятие Верховной Радой Украины постановления об особом статусе отдельных районов Донбасса, по мнению властей республик, не стало способствующим фактором урегулирования ситуации. Более того, республики говорят об одностороннем характере своих действий на пути прекращения огня и отводе войск на линии соприкосновения.

¹ Политическое урегулирование конфликта для Киева представляется возможным только в формате частичной децентрализации и предоставления особого статуса отдельным районам Донбасса. Мирное урегулирование конфликта возможно только после передачи границы, прекращения огня, демилитаризации региона, разоружения ополченцев и проведение в регионе выборов в соответствии с украинским законодательством [Курылев 2018].

² Будучи кандидатом в президенты Украины В. Зеленский заявил, что не поддерживает идею предоставления особого статуса Донбасса (Зеленский выступил против предоставления Донбассу особого статуса // Официальный сайт РИА Новости. URL: ria.ru/20190418/1552812796.html (дата обращения: 11.11.2019)).

Современная позиция России в отношении украинского кризиса сводится к поддержке сохранения территориальной целостности Украины при предоставлении юго-восточным регионам широкой автономии [Гайдук 2014]. На настоящий момент Россия не признает самопровозглашённые республики и подчеркивает, что данный конфликт является внутригосударственным (исключительно украинским), и отвергает обвинения в военном вмешательстве на территории Украины¹. Москва считает налаживание политического диалога между Киевом и властями самопровозглашенных республик единственным приемлемым путем разрешения конфликта².

Для Германии и Франции, представляющих единый институт – ЕС, безусловна территориальная целостность Украины (как и в крымском вопросе). Эти страны солидарны с позицией Киева по вопросу о невыполнении российской стороной минских соглашений [Гущин, Левченков 2016].

С начала кризисных событий в Киеве позиция США заключалась в возложении единоличной ответственности за Гражданскую войну на Юго-Востоке Украины на Россию. РФ была обвинена не только в поддержке сил самопровозглашенных республик и оказании им помощи, но и в том, что она является одной из сторон «гибридной войны» [Войтоловский 2015]. В данном контексте можно рассматривать недавнее выделение США Украине ассигнований в размере 391,5 млн долл. США на военные нужды [США разблокировали \$ 400 млн на военную помощь Украине]. Кроме того, Конгресс и Госдепартамент намерены продать Украине за 39 млн долл. США очередную партию противотанковых ракетных комплексов «Джавелин» [СМИ: США

¹ «Мы не воюем с украинским режимом. С украинским режимом, который имеет все черты нацистского и неонацистского, воюют граждане Украины, которые живут в Донбассе», – обозначил Сергей Лавров в прямом эфире радиостанции «Комсомольская правда» в конце 2018 года.

² «В нынешних условиях не может быть никакого «плана Б». Единственно возможный путь – политико-дипломатическое урегулирование внутриукраинского кризиса посредством полного выполнения всех положений одобренного резолюцией 2202 СБ ООН минского «Комплекса мер» от 12 февраля 2015 года на основе прямого диалога Киева с Донецком и Луганском» (Выступление Постоянного представителя Российской Федерации А. К. Лукашевича на заседании Постоянного совета ОБСЕ о ситуации на Украине и необходимости выполнения Минских договоренностей, Вена, 3 октября 2019 года).

одобрили продажу Украине комплексов «Джавелин» на 39 млн URL]. Более того, недавно были проведены украинско-натовские военные учения «Стремительный трезубец-2019» [США анонсировали крупнейшие международные военные учения на Украине URL], где ВСУ отработывали операции по быстрой «зачистке» местности и насильственного подавления недовольства жителей населенных пунктов, которые могут быть захвачены при наступлении.

2. Стратегические приоритеты акторов в регионе

Сложившиеся позиции сторон подразумевают конкретные приоритеты акторов на Юго-Востоке Украины. В целях моделирования и прогнозирования развития ситуации был использован такой многоаспектный подход, как метод дерева целей, позволяющий количественно оценить относительную и абсолютную значимость целей для каждого актора, степени их влияния на ситуацию (через выявление количественных потенциалов акторов и их сравнение) и, в конечном итоге, определить, насколько вероятны те или иные варианты развития ситуации [Абаев 2011].

После осуществления первой стадии моделирования и анализа результатов оценки значимости групп целей акторов¹ были сформулированы следующие выводы:

1. США видят в ситуации на Юго-Востоке Украины платформу для решительного продвижения своих геополитических и военно-политических интересов.

2. Структура приоритетности целей западноевропейских стран отражает принцип балансирования между США и Россией: поставки российских энергоресурсов через украинские газопроводы для европейских стран исключительно важны до сих пор, что является фактором большого потенциала для РФ на украинском направлении.

3. Оценки важности всех групп целей Украины имеют близкие значения: от Украины будут одновременно требоваться действия по всему спектру геополитических, военно-политических,

¹ Цели акторов заложены в геополитической, военно-политической, экономической и внутривластной плоскостях. Рассуждения о геополитическом аспекте ситуации на Юго-Востоке Украины см.: [Стебаков 2018, с. 72–80].

экономических и социальных задач до момента, пока не произойдет глобальное изменение во взаимоотношениях между другими вовлеченными акторами (например, США и РФ).

4. Структура значимости целей России в контексте ситуации на Юго-Востоке Украины исходит из первоочередной задачи нейтрализовать угрозу национальной безопасности со стороны США и НАТО.

5. Структура приоритетности целей Новороссии свидетельствуют о ее стремлении к независимости от Украины и установлению тесных связей с Россией при одновременном решении военно-политических, экономических и социальных проблем.

3. Сценарии развития ситуации

На основе количественных оценок важности целей акторов украинского конфликта был проведен сценарный анализ трех базовых сценариев развития ситуации (см. табл. 1).

Таблица 1

Сценарии развития ситуации на Юго-Востоке Украины

1 сценарий	Переход Новороссии под контроль Киева с помощью военной силы. Украина сохраняет западный вектор политической ориентации.
2 сценарий	Реализация Минских соглашений, в результате которых Новороссия становится частью Украины с существенной автономией и суверенитетом. Вектор украинской политики перестает быть прозападным.
3 сценарий	Новороссия фактически остается независимым государственным образованием. Россия продолжает поддерживать ЛДНР. Украина сохраняет прозападный политический вектор.

Подразумевается, что первый сценарий может быть реализован только при возобновлении массированных боевых действий и существенном снижении в регионе военного потенциала ЛДНР, что приведет к неспособности сдерживать наступление ВСУ. В случае успешного завершения ООС Украина сохранит свой курс на вступление в НАТО и ЕС, конфронтацию с Россией. Данный исход ситуации ознаменует геополитическую и стратегическую победу западных

стран над Россией и еще больший отрыв США в своей лидирующей роли в мировом сообществе.

Реализация второго сценария возможна только при условии заинтересованности власти в Киеве в выстраивании мирного и компромиссного диалога с ЛДНР, в результате которого должны быть удовлетворены основные требования населения Новороссии: федерализация (хотя бы юго-восточных регионов); придание русскому языку статуса второго государственного на данных территориях; автономность и расширенное местное самоуправление; сохранение Украиной внеблокового статуса; возможность тесного торгово-экономического сотрудничества со странами ТС и ЕАЭС. При этом геополитический вектор Украины перестанет быть определённно прозападным.

Основным условием для развития событий по третьему сценарию будет сохраняющаяся политика киевских властей, не учитывающая интересы населения Новороссии и настаивающая на одностороннем прозападном развитии Украины. Данный сценарий развития событий может подразумевать периодические военные обострения на линии соприкосновения ВСУ и корпусов ЛДНР, но без серьёзного продвижения войск той или иной стороны. США и западноевропейские страны продолжат «втягивать» Украину в свою сферу влияния и поддерживать любым способом инициативы киевских властей по удержанию территориальной целостности. При этом территория Новороссии фактически будет иметь все признаки независимого государства (за исключением международного признания) и иметь выстроенные с помощью России приемлемо функционирующие государственные институты. Россия при этом продолжит поддерживать Новороссию всеми законными способами, а давление со стороны западных стран не только сохранится, но и будет нарастать.

4. Оценка предпочтительности сценариев для акторов

Следующим этапом прогнозирования развития ситуации является проведение анализа влияния трех обозначенных сценариев развития на реализуемость целей выделенных акторов конфликта на Украине¹. Результат интегрального оценивания влияния сценариев (см. табл. 1)

¹ Оценивается степень влияния каждого сценария на реализуемость каждой связанной с ним цели.

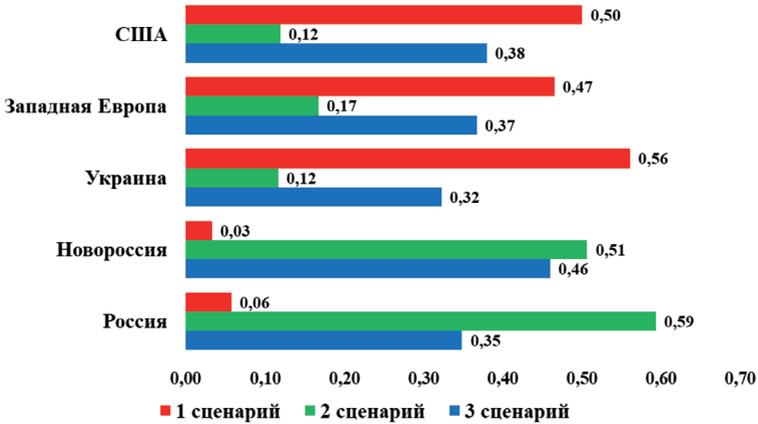

Рис. 1. Интегральные оценки влияния сценариев на цели вовлеченных акторов

развития ситуации на Юго-Востоке Украины на цели вовлеченных сторон отражен на Рисунке 1.

Оценки влияния сценариев на развитие ситуации создают предпосылки для разделения всех акторов по двум геополитическим блокам: геополитический блок № 1 включает США, Западную Европу и Украину, а геополитический блок № 2 – Россию и Новороссию. Внутри каждого геополитического блока наблюдается солидарность акторов в порядке предпочтительности сценариев. Интегральные оценки показывают, что каждый геополитический блок нацеливает себя на реализацию сценария, который является самым неприемлемым для геополитического блока-оппонента.

Для США – как ведущего актора геополитического блока №1 – пересмотр государственных границ на постсоветском пространстве в 2014 году в виде присоединения Крыма к России стал точкой «невозврата» в политическом взаимодействии с РФ. Коридор допустимых стратегий США исключает не только возможность крупных геополитических побед России, но и «выигрыш» в виде реализации Минска–2. Нанесение окончательного военного поражения Новороссии является мощным аргументом для подрыва влияния РФ в регионе [Сушенцов, Силаев 2018].

Западноевропейские страны, являясь членами НАТО, придерживаются доктрины сдерживания РФ при расширении военного и политического влияния европейских структур. Будучи зависимой от США, Западная Европа выстраивает свои сценарные предпочтения в американской логике. Однако разрыв между оценками предпочтительности первого и третьего сценариев у Западной Европы немного меньше, чем у США¹.

Украина выделяет для себя первый сценарий как эффективный. Наибольшее стремление Украины из всех акторов геополитического блока № 1 реализовать первый сценарий диктуется желанием заручиться доверием и поддержкой евроатлантического сообщества в вопросах геополитического сдерживания России с последующим надежным закреплением в системе координат, где США является главной точкой «отсчета» на мировой арене [Пономарев 2017; Власюк 2017; Горбулін 2015; Розумний 2017]. Более того, радикальность первого сценария будет требовать задействования достаточного количества внутренних ресурсов Украины, что может стать основой для оправдания малоэффективной социально-экономической политики, которую проводят существующие киевские власти.

Желание геополитического блока № 1 приблизить первый сценарий будет наталкиваться на противоположный вектор геополитического блока №2, для которого собственное поражение не будет приемлемым ни при каких обстоятельствах.

Реализацией второго сценария Россия обеспечит одно из главных своих устремлений на украинском направлении – придание правового (признанного мировым сообществом) статуса достигнутым результатам в виде частичного политического обособления Новороссии как противовеса евроатлантическому влиянию на Украине, что де-факто будет означать снятие вопроса Крыма. С учетом отсутствия на текущий момент других приемлемых и открыто артикулируемых альтернатив-сценариев, РФ и ЛДНР, заявляя о своей полной приверженности

¹ Меньшая предпочтительность для Западной Европы первого сценария и большая предпочтительность третьего может быть связана с тем, что решительное геополитическое противостояние с РФ может ухудшить перспективы европейской экономики, которая весьма существенно зависит от российских энергоносителей. Цель «Обеспечение бесперебойных поставок энергоресурсов через украинскую газопроводную систему» может стать нереализуемой при первом сценарии.

Минску–2, вынуждены парировать претензии геополитического блока-оппонента на имплементацию первого сценария, что создает условия для третьего сценария [Сальников 2017].

Соответственно, противостояние геополитических блоков будет сводиться к третьему сценарию (который у обоих противоборствующих блоков является вторым по степени эффективности) до момента, пока потенциал одного из блоков не станет критически превалировать над потенциалом другого блока.

5. Оценка потенциалов акторов

Так как вероятность реализуемости сценариев зависит как от оценок их предпочтительности для сторон конфликта, так и от оценок потенциалов акторов (суммарный потенциал которых распределяется по геополитическим блокам), необходимо определить оценки потенциалов США, Западной Европы, Украины, Новороссии и России, которые будут характеризовать потенциальные возможности акторов влиять на развитие украинского конфликта в выгодном для себя направлении¹.

По мнению ряда экспертов, уровень потенциала сторон (и их соотношение) может быть представлен в следующем качественном описании (см. табл. 2). Из Таблицы 2 видно, что в настоящий момент потенциальное влияние России на возможное развитие событий на Украине превышает потенциалы других сторон. Вторым по величине потенциалом обладают США, затем – Западная Европа и Украина. Самым малым потенциалом обладает Новороссия. Следующий шаг подразумевает закрепление конкретных числовых значений за потенциалами акторов. Для этого необходимо воспользоваться шкалой преобразований вербальных оценок в количественные (см. табл. 3).

После конвертации оценок из качественной в количественную плоскость были получены следующие соотношения потенциалов акторов: Новороссия : Украина : Западная Европа : США : Россия как

¹ Под потенциалом конкретного актора понимается как готовность организовывать и проводить военные и военно-информационные операции на Юго-Востоке Украины (или в той или иной степени участвовать в них), так и способность наносить ущерб политического и/или социально-экономического характера, последствия которого могут стать критическими для потенциала актора-противника на Юго-Востоке Украины.

1 : 2,67 : 3,67 : 4,5 : 6. На Рисунке 2 представлены оценки сравнительного потенциала значимых акторов конфликта.

Таблица 2

Качественное описание потенциалов вовлеченных акторов

Потенциал влияния России на Украине незначительно превышает потенциал США
Потенциал влияния России на Украине незначительно превышает потенциал Западной Европы
Потенциал влияния России на Украине определенно превышает потенциал Украины
Потенциал влияния России на Украине существенно превышает потенциал Новороссии
Потенциал влияния США на Украине незначительно превышает потенциал Западной Европы
Потенциал влияния США на Украине умеренно превышает потенциал Украины
Потенциал влияния США на Украине существенно превышает потенциал Новороссии
Потенциалы влияния Западной Европы и Украины равны
Потенциал влияния Западной Европы на Украине умеренно превышает потенциал Новороссии
Потенциал влияния Украины в регионе умеренно превышает потенциал Новороссии

Таблица 3

**Шкала преобразования вербальных оценок
в количественные оценки**

Вербальные оценки	Количественные оценки
Потенциалы сторон равны	1
Превосходство потенциала одной из сторон незначительное	2
Превосходство потенциала одной из сторон умеренное	3
Превосходство потенциала одной из сторон вполне определенное	4
Превосходство потенциала одной из сторон существенное	5

На основе полученных результатов можно констатировать, что суммарный потенциал США, Западной Европы и Украины (0,608)

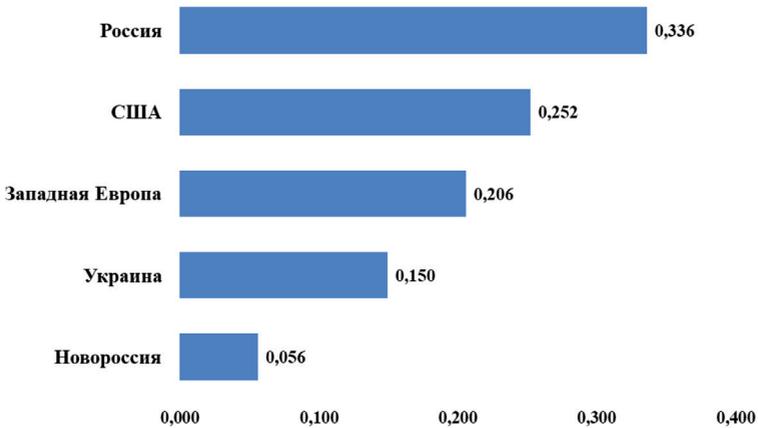

Рис. 2. Оценки сравнительного потенциала значимых сторон конфликта на Юго-Востоке Украины

превышает суммарный потенциал России и Новороссии (0,392). Это в первую очередь связано с низким потенциалом Новороссии¹.

6. Прогнозные оценки вероятности реализации сценариев

Совмещая оценки предпочтительности для акторов сценариев развития ситуации на Украине и оценки их потенциалов, возможно определить прогнозные оценки вероятности реализации рассматриваемых сценариев развития ситуации на Украине (см. рис. 3).

Обращает на себя внимание очень высокая «плотность» полученных вероятностей. Разница между наиболее вероятным и наименее вероятным сценарием развития ситуации на Украине не превышает 0,05. При этом оценка наиболее вероятного сценария не достигает значения 0,4. Опираясь на полученные результаты, можно констатировать, что вероятное развитие конфликта на Юго-Востоке Украины в настоящий момент представляется весьма неопределенным.

В целом положение на Юго-Востоке Украины носит конфронтационный характер, отличается диаметральной противоположностью

¹ К причинам низкого потенциала Новороссии следует отнести недостаточную мощь армейских корпусов ЛДНР, сложную социально-экономическую ситуацию и др.

Рис. 3. Прогнозные оценки вероятности реализации сценариев развития ситуации на Юго-Востоке Украины

целей вовлеченных акторов при сопоставимых потенциалах обозначенных геополитических блоков. Поэтому ситуация на Украине в настоящее время представляется неустойчивой и неопределенной.

7. Анализ прогнозной модели

Рассматриваемая модель прогноза ситуации на Украине позволяет определить, каким образом должны измениться входные параметры, чтобы интересы России были максимально удовлетворены.

Стоит отметить, что диаметрально противоположные устремления США, Западной Европы и Украины, с одной стороны, и России и Новороссии, с другой – практически исключают пересмотр ими целей и оценок предпочтительности рассматриваемых сценариев. Становится очевидным, что основным механизмом достижения целей России в контексте украинского конфликта представляется повышение собственного потенциала в регионе, а также потенциала Новороссии.

Зависимость реализуемости рассматриваемых сценариев от оценок потенциалов акторов представлена на Рисунке 4.

В настоящее время (обозначено черной вертикалью) наиболее вероятным является сценарий 3 (выделен синим цветом). При этом суммарный потенциал России и Новороссии составляет 40 % от общего потенциала акторов.

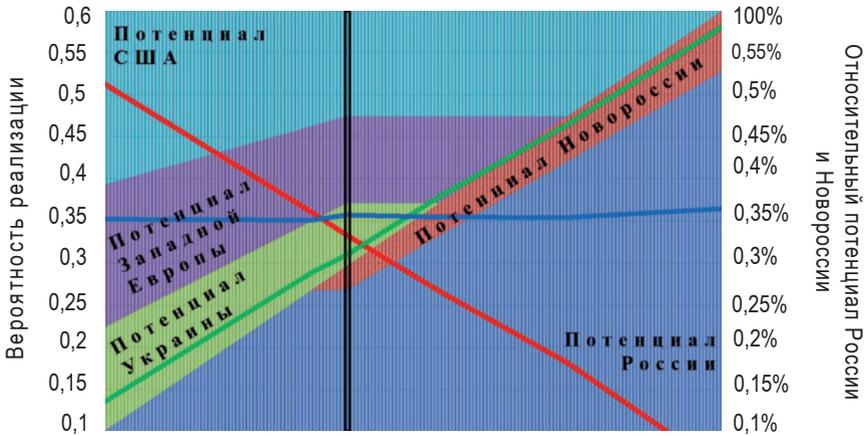

Рис. 4. Распределение прогнозных оценок вероятности реализации сценариев при изменении соотношения потенциалов вовлеченных акторов

При повышении потенциала РФ и Новороссии (черная вертикаль «сдвигается» вправо), например, до 50 % и более, наиболее вероятным становится уже сценарий 2 (выделено зеленым цветом).

И наоборот, при снижении потенциала России и Новороссии (черная вертикаль «сдвигается» влево), например, до 30 % и менее, наиболее вероятным становится сценарий 1 (выделено зеленым цветом).

Интерпретируя Рисунок 4, можно допустить, что если РФ будет заинтересована только в недопущении реализации первого сценария, то задача «минимум» будет складываться из: повышения военно-технического оснащения Новороссии при повышении роли РФ в качестве центра принятия решений; удерживания текущих ограничений в экономическом сотрудничестве с Украиной.

При постановке задачи максимизации вероятности осуществления второго (самого приемлемого для РФ) сценария Россия должна будет не только усилить экономическое давление на Украину, но и существенно расширить неофициальную поддержку Новороссии с намерением решительного противодействия ВСУ контрастными мерами¹.

¹ Подобные шаги могут свидетельствовать о выходе Новороссии из рамок Минских соглашений. Очевидно, что только угроза крупных поражений ВСУ может создать предпосылки для повышения вероятности осуществления второго сценария.

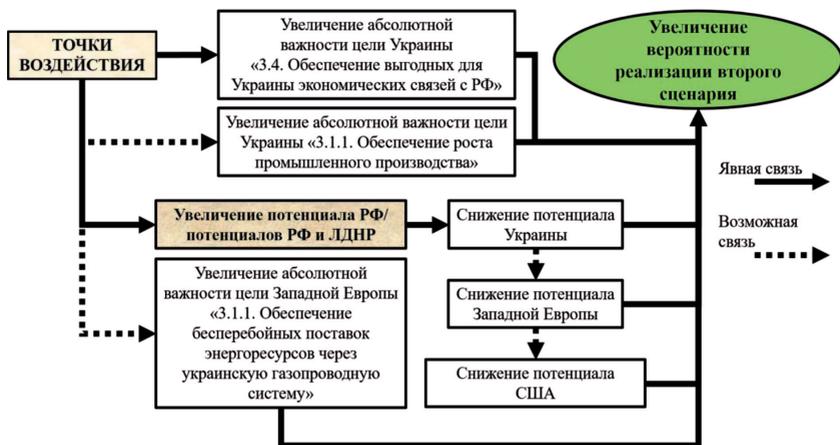

Рис. 5

Установив путь наращивания потенциала РФ и ЛДНР, нельзя пренебречь и потенциальной возможностью изменения приоритетности двух целей Украины и одной цели Западной Европы со стороны РФ. Таким образом, вырисовываются «точки воздействия», прибегнув к которым РФ может увеличить вероятность реализации второго сценария (см. рис. 5).

Заключение

В заключение стоит отметить, что схожесть порядка предпочтительности сценариев внутри геополитических блоков (первый блок – США, Западная Европа и Украины; второй блок – Россия и Новороссия) дает право суммировать выявленные сравнительные потенциалы акторов внутри геополитических блоков и сделать вывод, что западные акторы и Украина более приближены к реализации (самого выгодного для них) первого сценария, чем РФ и Новороссия к реализации второго.

В связи с этим Россия и Новороссия должны удерживать уровень своего влияния в регионе через стабилизацию и наращивание, в первую очередь, военно-политического и экономического потенциалов. Истинность данного тезиса становится более очевидной в свете того, что положение на Юго-Востоке Украины детерминируется противоположностью целей вовлеченных акторов. Максимизация вероятности второго сценария возможна при укреплении общего экономического состояния РФ, что позволит надеяться на эффективность противодействия акторам – противникам в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев Л. Ч. Об актуальных подходах к моделированию международных отношений // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 2. С. 31–48.
- Войтоловский Ф. Г. Российско-американские отношения в контексте украинского кризиса: тенденции и перспективы // Пути к миру и безопасности. 2015. № 1(48). С. 67–84.
- Гайдук В. В. Над украинской пропастью во ржи: между унитаризмом и федерализмом // Вестник БИСТ. 2014. № 3 (24). С. 15–24.
- Гущин А. В., Левченко А. С. Украинский кризис: перспективы мирного урегулирования // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2016. № 4 (06). С. 61–74.
- Курьев К. П. Факторы, детерминирующие перманентную нестабильность на Украине // Постсоветские исследования. 2018. № 1. Т. 1. С. 20–30.
- Меджитов М. Э. Кризис легитимности политической власти в Украине: причины и последствия // Таврический научный обозреватель. 2017. № 9 (26). С. 82–88.
- Пономарёв А. А. Религия. Культура. Цивилизация: модели для понимания украинско-российского кризиса 2014 г. // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 2 (41). С. 55–75.
- Сальников В. И. ДНР и ЛНР как государства зоны проблемной государственности: современные реалии и возможные перспективы // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 1. С. 105–107.
- СМИ: США одобрили продажу Украине комплексов «Джавелин» на 39 млн // Официальный сайт Рен ТВ. URL: ren.tv/news/v-mire/463418-smi-sshadobрили-prodazhu-ukraine-kompleksov-dzhavelin-na-39-mln (дата обращения: 11.11.2019).
- Стебаков М. Н. Ситуация на Юго-Востоке Украины: геополитические цели акторов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 4 (26). С. 72–80.
- Сушенцов А. А., Силаев Н. Ю. Сценарный прогноз развития украинского кризиса // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. Мир и безопасность. 2018. Т. 18. № 1. с. 107–123.
- США анонсировали крупнейшие международные военные учения на Украине // Новостной портал «Рамблер». URL: news.rambler.ru/army/42729980/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=sourylink (дата обращения: 11.11.2019).
- США разблокировали \$ 400 млн на военную помощь Украине // Официальный сайт РИА Новости. URL: ria.ru/20190912/1558636153.html (дата обращения: 11.11.2019).
- Власюк О. С. Кремлівськаагресія проти України: роздуми в контексті війни: монографія / О. С. Власюк, С. В. Кононенко. К. : НІСД, 2017. 304 с.
- Горбулін В. П. Україна і Росія: дев'ятий вал чи Китайськастіна / В. П. Горбулін, О. С. Власюк, С. В. Кононенко. К. : НІСД, 2015. 132 с.

Розумний М. М., Бережний Я. В., Валюшко І. В., Власенко Р. В. Режим Путіна перед виклика ми часу :аналітичнадоповідь // [та ін]; за заг ред. М. М. Розумного. К. : НІСД, 2017. 84 с.

REFERENCES

- Abaev L. Ch.* Ob aktual'nyh podhodah k modelirovaniyu mezhdunarodnyh otnoshenij // Problemy nacional'noj strategii. 2011. № 2. S. 31–48.
- Vojtolovskij F. G.* Rossijsko-amerikanskije otnoshenija v kontekste ukrainskogo krizisa: tendencii i perspektivy // Puti k miru i bezopasnosti. 2015. № 1(48). S. 67–84.
- Gajduk V. V.* Nad ukrainskoj propast'ju vo rzhi: mezhdru unitarizmom i federalizmom // Vestnik BIST. 2014. № 3 (24). S. 15–24.
- Gushhin A. V., Levchenkov A. S.* Ukrainskij krizis: perspektivy mirnogo uregulirovaniya // Vestnik RGGU. Serija: Politologija. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2016. № 4 (06). S. 61–74.
- Kurylev K. P.* Faktory, determinirujushhie permanentnuju nestabil'nost' na Ukraine // Postsovetskie issledovanija. 2018. № 1. T. 1. S. 20–30.
- Medzhitov M. Je.* Krizis legitimnosti politicheskoj vlasti v Ukraine: prichiny i posledstviya // Tavricheskij nauchnyj obozrevatel'. 2017. № 9 (26). S. 82–88.
- Ponomarjov A. A.* Religija. Kul'tura. Civilizacija: modeli dlja ponimanija ukrainsko-rossijskogo krizisa 2014 g. // Problemy nacional'noj strategii. 2017. № 2 (41). S. 55–75.
- Sal'nikov V. I.* DNR I LNR kak gosudarstva zony problemnoj gosudarstvennosti: sovremennye realii i vozmozhnye perspektivy // Vestnik VGU. Serija: Istorija. Politologija. Sociologija. 2017. № 1. S. 105–107.
- SMI: SShA odobrili prodazhu Ukraine kompleksov «Dzhavelin» na 39 mln // Oficial'nyj sajt Ren TV. URL: ren.tv/news/v-mire/463418-smi-ssha-odobrili-prodazhu-ukraine-kompleksov-dzhavelin-na-39-mln (data obrashhenija: 11.11.2019).
- Stebakov M. N.* Situacija na Jugo-Vostoke Ukrainy: geopoliticheskie celi aktorov // Evrazijskaja integracija: jekonomika, pravo, politika. 2018. № 4 (26). C. 72–80.
- Sushencov A. A., Silaev N. Ju.* Scenarnyj prognoz razvitija ukrainskogo krizisa // Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija. Mir i bezopasnost'. 2018. T. 18. № 1. S. 107–123.
- SShA anonsirovali krupnejšie mezhdunarodnye voennye uchenija na Ukraine // Novostnoj portal «Rambler». URL: news.rambler.ru/army/42729980/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (data obrashhenija: 11.11.2019).
- SShA razblokirovali \$ 400 mln na voennuju pomoshh' Ukraine // Oficial'nyj sajt RIA Novosti. URL: ria.ru/20190912/1558636153.html (data obrashhenija: 11.11.2019).

- Vlasjuk O. S.* Kremlivs'kaagresija protii Ukraïni: rozdumi v kontekstivijni: monografija / O. S. Vlasjuk, S. V. Kononenko. K. : NISD, 2017. 304 s.
- Gorbulin V. P.* Ukraïna i Rosija: dev'jatij val chiKitajs'kastina / V. P. Gorbulin, O. S. Vlasjuk, S. V. Kononenko. K. : NISD, 2015. 132 s.
- Rozumnij M. M., Berezhnij Ja. V., Valjushko I. V., Vlasenko R. V.* Rezhim Putina pered viklika mi chasu : analitichnadopovid' // [ta in]; za zag red. M. M. Rozumnogo. K. : NISD, 2017. 84 s.

УДК 323.2(575.2):004.056.53

Г. Н. Валихметова, К. Ш. Аляутдинова

Валихметова Г. Н., доктор исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой востоковедения,
Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина;
e-mail: vgulnara@mail.ru

Аляутдинова К. Ш., лаборант-исследователь центра изучения Центральной Азии,
Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН;
e-mail: kkashaf@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье рассматривается специфика эволюции и развития комплексной системы обеспечения цифровой защиты Киргизской (Кыргызской) Республики, которая обусловлена совокупностью объективных причин политического, экономического и историко-культурного характера, а также издержками догоняющего развития молодого государства. Инициатором и регулятором процесса выступает правительство, которое формирует институциональную и нормативно-правовую базу системы, постепенно интегрируя в нее частный сектор и гражданское общество. В вопросах международного сотрудничества страна ориентирована на взаимодействие с Россией и ее партнерами по Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), которые объединены общим доктринальным подходом к пониманию проблем информационной безопасности в целом.

Ключевые слова: информационная безопасность; кибербезопасность; международное сотрудничество; противодействие экстремизму; Киргизия; Центральная Азия.

G. N. Valiakhmetova, K. Sh. Alyautdinova

Valiakhmetova G. N., Doctor of History, Associate Professor;
Head of the Department of Oriental studies
of the Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin;
e-mail: vgulnara@mail.ru

Alyautdinova K. Sh., Studies Junior Researcher
of the Department of Central Asian, Caucasus and Ural-Volga Region
of the Institute of Oriental Studies of the RAS;
master degree student of the Moscow State Linguistic University;
e-mail: kkashaf@mail.ru

FEATURES OF FORMATION OF THE SYSTEM OF NATIONAL CYBER SECURITY OF THE KYRGYZ REPUBLIC

The article discusses the specificity of the evolution and development of the integrated system of digital protection of Kyrgyzstan. These features were formed due to the combination of objective reasons of a political, economic, historical and cultural nature, as well as the costs of catching up with the development of the young state. The initiator and regulator of the process is the government, which forms the institutional and regulatory framework of the system, gradually integrating the private sector and civil society into it. In the matters of international cooperation, the country is focused on interaction with Russia and its partners in the SCO and CSTO, which are united by a common doctrinal approach to understanding information security problems in general.

Key words: information security; cyber security; international cooperation; countering extremism; Kyrgyz Republic; Central Asia.

Введение

Цифровая революция привела к масштабным сдвигам практически во всех сферах жизни современного общества. К концу 2019 года пользователями Тнтернета стало более половины населения земного шара (53,6 % или 4,1 млрд чел.), причем основная его часть проживает в развивающихся странах (3,02 млрд человек) [ITUStatistics 2019 URL]. Вместе с тем стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) порождает целый комплекс угроз и вызовов безопасности, ответ на которые должно давать в первую очередь государство в рамках разработки и реализации национальных киберстратегий, а также развития международного сотрудничества. 31 декабря 2019 года в новогоднем обращении к нации президент Киргизии Сооронбай Жээнбеков объявил наступающий 2020 год «годом развития регионов, цифровизации страны и поддержки детей» [От цифровизации до волонтерства: каким будет 2020 год в странах Центральной Азии 2020 URL]. Тот факт, что сфера ИКТ второй год подряд становится приоритетным направлением развития республики, свидетельствует как об активизации государственной политики в данной области, так и о наличии здесь довольно серьезных проблем, требующих скорейшего решения.

Вопросы обеспечения цифровой защиты Киргизской (Кыргызской) Республик в последние годы стали предметом политических и академических дискуссий. Страна имеет относительно

низкие показатели в Глобальном индексе кибербезопасности – исследовательском проекте Международного союза электросвязи Организация объединенных наций (ООН), который ориентирован на выявление рисков развития цифровой среды, разработку рекомендаций по укреплению киберзащиты государств и формирование глобальной цифровой культуры [GCI 2014, с. 29–31]. С 2014 года Киргизия входит в группу стран с низким уровнем кибербезопасности и продолжает уступать свои позиции, опустившись с 96-й строчки рейтинга в 2017 году на 111-е место в 2018 году. В региональном срезе индекса страна занимает 4-е место в Центральной Азии и 8-е место в СНГ, опережая лишь Туркменистан. Бессменным лидером Центрально-Азиатского региона остается Казахстан, за короткий период с 2017 года по 2018 год поднявшийся с 82-й на 40-ю позицию глобального рейтинга и с 7-го места на 2-е в индексе стран СНГ [GCI 2017, с. 56; GCI 2018, с. 59–60].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что мировое сообщество до сих пор не выработало единого концептуального подхода к пониманию кибербезопасности и угроз, исходящих из цифрового пространства. По сути, сегодня каждое государство или группа государств нарабатывают свои собственные практики и методы обеспечения защиты национальных сегментов Глобальной сети. Так можно ли говорить о некоем отставании Киргизии в сфере создания комплексной системы киберзащиты страны? Или все же речь идет о собственной траектории развития республики в цифровой сфере? Данная статья является попыткой ответить на указанные вопросы на основе анализа программных документов Киргизской Республики, экспертных отчетов исследовательских центров из России, Киргизии и зарубежных стран, материалов киргизских информационно-новостных ресурсов.

От институциональных основ к политической стратегии

Процесс становления информационного пространства в странах Центральной Азии имеет ряд особенностей. В первое десятилетие XXI века, когда большинство государств мира начали активно осваивать ИКТ, Киргизия значительно опережала своих соседей по региону по темпам внедрения Интернета [Ибрагимов 2013, с. 117]. Число пользователей Глобальной сети возросло с 3 % населения в 2001 году, до 19,6 % в 2011 году, а в 2019 году составило 40,3 %, или более 2,5 млн чел. [Количество интернет-пользователей Киргистана

ежегодно растет URL; ITU Statistics 2019 URL]. Но, как и другие страны Центральной Азии, Киргизия практически сразу столкнулась с проблемой информационного неравенства: доступ к Сети имелся лишь крупных городах; выход в интернет осуществлялся преимущественно посредством мобильной связи (к которой уже к началу 2010-х годов было подключено 90 % жителей республики); стоимость услуг мобильных операторов оставалась относительно высокой; в киргизском сегменте Всемирной паутины доминировал русскоязычный контент, в то время как уровень владения русским языком в стране стремительно снижался.

Кроме того, поскольку интернет-сайты не подпадали под правовое регулирование, как медиа-ресурсы, они нередко становились информационной площадкой для политической оппозиции. Трагические события на юге Киргизии в 2010 г. продемонстрировали социальнополитическую значимость цифровых технологий и их противоречивый мобилизационный потенциал. Это сформировало специфическое понимание информационной безопасности правительствами стран Центральной Азии преимущественно как защиты национального информационного пространства от деструктивного контента, под которым подразумевалась критика в адрес властных структур [Ибрагимов 2013, с. 103–103, 117–119]. Аналогичный подход зафиксирован в базовых документах по обеспечению информационной безопасности таких международных структур с участием Центрально-Азиатских республик, как Содружество Независимых Государств (СНГ), Шанхайская организация сотрудничества ШОС) и Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Однако в международной практике к сфере кибербезопасности относятся «технические, правовые и организационные меры борьбы с киберпреступностью, защита персональных, корпоративных и государственных данных, продвижение культуры кибербезопасности и техническое взаимодействие операторов интернет-сервисов, регуляторов и других участников отрасли» [Демидов 2016 URL]. Смещение акцентов государственной политики на защиту «информационного суверенитета» сдерживало процесс формирования механизмов обеспечения технико-технологической безопасности стран Центральной Азии, объективно увеличивая их уязвимость перед внешними киберугрозами, исходящими из глобального цифрового пространства.

Ответом властей на стремительное проникновение интернета стало создание специализированных контролирующих институтов и применение узкого набора ограничительных практик, традиционно использовавшихся в социально-политической сфере в целом: централизация каналов связи, блокировка интернет-провайдеров, нарушение работы сайтов с подозрительным контентом, намеренное снижение скорости подключения к Глобальной сети и т. д. Так, в 2009 году в составе Девятого отдела Министерства внутренних дел Кыргызской Республики была сформирована Группа по вопросам киберугроз, в ее обязанности входило выявление присутствия в национальном сегменте Глобальной сети радикально-экстремистских группировок исламистского толка [Кутнаева 2015 URL]. Борьба с экстремизмом в онлайн среде также стала приоритетным направлением деятельности других новых госструктур, призванных выявлять цифровые угрозы и обеспечивать кибернетическую защиту страны: спецотделов в составе Государственного комитета национальной безопасности (ГКНБ) Киргизии, Десятого отдела МВД, Государственного комитета информационных технологий и связи Кыргызской Республики, Исследовательского аналитического центра ИКТ, действующего под руководством Секретариата Совета обороны на базе Института электроники и телекоммуникаций Кыргызского государственного технического университета им. И. Раззакова и др. Все они, кроме того, были привлечены к разработке правовых норм и единой государственной политики в области защиты национального интернет-пространства [Бердибаева 2017 URL; Зимин, Айтбекова, Султанова 2018 URL]. Координация работы различных ведомств по созданию законодательной и нормативно-правовой базы в сфере ИКТ была возложена на Экспертный совет по вопросам цифровой трансформации, сформированный при президенте Киргизии в июне 2018 г. [Кибербезопасность в Киргизстане. Создан совет по вопросам цифровой трансформации 2018 URL].

Подобная траектория формирования системы национальной кибербезопасности в Киргизии весьма противоречиво оценивается экспертами. С одной стороны, казалось бы, излишняя бюрократизация процесса свидетельствует о приверженности властей традиционной модели управления, когда решения принимаются в верхних эшелонах власти без привлечения представителей IT-отрасли, априори

располагающей высококвалифицированными специалистами, а также без участия гражданского сектора в лице общественных организаций и в целом населения страны. С другой – активное создание институциональной и нормативно-правовой базы защиты информационного пространства Киргизии демонстрировало признание государством значимости зарождающейся цифровой отрасли и готовность властей к диалогу с ней, к упорядочению межведомственного взаимодействия, к четкому определению сфер ответственности во избежание дублирования функций, а также к пересмотру исключительно политизированной интерпретации понятия «информационная безопасность» [Демидов 2016 URL; Эксперты Центральной Азии: кто должен отвечать за кибербезопасность 2016 URL].

Резкое увеличение кибернападений на объекты критической инфраструктуры и взрывной рост киберпреступности по всему миру во втором десятилетии XXI века форсировал процесс формирования в Киргизии комплексной системы национальной киберзащиты, базирующейся на тесном взаимодействии государства, частного сектора и гражданского общества. Важным этапом этого процесса стало принятие в августе 2019 года «Концепции информационной безопасности Кыргызской Республики на 2019–2023 годы» и Плана мероприятий по ее реализации. Фактически этот обширный документ свел в единую систему все правительственные инициативы и достижения предшествующих лет в области кибербезопасности. Стратегия охватывает широкий круг направлений и методов информационной защиты страны – от определения методологических подходов и правовой основы противодействия компьютерным преступлениям до принципов цифровизации киргизской экономики и государственного управления; от вопросов технической стандартизации и международного сотрудничества до наращивания человеческого потенциала в области обеспечения кибербезопасности. Интегральной частью Концепции стала Программа цифровой трансформации «Цифровой Кыргызстан 2019–2023», принятая Советом безопасности республики в декабре 2018 года. Программа представляет собой совокупность национальных проектов, нацеленных на развитие национального цифрового контента на государственном языке, разработку и внедрение сервисов электронного правительства для граждан и бизнеса, создание автоматизированных информационных систем в сфере правосудия,

образования, науки и культуры, различных отраслей промышленности и сельского хозяйства и т. д. [Концепция информационной Киргизской Республики на 2019–2023 годы URL].

Вместе с тем следует особо подчеркнуть тот факт, что, несмотря на широкий спектр правовых, организационно-технических и экономических мер, нацеленных на повсеместное внедрение цифровых технологий во все сферы киргизского общества, власти республики сохранили ключевое видение информационной безопасности страны как социально-политической защищенности государства и его граждан. Киберстратегия Киргизии определяет национальные интересы республики в сфере ИКТ как «соблюдение норм законности и правопорядка, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности, достижения экономического роста, политической и социальной стабильности» [Концепция информационной Киргизской Республики на 2019–2023 годы URL]. Иными словами, противодействие экстремизму в национальном интернет-пространстве остается приоритетной задачей киргизских властей. Вместе с тем алгоритм рассмотрения и принятия законопроектов в сфере ИКТ предусматривает процедуру их предварительного обсуждения с экспертами и представителями гражданского общества. Киргизская практика взаимодействия государства и ответственности, полагают наблюдатели, свидетельствует о возможности найти компромисс между национальными интересами в вопросах кибербезопасности и правом граждан на свободу слова и личное пространство в цифровой среде [Бердибаева 2017 URL].

Особое внимание Стратегия уделяет вопросам «защиты детей и подростков от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию <...> от противоправного и социально опасного контента», а также предлагает комплекс мер в сфере науки, образования и культуры, направленных на создание безопасной онлайн среды для молодого поколения республики [Концепция ... 2019 URL]. Последние годы защита детей в цифровом пространстве была включена в международную повестку в качестве первоочередной задачи [GCI 2018, с. 70]. Поэтому можно отнести к числу передовых практик мира опыт Киргизии, где уже реализуются соответствующие национальные проекты, а в систему школьного, среднего профессионального и высшего образования внедряются

дисциплины по кибербезопасности, компьютерной грамотности и цифровой культуре [Бердибаева 2017 URL; Зимин, Айтбекова, Султанова 2018 URL].

Специфика киргизского подхода к международному сотрудничеству в сфере кибербезопасности

Международное сотрудничество в сфере кибербезопасности Киргизии и в целом стран Центральной Азии также имеет ряд специфических черт. Прежде всего речь идет о приоритетном взаимодействии со странами СНГ и государствами – членами ШОС, ОДКБ и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [Концепция ... 2019 URL]. Подобный подход подвергается серьезной критике со стороны стран Запада, усматривающих в нем определенную степень влияния Москвы на своих центральноазиатских партнеров [Segate, Dovgalyuk 2017, с. 33–37]. Действительно, Россия и страны Центральной Азии не подписали Будапештскую конвенцию Совета Европы о компьютерных преступлениях 2001 года. Неприемлемым для них оказалось одно из ее положений, позволяющее зарубежным спецслужбам получать трансграничный доступ к компьютерным сетям стран-участниц без официального уведомления соответствующих правительств, что рассматривается как прямая угроза суверенитету государств. Альтернативой конвенции в формате СНГ стали два документа 2013 года – Концепция сотрудничества по борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием ИКТ, и Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения информационной безопасности. Однако они имеют рамочный характер и, по мнению экспертов, не формируют комплексной системы борьбы с киберпреступлениями, акцентируя внимание скорее на выявлении противоправного контента [Эксперты ... 2016 URL].

Схожая критика звучит и в адрес других важных форматов международного взаимодействия Киргизии и стран Центральной Азии в цифровой сфере (ШОС, ОДКБ и ЕАЭС), которые, в отличие от западного подхода, также включают социально-политические аспекты в свои концепции совместной информационной защиты. При этом важно подчеркнуть, что именно участники Шанхайской организации сотрудничества в 2006 году одними из первых в мире призвали международное сообщество к выработке международнопризнанных норм деятельности в интернет-пространстве и координации усилий

в области противодействия угрозам, исходящим из информационной сферы. Проблемы ответственности государств за безопасную цифровую среду были ключевыми в повестке саммита ШОС в Бишкеке 2013 г., где, кроме того, была создана специальная экспертная группа по вопросам киберзащиты [Кутнаева 2015 URL]. В 2011 и 2015 годах ШОС предложила ООН Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности (МИБ). Кодекс определял триаду угроз, порождаемых ИКТ, в лице уголовной, террористической и экстремистской деятельности в цифровой среде, а также ключевые объекты защиты – «политическую, экономическую и социальную стабильность других стран, их культуру и духовный мир» [Письмо постоянных представителей Казахстана, Китая, Киргизстата, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана при ООН от 9 января 2015 года URL]. Однако аналитики относят этот документ скорее к области «мягкого права», поскольку он содержит рекомендации и не предлагает конкретные механизмы, технические или правовые, для борьбы с правонарушениями в интернет-пространстве [Segate, Dovgalyuk 2017, с. 34–35].

Соглашение о сотрудничестве в сфере МИБ, подписанное странами ШОС на саммите в Екатеринбурге в 2009 году, стало первым в мировой практике международным документом, который не только определяет формат, цели и принципы взаимодействия, но и имеет обязывающий характер. В договоре, помимо прочего, заложена концептуальная основа и общий подход к пониманию таких ключевых терминов, как «информационная война», «информационное оружие», «информационный терроризм», «информационная преступность» и др. Тем не менее эксперты относят и данное соглашение скорее к «рамочной конструкции, которую необходимо наполнять конкретным содержанием и практическими механизмами сотрудничества, в том числе на основе отдельных соглашений по конкретным вопросам» [Демидов 2016 URL].

Противодействие информационным угрозам также является одним из главных направлений взаимодействия государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в рамках которого уже в 2010 году было принято Положение о сотрудничестве в области информационной безопасности. На последнем саммите, состоявшемся в Бишкеке в ноябре 2019 года, было подписано

15 документов, в том числе касающихся совместного противодействия киберпреступности и распространению в интернет-пространстве информации, потенциально способной нанести ущерб политическим интересам стран-участниц [Центральная в Азии: председательство в ОДКБ переходит от киргизии к РФ 2019 URL]. По мнению экспертов, однако, и данный формат позволяет решать точечные задачи кибербезопасности, в числе которых преимущественно фигурируют выявление и закрытие интернет-платформ с экстремистским контентом, как в случае с серией операций «Прокси» [Демидов 2016 URL].

Подобная критика обоснована лишь отчасти. При ОДКБ, например, с 2014 года действует региональное отделение Групп по реагированию на компьютерные инциденты (CERT). Защиту от кибератак, в том числе с территории других государств, осуществляют также национальные CERT, которые начали функционировать в Казахстане с 2011 года, Узбекистане – с 2013 года и в Киргизии – с 2015 года. Однако, в отличие от международной практики, CERT в странах Центральной Азии пока не являются независимыми структурами, они сформированы при государственных органах и действуют в рамках правительственного мандата [там же URL].

В целом, Республика Киргизия, как и другие страны Центральной Азии, в вопросах международного сотрудничества в сфере кибербезопасности отдает предпочтение региональному и двустороннему взаимодействию, которое обеспечивают им коллективную защиту деструктивного цифрового воздействия извне. Именно в форматах таких структур безопасности, как ШОС и ОДКБ, Киргизия и ее соседи по региону видят путь к гармонизации национальных политик в сфере борьбы с противоправным использованием ИКТ и выстраивания комплексной системы защиты национальной и региональной цифровой среды.

Заключение

К настоящему времени система обеспечения национальной кибербезопасности Киргизской Республики находится в процессе формирования. Его несколько отсроченный, по сравнению с развитыми странами, старт (с конца 2000-х годов) объясняется трудностями становления молодого государства, столкнувшегося с целым комплексом угроз экономического, социально-политического и историко-культурного

характера, порожденных распадом СССР, и биполярного мира в целом. По тем же причинам стремительный рост ИКТ как глобальный мегатренд специфически проявился в странах Центральной Азии: расширяющиеся возможности цифровых технологий создали благодатную почву для активизации в интернет-пространстве деятельности антисистемных радикально-экстремистских групп исламистского толка. В это время развитые страны мира уже столкнулись с киберугрозами высшего порядка в форме кибератак на объекты критической инфраструктуры и сосредоточили свое внимание на исключительно технических аспектах проблемы. Путь же Киргизии и ее соседей по региону к выстраиванию национальной информационной защиты начался с противодействия использованию онлайн среды для подрыва социально-политической стабильности, а также с координации усилий с государствами со сходным комплексом угроз.

В силу этих обстоятельств инициатором создания системы национальной информационной защиты в Киргизии и других странах Центральной Азии объективно стало государство, которое действовало по традиционной схеме «сверху вниз»: государственные институты – нормативно-правовая база – национальная стратегия – интеграция частного сектора и общества в структуру цифровой защиты страны. Значительное снижение радикально-исламистской угрозы в Центрально-Азиатском регионе свидетельствует об эффективности данного подхода. Вместе с тем нельзя не признать, что акцент на социально-политических аспектах информационной безопасности породил тенденцию к определенному «перерегулированию» институционального и правового поля при недостатке внимания к техническим, организационным и иным не менее важным составляющим комплексной системы кибербезопасности. Довольно быстрые темпы цифровизации страны и, как следствие, расширение спектра киберугроз, в том числе высшего уровня, вынудили киргизское правительство форсировать процесс восполнения указанных лакун. Сегодня в Киргизии активно создаются механизмы взаимодействия властей с частным сектором и гражданским обществом. Наиболее значимые шаги в этом направлении были сделаны руководством страны за последние два года, что позволяет ожидать повышения рейтинговых показателей Киргизской Республики в Глобальном индексе безопасности уже в краткосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердибаева А.* Как Кыргызстан планирует бороться с киберугрозами? // DigitalReport. 4 апреля 2017. URL: digital.report/kak-kyrgyzstan-planiruet-borotsya-s-kiberugrozami/ (дата обращения: 27.01.2020).
- Демидов О.* Вызовы кибербезопасности в Центральной Азии // Digital Report. 11 августа 2016. URL: digital.report/oleg-demidov-pir-tsentr-moskva-vyizovyi-kiberbezopasnosti-v-tsentralnoy-azii-2/ (дата обращения : 19.01.2020).
- Зимин И. В., Айтбекова А. А., Султанова Ф. Р.* Анализ обеспечения кибербезопасности в Кыргызской Республике. 2018. URL: esa-conference.ru/wp-content/uploads/files/pdf/Sultanova-F.R.-DOI.pdf (дата обращения: 27.01.2020). DOI:10.5281/zenodo.3271164
- Ибрагимова Г.* Подходы государств Центральной Азии к вопросам управления интернетом и обеспечения информационной безопасности // Индекс безопасности. 2013. № 1. С. 103–128.
- Кибербезопасность в Кыргызстане. Создан совет по вопросам цифровой трансформации // 24.KG. 5 июня 2018. URL: 24.kg/obschestvo/86709_kiberbezopasnost_vkirgyizstane_sozdan_sovet_povoprosam_tsifrovoy_transformatsii/ (дата обращения: 31.01.2020).
- Количество интернет пользователей Киргизстана ежегодно растет – Догоев // Kabar. 4 октября 2019. URL: kabar.kg/news/kolichestvo-internet-pol-zovatelei-kyrgyzstana-ezhegodno-rastet-dogoev/ (дата обращения: 21.01.2020).
- Концепция информационной безопасности Кыргызской Республики на 2019–2023 годы (к Постановлению Правительства КР № 209 от 3 мая 2019 года). URL: cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/13652 (дата обращения: 19.02.2020).
- Кутнаева Н.* Кибербезопасность в Центральной Азии // Unipath. 20 августа 2015 года. URL: unipath-magazine.com/кибербезопасность-в-центральной-ази/ (дата обращения: 25.01.2020).
- От цифровизации до волонтерства: каким будет 2020 год в странах Центральной Азии // News-Asia, 3 января 2020. URL: news-asia.ru/view/kz/politics/13202 (дата обращения: 10.01. 2020).
- Письмо постоянных представителей Казахстана, Китая, Кыргызстана, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана при ООН от 9 января 2015 года на имя Генерального секретаря, 13 января 2015 года // ГА ООН. URL: undocs.org/pdf?symbol=ru/a/69/723 (дата обращения: 10.01. 2020).
- Центральная в Азии: председательство в ОДКБ переходит от Киргизии к РФ // Известия, 27 ноября 2019 года. URL: iz.ru/948043/ekaterina-postnikova/

- tsentralnaia-v-azii-predsedatelstvo-v-odkb-perekhodit-ot-kirgizii-k-rf (дата обращения: 21.02. 2020).
- Эксперты Центральной Азии: кто должен отвечать за кибербезопасность // Digital Report. 29 июля 2016 года. URL: digital.report/ekspertyi-tsentralnoy-azii-kto-dolzhen-otvechat-za-kiberbezopasnost/ (дата обращения : 19.01.2020).
- GCI 2014. Global Cybersecurity Index & Cyberwellness Profiles. Geneva: International Telecommunication Union (ITU), 2015. 515 p.
- GCI 2017. Global Cybersecurity Index 2017. Geneva: International Telecommunication Union (ITU), 2018. 66 p.
- GCI 2018. Global Cybersecurity Index (GCI) 2018. Geneva: International Telecommunication Union (ITU), 2019. 92 p.
- ITU Statistics. 2019 год. URL: itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx (дата обращения: 15.01.2020).
- Segate R. V., Dovgalyuk O. Regional Courts in Regional Organizations: An enhanced judicial cooperation, or the failure of international law? Research Gate. September 6, 2017. 46 p.

REFERENCES

- Berdibaeva A. Kak Kyrgyzstan planiruet borot'sja s kiberugrozami? // Digital Report. 4 aprelja 2017. URL: digital.report/kak-kyrgyzstan-planiruet-borot-sya-s-kiberugrozami/ (data obrashhenija: 27.01.2020).
- Demidov O. Vyzovy kiberbezopasnosti v Central'noj Azii // Digital Report. 11 avgusta 2016. URL: digital.report/oleg-demidov-pir-tsentr-moskva-vyizovyi-kiberbezopasnosti-v-tsentralnoy-azii-2/ (data obrashhenija: 19.01.2020).
- Zimin I. V., Ajtbekova A. A., Sultanova F. R. Analiz obespechenija kiberbezopasnosti v Kyrgyzskoj Respublike. 2018. URL: esa-conference.ru/wp-content/uploads/files/pdf/Sultanova-F.R.-DOI.pdf (data obrashhenija: 27.01.2020). DOI:10.5281/zenodo.3271164
- Ibragimova G. Podhody gosudarstv Central'noj Azii k voprosam upravlenija internetom i obespechenija informacionnoj bezopasnosti // Indeks bezopasnosti. 2013. № 1. С. 103–128.
- Kiberbezopasnost' v Kyrgyzstane. Sozdan sovet po voprosam cifrovoj transformacii // 24.KG. 5 ijunja 2018. URL: 24.kg/obschestvo/86709_kiberbezopasnost_vkirgizstane_sozdan_sovet_povoprosam_tsifrovoy_transformacii/ (data obrashhenija: 31.01.2020).
- Kolichestvo internet pol'zovatelej Kirgizstana ezhegodno rastet – Dogoev // Kabar. 4 oktjabrja 2019. URL: kabar.kg/news/kolichestvo-internet-pol-zovatelei-kyrgyzstana-ezhegodno-rastet-dogoev/ (data obrashhenija: 21.01.2020).

- Koncepcija informacionnoj bezopasnosti Kyrgyzskoj Respubliki na 2019–2023 gody (k Postanovleniju Pravitel'stva KR № 209 ot 3 maja 2019 goda). URL: cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/13652 (data obrashhenija: 19.02.2020).
- Kutnaeva N. Kiberbezopasnost' v Central'noj Azii // Unipath. 20 avgusta 2015 goda. URL: unipath-magazine.com/kiberbezopasnost'-v-central'noj-azii/ (data obrashhenija: 25.01.2020).
- Ot cifrovizacii do volonterstva: kakim budet 2020 god v stranah Central'noj Azii // News-Asia, 3 janvarja 2020. URL: news-asia.ru/view/kz/politics/13202 (data obrashhenija: 10.01.2020).
- Pis'mo postojannyh predstavitelej Kazahstana, Kitaja, Kyrgyzstana, Rossijskoj Federacii, Tadžikistana i Uzbekistana pri OON ot 9 janvarja 2015 goda na imja General'nogo sekretarja, 13 janvarja 2015 goda // GA OON. URL: undocs.org/pdf?symbol=ru/a/69/723 (data obrashhenija: 10.01.2020).
- Central'naja v Azii: predsedatel'stvo v ODKB perehodit ot Kirgizii k RF // Izvestija, 27 nojabrja 2019 goda. URL: iz.ru/948043/ekaterina-postnikova/tcentralnaia-v-azii-predsedatelstvo-v-odkb-perekhodit-ot-kirgizii-k-rf (data obrashhenija: 21.02.2020).
- Jeksperty Central'noj Azii: kto dolzhen otvechat' za kiberbezopasnost' // Digital Report. 29 ijulja 2016 goda. URL: digital.report/ekspertyi-tsentralnoj-azii-kto-dolzhen-otvechat-za-kiberbezopasnost/ (data obrashhenija : 19.01.2020).
- GCI 2014. Global Cybersecurity Index & Cyberwellness Profiles. Geneva: International Telecommunication Union (ITU), 2015. 515 p.
- GCI 2017. Global Cybersecurity Index 2017. Geneva: International Telecommunication Union (ITU), 2018. 66 p.
- GCI 2018. Global Cybersecurity Index (GCI) 2018. Geneva: International Telecommunication Union (ITU), 2019. 92 p.
- ITU Statistics. 2019 god. URL: itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx (data obrashhenija: 15.01.2020).
- Segate R. V., Dovgalyuk O.* Regional Courts in Regional Organizations: An enhanced judicial cooperation, or the failure of international law? Research Gate. September 6, 2017. 46 p.

УДК 327.8

М. М. Васильева

доцент, кандидат политических наук;
доцент кафедры коммуникационных технологий
института международных отношений и социально-политических наук,
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: catmar@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Становление информационного общества в России, с одной стороны, – это объективная необходимость развития современного социума на пути к экономическому процветанию и интеграции в глобальное информационное пространство, с другой стороны, – необходимость защиты и отстаивания интересов России в сфере информационной безопасности, прогнозировании угроз размыванию культурных и нравственных национальных ценностей в условиях глобализации мирового информационного пространства.

Ключевые слова: информационное общество; глобальное информационное пространство; информационный взрыв; угрозы информационной безопасности.

M. M. Vassilyeva

PhD (Politics), Associate Professor;
Communication Technologies Department,
Institute of International Relations and Social and Political Studies;
Moscow State Linguistic University; e-mail: catmar@yandex.ru

INFORMATION SOCIETY DEVELOPMENT IN RUSSIA IN THE GLOBAL INFORMATION SPACE

This article deals with the fact that the beginning of the information society in Russia is an objective necessity for the development of modern society on the way to economic welfare. At the same time, questions arise about defending national interests of Russia in the sphere of information security, predicting threats, erosion of cultural and moral values of Russia in terms of globalizing world information space.

Key words: information society; world information space; information explosion; threats to information security.

Введение

Для современного состояния человеческой цивилизации характерно постоянное увеличение объемов информации. Вследствие информационной революции появилась непосредственная возможность

доступа как к географической, так и социокультурной сфере государства, из единого пространства информационных коммуникаций. В настоящее время Россия сталкивается с такими задачами, как: формирование на своей территории единого информационного пространства, а также вхождение России в мировое информационное пространство.

Информационный взрыв: феномен Big Data. Фиксация социальных взаимодействий в виртуальной среде

Со второй половины XX века в связи со стремительным развитием информационных технологий отмечается резкое увеличение объемов накопленной информации. Исследователи И. В. Лысак и А. В. Максимов выделяют эти тенденции как «информационный кризис», отмечая нарастающее противоречие между объемами накопленной и переработанной информацией [Лысак, Максимов 2015]. Это явление, именуемое «информационным взрывом», наложило глубокий отпечаток на общенациональные и мировые процессы.

Оформился феномен Big Data («большие данные») – колоссальный массив сведений о пользователях, накопленный в Интернете. Эти данные останутся бесполезными, если они не будут обработаны и проанализированы для более эффективного принятия решений и разработки новых продуктов и услуг [Авцинова 2019, с. 6].

Пока только чуть более 20 % информации может быть полезным, а фактически анализируется только около 5 %. Как отмечает международная консалтинговая компания McKisney, специализирующаяся на решении задач, связанных с управлением, Big Data становится неотъемлемым атрибутом для развития конкурентоспособности, внедрения инноваций и увеличения производительности.

Так, к методам работы с Big Data относят:

- *обучение ассоциативным правилам, Data Mining* – это может быть поиск заданных комбинаций объектов; закономерностей в базах данных или же технологии, способные моделировать ситуацию на основе информации, известной пользователю, и использование этого в качестве меры определения приоритетов по интересам. В настоящее время наблюдается современный тренд исследований под общим названием «Субъективная интересность»;

- *смешение и интеграция данных* – процесс интеграции данных большого количества источников для составления более точно структурированной информации, полученной на основе анализа информации от индивидуальных пользователей (это может быть простое объединение данных в требуемый единый формат – физический уровень или же более сложный вариант – в рамках составления единой глобальной схемы, учитывающий структурный и даже поведенческий аспект – логический уровень; самым сложным уровнем смешения и интеграции данных является семантический);

- *нейронные сети*, смоделированные по принципу биологических нейронных сетей – используются в прогнозировании, распознавании информации, построенной на образах. Особенностью нейронных сетей является не программирование, а возможность обучения путем нахождения коэффициентов между нейронами. В связи с этим метод работы с Big Data, разработанный по принципу организации и функционирования нейронных сетей, обладает способностью выстраивать сложные обобщения на основе анализа данных на входе и выходе;

- *визуализация аналитических данных* (в отличие от инфографики, которая создается человеком) создается на основе алгоритмов анализа информации с целью, например, обнаружить некоторую закономерность – тогда эта визуализация считается исследовательской. Презентационная визуализация предназначена для представления данных некоторой аудитории (например, выпуска новостей с элементами обзорной аналитики).

По данным исследования, проведенного в 2014 году аналитической и исследовательской компанией IDC, с 2013 по 2020 год мировой объем информации увеличится десятикратно и достигнет 44 зеттабайт (1 зеттабайт равен 1024 эксабайт, 1 эксабайт равен 10^{18} байт). В частности, Россия на момент проведения этого исследования накопила 155 эксабайт, или 2,4 % мировых данных [Кирыанова URL]. В наше время объем информации в мире удваивается каждые два года, тогда как ранее на увеличение глобального объема информации в два раза требовалось около 50 лет¹.

Отметим, что информационный взрыв – явление многоплановое и многослойное. Может показаться, что его причиной стало такое же

¹ Гос. программа «Информационное общество» (Утв. постановлением Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 356-24). URL: digital.gov.ru/ru/activity/programs/1/ (дата обращения: 20.04.2020).

взрывное развитие технологий, прежде всего коммуникационных, гаджетов и интернет-технологий. Стремительное развитие сети Интернет способствовало переносу всех типов социальных взаимодействий в виртуальную среду. С этого момента любое действие пользователей глобальной сети стало фиксироваться и сохраняться в виртуальной среде, формируя тем самым большой массив данных. Таким образом, стали формироваться так называемые виртуальные копии пользователей, которые пополняются определенной информацией в результате последующих взаимодействий человека с глобальной сетью.

Интернет объединил людей по всему миру. По оценкам той же компании IDC, «количество устройств и предметов, которые можно подключить к Интернету в мире, приближается к 200 млрд, из которых 14 млрд, или 7 %, уже подключены и активно передают данные» [там же]. И этот тренд также является долгосрочным, стратегическим, определяющим дальнейшее развитие цивилизации.

Вместе с тем надо понимать диалектическую взаимосвязь между технологическими, экономическими и социальными факторами. Взрывное развитие технологий вызвано к жизни потребностями экономики и самого социума, точно так же как технологическое совершенствование и накопление информации ведет к дальнейшим изменениям в экономике, в повседневной жизни, социальном поведении, умонастроениях людей, в том, как они воспринимают информацию.

Так, Э. Тоффлер, американский футуролог, один из авторов концепции постиндустриальной цивилизации, в своих работах, выделяя три волны развития человечества, приходит к выводу о новом типе общества, которое он назвал «обществом информационным» или «индустриальным» – общество, в котором ведущая роль отводится информационной революции [Тоффлер 2004, с. 12]. В информационном обществе большинство экономически активного населения занято генерированием, обработкой, хранением и передачей информации.

По словам Э. Тоффлера, общество не будет успевать за стремительно набирающим скорость прогрессом и вынуждено будет претерпевать жесткую ломку. При этом для части общества наблюдаемые изменения будут носить благотворный характер. Эта часть населения сможет вырабатывать пластичную способность адаптироваться к непрекращающимся требованиям перемен, которая будет давать возможность «радостно взлетать на их волне». Большинство

же старается оказывать сопротивление и «пытается от них убежать». В связи с этим большей частью «человечество окажется в резком конфликте с будущим», нарушающим психологическое равновесие человека: «Шок будущего – это феномен времени, продукт сильно ускоряющегося темпа перемен в обществе. Он возникает в результате наложения новой культуры на старую. Это шок культуры в собственном обществе. Но его воздействие гораздо хуже <...> жертва шока будущего этого не знает» [Тоффлер 2002, с. 23].

В советском обществе 1970-х годов XX века на момент публикации работ Э. Тоффлера наблюдалась колоссальная разница и в образе жизни, и в менталитете по сравнению с обществом американским и западно-европейским – идеи не были восприняты.

Проблематика интеграции России в глобальное информационное пространство

Вследствие информационной революции границы государств оказались не способны остановить лавинообразный поток поступающей информации. И здесь уместно будет вспомнить канадского философа М. Маклюэна, выдвинувшего в 1960-х годах XX века концепцию, получившую название «глобальной деревни», в рамках которой Интернет нивелирует расстояние между людьми в процессе коммуникации. М. Маклюэн отмечает: «Те, кому приходится принять на себя первый удар новой технологии, будь то алфавит или радио, наиболее сильно реагируют на нее, поскольку соотношения между чувствами, изменяющиеся вследствие технологического расширения возможностей глаза или уха, помещают человека в новый, полный неожиданностей мир, образующий новую мощную “связку”, новую схему взаимодействия между всеми чувствами. Но по мере того, как сообщество усваивает новый способ восприятия во всех сферах труда и общения, начальный шок постепенно ослабевает» [Маклюэн 2003, с. 34]. В связи с развалом Советского Союза российское общество, в частности, стало открыто информационному влиянию извне и, опираясь на исследования Э. Тоффлера, испытало «шок культуры» или, другими словами, экспансию западной культуры.

Современными тенденциями становится ориентация российского общества на западные ценности, вызванные процессом глобальной

модернизации. При этом нужно учитывать, что в странах западной культуры становление демократически развитого государства регулировалось развитой деятельностью гражданского общества. В российской действительности – с учетом исторических и культурных особенностей – общество отстранено от действий властей. Связывают это с присущей парадигмой для российского социума, когда основы общественного порядка закладываются сильной властью, а на первый план по сравнению с интересами индивида выходят интересы государства. В условиях информационного общества особенно явно намечается оторванность российских реалий от основ развития и становления информационных ценностей, продиктованных переходом к постиндустриальному обществу с развитой рыночной экономикой и высоким уровнем внедрения информационных технологий. Единое информационное пространство находится в тесной взаимосвязи с развитием единого пространства мирового рынка и глобальной коммуникационной системой. Через понятие «глобальное информационное пространство» приходит новое понимание развития современного общества, новая социальная философия.

Становление информационного общества в России происходит в условиях обострения информационно-психологического воздействия на общественность. Социальные изменения в условиях глобального информационного пространства стали приводить к размыванию духовных и нравственных ценностей России, когда в обществе культивируются материальные ценности и постоянное желание в развлечениях.

Отмечается, что одна и та же информация в разных странах может быть воспринята обществом как со знаком «плюс», так и со знаком «минус» или даже как угроза безопасности страны – в зависимости не только от того, как она будет преподнесена, но и, как в целом преподносится информация по данному вопросу. Люди предпочитают получать «готовую» информацию. Поскольку это не требует дополнительных усилий для дополнительной интерпретации и анализа разрозненных и, казалось бы, не связанных друг с другом событий. Особенно на уровне мировой политики. С середины 1990-х годов в обиход вошло такое понятие, как «окно Овертона» – восприятие информации по какому-либо вопросу и формирование относительно него общественного мнения проходит путь от «неприемлемого» до «нормы»

(Немыслимо–Радикально–Приемлемо–Разумно–Популярно–Политическая норма).

Так, представленная немецким социологом Ю. Хабермасом концепция «публичной сферы» рассматривает вопросы, где современные СМИ формируют восприятие информации человеком и даже манипулируют общественным мнением [Хабермас 2016]. Французский философ Ж. Бодрийяр отмечает, что «массам преподносят смысл, а они жаждут зрелища. Массы – это те, кто ослеплен игрой символов и поработан стереотипами, это те, кто воспримет всё, что угодно, лишь бы это оказалось зрелищным» [Бодрийяр 2006, с. 5]. Все чаще стали вставать вопросы о сохранении ценностей российского общества, менталитета и культурной идентичности, о защите и отстаивании национальных интересов России в сфере информационной безопасности, прогнозировании угроз информационного характера. В 2008 году Президентом РФ В. В. Путиным была принята «Стратегия развития информационного общества в России к 2020 году», в мае 2017 г., в связи с быстрым развитием информационных технологий – новая стратегия на период с 2017 по 2030 год¹. Сравнение двух версий стратегии показывает, что новая версия намного более обширна, содержит список определений (таких как «обработка больших данных», «Интернет вещей», «облачные вычисления»), определяет цели стратегии (развитие информационной инфраструктуры, создание новой технологической базы для развития экономики), описывает способы их достижения. Основная цель – создать новое общество – общество знаний. Это общество, в котором сохранение, хранение и распространение достоверной информации имеет первостепенное значение для развития людей, экономики.

Выводы

Становление информационного общества в России в условиях глобального информационного пространства несет свои позитивные и негативные моменты. Приобщение России к мировой матрице высокого уровня развитой экономики и технологически прогрессивного общества дает импульс к долгосрочной перспективе

¹ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: www.kremlin.ru/acts/bank/41919 (дата обращения: 20.04.2020).

совершенствования потенциала страны. С другой стороны, российскому обществу предстоит еще долгий путь по интеграции в глобальное информационное пространство с учетом культурно-исторических особенностей, присущих российскому обществу, а также детальной проработке вопросов о защите и отстаивании интересов России в условиях глобализации мирового информационного пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авцинова Г. И.* Политика цифровизации в современной России: особенности формирования и перспективы развития // PolitBook. 2019. № 4. С. 6–21.
- Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М. : Республика, 2006. 152 с.
- Кирьянова А.* Россия создает 2,4 % мирового объема данных. URL: bigdata.cnews.ru/news/top/rossiya_sozdaet_24_mirovogo_obema_dannyh (дата обращения: 14.04.2020).
- Маклюэн М.* Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / пер. с англ. Киев : Изд. дом ДМИТРИЯ БУРАГО, 2003. 432 с.
- Лысак И. В., Максимов А. В.* Личность в информационном обществе: проблемы и перспективы исследования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. С. 28–35.
- Тоффлер Э.* Шок будущего / пер. с англ. М. : АСТ, 2002. 557 с.
- Тоффлер Э.* Третья волна / пер. с англ. М. : АСТ, 2004. 261 с.
- Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества. М. : Весь Мир, 2016. 344 с.

REFERENCES

- Avcinova G. I.* Politika cifrovizacii v sovremennoj Rossi: osobennosti formirovanija i perspektivy razvitija // PolitBook. 2019. № 4. S. 6–21.
- Bodrijjar Zh.* Obshhestvo potreblenija. M. : Respublika, 2006. 152 s.
- Kir'janova A.* Rossiya sozdaet 2,4 % mirovogo ob#ema dannyh. URL: bigdata.cnews.ru/news/top/rossiya_sozdaet_24_mirovogo_obema_dannyh (data obrashhenija: 14.04.2020).
- Makljuven M.* Galaktika Gutenberga. Sotvorenje cheloveka pechatnoj kul'tury / per. s angl. Kiev : Izd. dom DMITRIJA BURAGO, 2003. 432 s.
- Lysak I. V., Maksimov A. V.* Lichnost' v informacionnom obshhestve: problemy i perspektivy issledovanija // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2015. № 3. С. 28–35.
- Toffler Je.* Shok budushhego / per. s angl. M. : ACT, 2002. 557 s.

Toffler Je. Tret'ja volna / per. s angl. M. : AST, 2004. 261 s.

Habermas Ju. Strukturnoe izmenenie publichnoj sfery: issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshhestva. M. : Ves' Mir, 2016. 344 s.

УДК 327

А. И. Емельянов, В. С. Крючкова

Емельянов А. И., кандидат политических наук, доцент;
заведующий кафедрой теории регионоведения
института международных отношений и социально-политических наук;
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: anton.politolog@ya.ru

Крючкова В. С., ст. преподаватель кафедры теории регионоведения
института международных отношений и социально-политических наук;
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: kryuchkova.veronika@bk.ru

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ ВЕКТОР ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ КЛЮЧЕВЫХ АКТОРОВ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Предметом статьи определены основные политические акторы, которые продолжают играть значительную роль на мировой арене, представляя различные цивилизации (Китай, Россия и США). Все они обладают уникальными идеологическими и цивилизационными особенностями, которые по-разному воспринимаются жителями Латинской Америки. Автор делает вывод, что политический и экономический кризисы, вызванные теми или иными событиями, могут привести к тому, что геополитическая ситуация в регионе изменится, предоставив новые возможности внерегиональным политическим акторам.

Ключевые слова: геополитика; Китай; Россия; статус; стратегия; США; цивилизация.

A. I. Emelianov, V. S. Kryuchkova

Emelianov A. I., PhD (Political Science);
Head of the Department of the Theory of Regional Studies, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty);
Moscow State Linguistic University;
e-mail: anton.politolog@ya.ru

Kryuchkova V. S., Senior Lecturer of the Department of the Theory of Regional Studies, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty);
Moscow State Linguistic University;
e-mail: kryuchkova.veronika@bk.ru

LATIN AMERICAN VECTOR IN THE FOREIGN POLICY STRATEGIES OF KEY ACTORS IN WORLD POLITICS

The subject of the article is identified as the main political actors that continue to play a significant role on the world stage, representing various civilizations (China,

Russia and the United States). All of them have unique ideological and civilizational features that are perceived differently by the inhabitants of Latin America. The author concludes that political and economic crises caused by certain events can lead to a situation when the geopolitical situation in the region will change, providing new opportunities for extra-regional political actors.

Key words: geopolitics; China; Russia; status; strategy; USA; civilization.

Современная геополитическая ситуация в Латинской Америке

В статье определены основные политические акторы, которые продолжают играть значительную роль на мировой арене, представляя различные цивилизации (Китай, Россия и США). Все они обладают уникальными идеологическими и цивилизационными особенностями, которые по-разному воспринимаются жителями Латинской Америки. Автор делает вывод, что политический и экономический кризисы, вызванные теми или иными событиями, могут привести к тому, что геополитическая ситуация в регионе изменится, предоставив новые возможности внерегиональным политическим акторам. В условиях глобального противостояния ключевые акторы мировой политики последовательно выступают за увеличение своего влияния в различных регионах мира, которые представляют геополитическую значимость для реализации тех или иных национальных интересов. Это объясняет неугасающий интерес субъектов мировой политики и к латиноамериканскому региону, который продолжает оставаться одним из самых перспективных по количеству людских и природных ресурсов.

Современная история «западного света» начинается с того момента, как на развалинах колониальных владений европейских монархий возникли более двух десятков государств. Но почти с самого начала суверенитет многих молодых государств, прежде всего латиноамериканских, носил формальный характер, что определялось, прежде всего, их зависимостью от «великого северного соседа» – США. Страны Латинской Америки и США почти ровесники, но это не помешало США встать на европейские рельсы колонизации для того, чтобы доминировать в Западном полушарии, на которое европейские державы не обращали должного внимания. Еще задолго до этого Томас Джефферсон писал, что зарождающаяся конфедерация Северной Америки станет лидером обоих континентов западного полушария,

и в итоге сменит Испанию в качестве доминирующего актора в западном полушарии [Джефферсон 2015, с. 12].

Латинская Америка продолжает оставаться регионом, в котором сконцентрированы колоссальные запасы человеческих и материальных ресурсов, что подтверждается последними статистическими данными ООН [Economic Indicators of Latin American States URL]. С одной стороны, жители государств Латинской Америки близки по духу Китаю и России, но географическая близость к США влияет на расстановку политических сил в пользу проамериканского вектора движения политического маятника. Если же принять во внимание геополитический статус других государств западного полушария, то окажется, что для США они не представляют серьезной угрозы, так как экономики Канады и Мексики тесно переплетены с экономикой США, не обладая стратегическим потенциалом для обретения реального суверенитета на сегодняшний день. Кроме того, в самой Латинской Америке не наблюдается перспектив для создания «новой империи», что предполагали многие исследователи и политики прошлого [Бооркес 2013, с. 115]. Причиной тому являются сложный ландшафт и различные конфликты, которые, в том числе, подогреваются самим США, а также недостаточно развитые коммуникации (автомобильные дороги и сети радиолокационного и мобильного покрытия территории латиноамериканского региона). Кроме того, в Латинской Америке выстроилась система сдержек и противовесов в лице самих стран региона, которая поддерживается США, например, Аргентина – Бразилия, Венесуэла – Колумбия, Перу – Чили. Данные государства, как правило, выстраивают свою политику с оглядкой на геополитический потенциал своих соперников в субрегионе, которые желают стать локомотивами всего региона. В частности, данное обстоятельство препятствует формированию единого интеграционного пространства, которое могло бы предопределить суверенный путь развития всего региона. В то же время появление еще одного глобального актора, базирующегося на уникальных цивилизационных основах, могло бы способствовать становлению укреплению стабильности в международных отношениях.

В то время американские политики надеялись унаследовать колонии слабеющей Испании, но внутренние региональные процессы в Латинской Америке внесли свои коррективы в эту мечту США. В целях легитимации проведения военных операций

в латиноамериканском регионе США приняли доктрину Монро, которая провозглашала все государства Латинской Америки объектом исключительной внешней политики США. Реализация этой стратегии осуществлялась через «политику канонерок», подразумевавшая аннексию ключевых территорий латиноамериканского региона или их временную оккупацию для создания на их территории марионеточных государств. Большую роль в этом процессе играли американские корпорации и вооруженные силы. В результате первые получали медали, а вторые – огромные доходы, часть которых шла в бюджет США и на лоббирование новых захватнических кампаний.

Принимая во внимание, что испанский язык является государственным в подавляющем числе стран региона, многие государства не могут создать даже единую конфедерацию или межгосударственную интеграционную организацию, несмотря на различные привилегии, которые они могли бы получить от этого. Остальные страны региона не представляют большой угрозы, как и вышеперечисленные, хотя это может измениться в случае появления в регионе военных баз и других инфраструктурных объектов внерегиональных акторов, в том числе России и Китая.

История взаимоотношений государств Латинской Америки с Китаем и Россией

Стоит учитывать и исторические предпосылки развития современных событий, которые непременно лягут в основу будущей геополитической ситуации в регионе. История взаимоотношений России с государствами Южной Америки началась в 1828 году, когда Российская империя открыла посольство в Бразилии. Бразилия была выбрана в качестве государства, с которым представлялось возможным установить официальные дипломатические отношения ввиду того, что она, как и Российская империя, была монархией, не ставящей целью революционную деятельность в отличие от ее северных соседей. В дальнейшем политика России в отношении Латинской Америки осложнялась мировыми войнами, «холодной войной» с США, а также их традиционным доминированием в регионе. Все взаимоотношения сводились к культурным и экономическим взаимосвязям [Vázquez Raña 2002, с. 691]. Тем не менее СССР старался привлекать страны региона для совместного продвижения миротворческих инициатив.

Так, в 1980-е гг. позиции СССР и стран Латинской Америки совпадали более чем в 80 случаях при голосованиях, проводимых во время заседаний Генеральной Ассамблеи ООН. Именно в те же годы интенсифицировались государственные визиты лидеров латиноамериканского региона в СССР [Сударев 2004, с. 38].

Так, если Россия стала учитывать интересы латиноамериканцев и поддерживать культурно-духовные связи с регионом лишь с XIX века, китайцы позиционируют себя именно теми, кто первыми «открыл Америку», ввиду того, что мирная колонизация региона была ими начата задолго до европейцев. Возможно, эта мирная попытка колонизации в 1421 году и не имела успеха, в отличие от жесткого покорения региона европейцами, тем не менее, это создает в глазах латиноамериканцев образ «дружественного Китая» – «англосаксов – недругов» [Voyages reflect desire to grow peacefully URL].

На протяжении значительной части своей истории Китай не мог активно выстраивать политику в отношении Латинской Америки. Это обуславливалось отсутствием экономических и политических интересов в связи с недостаточными мощностями своей экономики. Речь идет о том, что сам Китай совсем еще недавно считался колонией Западной Европы, вел многолетнюю борьбу за независимость против государств Западной Европы и Японии. В дальнейшем на руку КНР сыграло то, что США и СССР позиционировали себя как две мировые державы, решающие все актуальные вопросы мировой политики. В этой ситуации Китай старался зарекомендовать себя защитником угнетенных, принижаемых народов и наций.

Новым этапом в становлении Китая в качестве игрока на международной арене стал 1971 год, когда место Тайваня в ООН было отдано КНР, что привело к увеличению влияния Китая в мире. С того времени КНР стала проводить более эффективную политику в латиноамериканском регионе. Укрепление позиций на дипломатической арене привело к скорому установлению официальных дипломатических отношений со многим странами Латинской Америки, среди которых стоит выделить Аргентину, Бразилию, Мексику, Перу, которые установили официальные дипломатические отношения в 1972, 1974, 1972, 1971 годах соответственно. Это стало важной вехой в истории становления Китая в регионе, так как до того дипломатические сношения у КНР были установлены лишь с Кубой и Чили в 1960 и 1970 годы соответственно. Независимая позиция Китая на международной арене

позволяет ему выступать с открытой поддержкой государств региона в их спорах со странами США и Западной Европы, например КНР активно поддерживают суверенитет Аргентины над Мальвинскими (Фолклендскими) островами [Заявление Китайской Народной Республики и Аргентинской Республики URL].

Кроме того, в процессе экономического роста Китай активно использовал ресурсы стран Латинской Америки, что позволило КНР достичь роста экономики в 10 %, а экономика стран самого латиноамериканского региона выросла на 3,6 % [Economic Indicators of China URL]. Примечательно, что Китай является одним из основных кредиторов стран Латинской Америки [Chinese FDI in Latin America URL].

Политико-экономическое сотрудничество со странами Латинской Америки

Политические шаги Китая традиционно затрагивают в основном экономическую сферу, так как действующая политика поиска своего «места под солнцем» в глобальной политике не является первым «выходом в свет» для «спящего гиганта», вынуждая его действовать осторожно. При этом в настоящее время Китай переживает экономические сложности в виде снижающихся темпов экономического развития, с которыми США исторически старается справляться путем организации войн на чужой территории чужими руками.

Таким образом, справедливо говорить, что КНР, как и Россия, негласно признает доктрину Монро и активно использует мягкую силу, чтобы реализовать свои политико-экономические и культурные интересы в регионе. Одним из самых значительных достижений Китая в регионе является расширение сети культурных центров (Институтов Конфуция). По состоянию на 2015 год в странах Южной, Центральной и Латино-Карибской Америки функционируют на постоянной основе более тридцати Институтов Конфуция. Аудитория данных культурных центров ежегодно составляет более 45 тыс. человек [Labor de los Institutos Confucio en America Latina URL].

Сравнивая политику России и КНР с политикой США, справедливо указать на следующее:

1. Россия и Китай не имеют репутации метрополий в глазах латиноамериканцев ввиду отсутствия колоний в регионе, который был объектом англосаксонского экспансионизма в колониальный период.

2. У государств Латинской Америки существует схожая внешне-политическая позиция с Россией и КНР в области антиамериканизма.

3. Латинская Америка в видении России и Китая предстает не только ресурсной базой, но и перспективным участником полицентричного миропорядка, в том числе в рамках ООН. И КНР, и Россия активно взаимодействуют с государствами региона по принятию резолюций в СБ ООН [Jörn, Goodman 2012, с. 8].

Главной задачей России в рамках глобальной стратегии можно назвать стремление возобновить сотрудничество со странами региона путем укрепления военно-политических, экономических и культурных связей. Нельзя упускать из виду процессы сотрудничества нашей страны со государствами Латинской Америки в сфере образования и НИОКиТР. Схожим фактором во внешней политике России и стран региона является желание диверсифицировать свои отношения во всех сферах. Кроме того, взаимодействие нашей страны с государствами региона является доказательством ошибочного предположения, что наша страна находится в международной изоляции после события вхождения Республики Крым и Севастополя в состав Российской Федерации.

Стоит также отметить, что внешняя политика нашей страны и Китая на первый взгляд не содержат существенных противоречий, что приводит нас к предположению, что и Россия, и КНР могут совместно реализовывать различные региональные проекты. При этом данная перспектива не обязательно может быть реализованной, так как у государств региона остаются сомнения в желании Китая быть исключительно инвестором региона, который действует в целях укрепления стран в мировой политической системе. Так, КНР уже заключила не один десяток соглашений, которые являются невыгодными и несправедливыми по отношению к странам Латинской Америки. Примером тому является договор о поставке Чили Китаю ценных металлов в долгосрочной перспективе, что говорит о желании Китая, в первую очередь, воспользоваться ресурсами стран региона [Чили и Китай создадут предприятие по добыче меди URL].

Не остаются без внимания попытки политической элиты России продемонстрировать свою приверженность сотрудничеству со странами Латинской Америки. Это выражается в официальных и государственных визитах главы нашего государства, а также других

политических лидеров в государства латиноамериканского региона. Стоит особо отметить, что Президент Российской Федерации В. В. Путин совершил четыре государственных визита в страны региона с 2014 по 2020 год. Кроме того, состоялись визиты нашего министра иностранных дел С. В. Лаврова в Венесуэлу, Кубу и Мексику в феврале 2020 года. Все это внеочередной раз подчеркивает желание восстановить каналы связи, которые были утрачены в связи с распадом СССР и уходом нашей страны из латиноамериканского региона.

Поездка Патриарха Московского и Всея Руси на Остров Свободы в начале 2016 года показала возможности российского государства использовать не только сферу военно-политического и экономического сотрудничества, но и сферу культуры. Это является подтверждением использования нашей страной мягкой силы. Именно во время данного визита состоялась встреча между Патриархом и Папой Римским. Цель данной встречи заключалась в стремлении увеличить культурное влияние РПЦ в мире, в том числе с элитой латиноамериканского региона, которая исповедует католичество и испытывает тревогу относительно экспансии секулярно-глобалистской идеологии, продвигаемой США в государствах региона.

Внешнеполитические установки США по отношению к латиноамериканским государствам

По заявлению бывшего Государственного Секретаря США Р. Тиллерсона, которое он сделал во время своего выступления в университете Остина осенью 2018 года, «США выступают за возрождение доктрины Монро в отношении Латинской Америки» (*Tillerson's Attempt to Mend Ties, The New-York Times, 02.09.2018*). Данные императивы своей страны подтвердил и сам Президент США Д. Трамп в 2018 году, обращаясь к членам ООН во время осенней сессии Генассамблеи ООН. Это включает в себя достаточно жесткие действия, которые сопоставимы с положениями закона Хелмса-Бертона в отношении Кубы. В настоящее время подобные шаги можно наблюдать в отношении Венесуэлы [Выступление Президента США на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН URL]. В ответ на это не было никакой последовательной реакции государств латиноамериканского региона, что говорит о том, что политическая элита большинства стран региона не собирается выступать открыто против США в ближайшее время, но продолжает

выступать единым фронтом лишь в рамках тех вопросов, которые продвигает Организация американских государств, которую называют «Министерством колоний США» [Сударев 2004, с. 34].

Возможным вариантом ослабления позиций США в регионе могло бы стать создание сильного военно-морского флота государствами латиноамериканского региона. Данное обстоятельство могло бы негативно сказаться на логистике США и создать трудности для стратегических и тактических операций вооруженных сил США в регионе. Именно поэтому США умело манипулируют интересами государств, заставляя их вкладывать деньги в развитие сухопутных вооруженных сил. В то же время сами США выступают в качестве посредника во всех конфликтах, тем самым гарантируя их перманентность. Таким образом, если где-то набирает силу то или иное государство, США вмешиваются в ситуацию, создают конфликт между региональными акторами, сдерживая миротворческие усилия других акторов путем провокаций. Они ведут массированную кампанию в медиа-пространстве без применения военной силы.

В то же время в США есть и противоположные воззрения на Латинскую Америку. Так, американский исследователь Лар Шульцц поддерживает укрепление стран латиноамериканского региона, которые могут стать важным союзником США в XXI веке, образуя «единую ось» в западном полушарии, что скажется позитивно на взаимоотношениях и еще больше укрепит экономические и военно-политические связи стран региона [Schoultz 1987, с. 289].

Заключение

История развития отношений стран Латинской Америки с ключевыми акторами мировой политики демонстрирует закрепощенность стран региона в рамках провозглашенной еще в XIX веке доктрины Монро. Тем не менее нельзя не отметить стремление отдельных государств региона наладить справедливые отношения со всеми участниками мирового политического процесса, укрепляя тем самым столпы полицентричного миропорядка. Примерами стран для сотрудничества являются Китай и Россия, которые вступают в противоречия с США в различных частях света, в том числе и у своих национальных границ. Данное обстоятельство вынуждает КНР и нашу страну действовать на опережение, создавая напряженность у южных подступов

США, чтобы оказывать давление в рамках геополитического противостояния.

При этом отмечаются две тенденции, во-первых, страны региона не желают вступать в открытый конфликт с США, чтобы не стать объектом международных санкций, которые могут навредить странам региона в условиях мирового кризиса. Во-вторых, государства региона не настроены стать полем противостояния двух супердержав, чтобы повторить судьбу Боливии и Венесуэлы, которые стали активно сотрудничать с Россией и Китаем, поставив под удар американской администрации свою политико-экономическую стабильность. Тем более данная перспектива подразумевает потерю своего суверенитета и следования в фарватере другого политического гегемона.

Не стоит забывать о существенном отличии России от США. Оно заключается в том, что наша геополитическая идея строительства справедливого мира пока поддерживается лишь некоторыми государствами с разной национальной спецификой, находящимися под постоянным прессингом США, которую сложно учесть при формировании единого фронта для глобального противовеса США. Говоря о закреплении за современной Россией статуса великой державы или ее превращения в полноценную сверхдержаву, стоит понимать, что на это требуется время, формирование особой политической культуры, воспитание как минимум двух поколений граждан в соответствии с идеалами уважения к своей стране и ее истории. Более того, необходимо формирование стратегической культуры, которая будет обеспечивать воспроизводство интеллектуальной элиты, а также предотвращение ее миграции в другие развитые страны мира. Именно такими временными единицами измеряется господство одного субъекта над другими, как во внутренней, так и во внешней политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бооркес К.* Франсиско де Миранда. Предтеча лагиноамериканской независимости. М. : Репаблика, 2013. 340 с.
- Выступление Д. Трампа на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Посольство и консульства США в России. URL: ru.usembassy.gov/ru/remarks-by-president-trump-to-the-73rd-session-of-the-united-nations-general-assembly-ru/ (дата обращения: 09.04.2020).
- Джефферсон Т.* Свет и свобода. Размышления о стремлении к счастью. СПб. : Союз писателей, 2015. 192 с.

- Заявление Китайской Народной Республики и Аргентинской Республики // Энциклопедический сайт «Худун» (Baike.com). URL: baike.baidu.com/item/马尔维纳斯群岛?fr=aladdin#9 (дата обращения: 09.04.2020)
- Сударев В. П. Две Америки после окончания «холодной войны». М. : Наука, 2004. 205 с.
- Чили и Китай создадут предприятие по добыче меди // РИА Новости. URL: ria.ru/20060223/43721786.html (дата обращения: 09.04.2020).
- Chinese FDI in Latin America // Atlantic Council report. URL: publications.atlanticcouncil.org/china-fdi-latin-america/AC_CHINA_FDI.pdf (дата обращения: 04.04.2020).
- Economic Indicators of China // The UN Data. A World Information. URL: data.un.org/en/iso/cn.html (дата обращения: 04.04.2020).
- Economic Indicators of Latin American States // The UN Data. A World Information. URL: data.un.org/en/index.html (дата обращения: 04.04.2020).
- Jörn D., Goodman D. China and Latin America: Complementarity, Competition and Globalisation // Journal of Current Chinese Affairs. 2012. № 1. P. 5–23.
- Schultz L. National security and United States policy toward Latin America. .. US, New Jersey: Princeton univ. press, 1987. 377 p.
- Sun Xintang. Labor de los Institutos Confucio en America Latina // Seminario Internacional China y América Latina. URL: www.cepal.org/sites/default/files/events/files/sesion_2._sun_xintang3.pdf (дата обращения: 04.04.2020).
- Vázquez Raña M. Dialogues with history : Chapter I-II // Chapter 44. Premature to Talk About the Future of CIS: Yeltsin. México, México : MEO, 2002. 845 p.
- Voyages reflect desire to grow peacefully // China Daily. 15 July 2005. URL: en.people.cn/200507/12/eng20050712_195559.html (дата обращения: 09.04.2020).

REFERENCES

- Boorkes K. Fransisko de Miranda. Predtecha latinoamerikanskoj nezavisimosti. M. : Repablika, 2013. 340 s.
- Vystuplenie D. Trampa na 73-j sessii General'noj Assamblei OON // Posol'stvo i konsul'stva SShA v Rossii. URL: ru.usembassy.gov/ru/remarks-by-president-trump-to-the-73rd-session-of-the-united-nations-general-assembly-ru/ (data obrashhenija: 09.04.2020).
- Dzhefferson T. Svet i svoboda. Razmyshlenija o stremlenii k schast'ju. SPb. : Sojuz pisatelej, 2015. 192 s.
- Zajavlenie Kitajskoj Narodnoj Respubliki i Argentinskoj Respubliki // Jenciklopedicheskij sajt «Hudun» (Baike.com). URL: baike.baidu.com/item/马尔维纳斯群岛?fr=aladdin#9 (data obrashhenija: 09.04.2020)

- Sudarev V. P.* Dve Ameriki posle okonchaniya «holodnoj vojny». M. : Nauka, 2004. 205 s.
- Chili i Kitaj sozdatut predpriyatie po dobyche medi // RIA Novosti. UTL: ria.ru/20060223/43721786.html (data obrashhenija: 09.04.2020).
- Chinese FDI in Latin America // Atlantic Council report. URL: publications.atlanticcouncil.org/china-fdi-latin-america/AC_CHINA_FDI.pdf (data obrashhenija: 04.04.2020).
- Economic Indicators of China // The UN Data. A World Information. URL: data.un.org/en/iso/cn.html (data obrashhenija: 04.04.2020).
- Economic Indicators of Latin American States // The UN Data. A World Information. URL: data.un.org/en/index.html (data obrashhenija: 04.04.2020).
- Jörn D., Goodman D.* China and Latin America: Complementarity, Competition and Globalisation // Journal of Current Chinese Affairs. 2012. № 1. P. 5–23.
- Schultz L.* National security and United States policy toward Latin America. .. US, New Jersey: Princeton univ. press, 1987. 377 p.
- Sun Xintang.* Labor de los Institutos Confucio en America Latina // Seminario Internacional China y América Latina. URL: www.cepal.org/sites/default/files/events/files/sesion_2._sun_xintang3.pdf (data obrashhenija: 04.04.2020).
- Vázquez Raña M. Dialogues with history : Chapter I-II // Chapter 44. Premature to Talk About the Future of CIS: Yeltsin. México, México : MEO, 2002. 845 p.
- Voyages reflect desire to grow peacefully // China Daily. 15 July 2005. URL: en.people.cn/200507/12/eng20050712_195559.html (data obrashhenija: 09.04.2020).

УДК 327

К. Е. Кожухова

преподаватель кафедры политологии
института международных отношений и социально-политических наук,
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: kira.kozhuhova@mail.ru

КИТАЙСКИЕ ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА СИ ЦЗИНЬПИНА

Статья посвящена исследованию ценностных оснований современного внешнеполитического курса КНР. Ретроспективный анализ, синтез и переход от абстрактного к конкретному выявил, что традиционные ценности являются детерминантом современной внешней политики и национальных интересов Китая. Это отражается в «лозунговой» дипломатии Си Цзиньпина, ориентированной на достижение господства на международной арене путем создания «гармоничного» миропорядка и «сообщества единой судьбы человечества».

Ключевые слова: Китай; внешняя политика; Си Цзиньпин; традиционные ценности; национальные интересы.

K. E. Kozhukhova

Lecturer of the Political science department;
Moscow State Linguistic University; e-mail: kira.kozhuhova@mail.ru

CHINESE TRADITIONAL VALUES AS THE FOUNDATION OF XI JINPING'S FOREIGN POLICY

The article is devoted to the study of value bases of modern foreign policy of the People's Republic of China. The use of retrospective analysis, synthesis and transition from the abstract to the concrete revealed that traditional values are the determinant of China's modern foreign policy and national interests, which is reflected in Xi Jinping's "slogan" diplomacy, focused on achieving dominance in the international arena by creating "harmonious" world order and "community of the common destiny of mankind".

Key words: the People's Republic of China; foreign policy; Xi Jinping; traditional values; national interests.

Введение

Внешняя политика Китая является объектом исследования в политологическом сообществе. Особый интерес представляет выявление культурных детерминантов внешнеполитической деятельности

Поднебесной. Это представляется неувидительным, ведь способ ведения Китаем международных сношений опирается на внутреннее традиционное и ценностное содержание страны, ярко демонстрируя уникальную культуру китайского народа.

Основы внешнеполитического курса КНР берут своё начало в основах конфуцианского мировоззрения, задающего тон восприятия Поднебесной себя, окружающих, вопросов войны и безопасности, внешних сношений, стратегии на международной арене. При этом для современной России весьма актуальным является понимание того, как формируются и реализуются внешнеполитические стратегии глобальных игроков [Белозёров 2020].

В данной статье будут проанализированы китайские традиционные ценности, рассматриваемые как основа внешней политики современного Китая, придающие последней особый конфуцианский дух.

Соотношение ценностей и внешней политики

Любое государство стремится к поддержанию своего существования различными способами (в том числе и военными), то есть к обеспечению безопасности. Мир всегда был особым достоянием для каждой страны, поскольку отсутствие угроз извне позволяет уделить более пристальное внимание внутренним вопросам, устремив имеющиеся у государства и общества ресурсы не в военные кампании, а в обеспечение устойчивого роста.

Для формирования благоприятной окружающей обстановки государство стремится проводить внешнеполитический курс в соответствии с аксиологическими установками народа. Назначение же внешней политики – создание условий для устойчивого и безопасного развития страны. Именно поэтому можно утверждать, что ценностные основания внешней политики государства находятся в прямой связи с национальными интересами, так как любой объект приобретает приоритетное значение в том случае, если на него распространится какой-либо интерес [Шохин 2006].

Ценности же в самом общем виде принято определять как явления, которые полезны, нужны людям исторически определенного общества в качестве действительности, цели или идеала [Тугаринов 1960]. На их основе и формируются доктрины и идеологии, реализующиеся в практической политике [Белозёров 2013].

Несмотря на определенное совпадение ценностей разных народов, аксиологический комплекс отдельно взятого государства будет обладать собственной градацией вопросов справедливости, безопасности, что напрямую зависит от исторических условий развития государства, менталитета нации и др. Данный набор состоит из материальных, духовных, религиозных, гносеологических и других ценностей нации, выражающих суть частной цивилизационной модели. Как отметил в своем исследовании Цзи Юешэн, именно культурные детерминанты обеспечивают систему ценностей и в том числе систему политических ценностей, поскольку именно культура обеспечивает восприятие нацией самой себя и окружающей действительности [Цзи 2017].

В качестве промежуточного вывода отметим, что основой внешнеполитического курса государства являются ценности, которые выражают актуальные национальные интересы на международной арене. У китайской цивилизации, история которой насчитывает несколько тысячелетий, это выражено весьма отчетливо.

Конфуцианство как первоисточник традиционных китайских ценностей

Китайская Народная Республика с ее многовековой историей представляет собой довольно устойчивую в культурном плане общность с ценностями, которые сформировались задолго до нашей эры. Преамбула Конституции КНР начинается с констатации того, что «Китай – одно из государств мира с самой древней историей. Народы всех национальностей Китая общими усилиями создали блестящую культуру, имеют славные революционные традиции» [Конституция КНР URL]. Вследствие особенностей менталитета (народ Китая склонен соблюдать традиции своих предков, порой возводя их в культ) национальные ценности практически в неизменном виде дошли до наших дней, поэтому в дальнейшем мы будем опираться на видение национальной аксиологической базы Поднебесной через призму ее исторической традиционности.

Идеологической основой китайских традиционных ценностей является конфуцианство. Хотя даосизм, легизм и буддизм сыграли немаловажную роль в формировании корпуса китайской культуры

и ценностной системы, именно конфуцианство стало основой морали китайского народа, заменяющее кодекс этики, религию и идеологию.

Большинство китайских ученых и политиков признают конфуцианство как наиболее влиятельную философско-политическую школу Китая, идеи которой доминируют на протяжении почти двух тысячелетий [Yuan-Kang 2011]. Российскими исследователями Е. Ц. Прушеновой и Ц. Ц. Чойроповым справедливо высказана идея о том, что на протяжении всего исторического развития Китая конфуцианская доктрина впитывала в себя все изменения мировой политической и экономической системы, что помогало стране эволюционировать в дальнейшем и, отбрасывая ненужный опыт, сохранять свою национальную традицию и ценности в неизменном виде [Прушенова, Чойропов 2007].

Стоит выделить основные ценностные элементы конфуцианского учения, которые составили основу политики Китая:

- 1) принцип гармонии;
- 2) концепт китаецентризма;
- 3) этика ненасилия, нейтралитета и «добродетельной» войны.

Стоит подчеркнуть, что данные элементы находятся в тесной взаимосвязи, переплетаясь и вытекая друг из друга.

Китайская культура в общем смысле ассоциируется с Конфуцием (551–479 год до н. э.), который считает мир истинной драгоценностью. Мир эквивалентен принципу гармонии, поэтому рассмотрение китайского внешнеполитического мышления через призму конфуцианской традиции дает понимание, что Китай предпочитает гармонию конфликту, а оборону – нападению [Переломов 2007]. Укажем смысловой, лингвистический потенциал принципа гармонии для понимания его сущности: гармония в китайском языке обозначает «мир», «стабильность», «баланс» [Распертова 2013]. В связи с этим научное сообщество КНР солидарно в том, что принцип гармонии (和hé) является основополагающим для китайской культуры [Чжунго чжаньлюэ... 2008]. Именно принцип гармонии является базовым, а концепция гармонии в китайской культуре обозначает не только «гармонию человека и природы, человека и человека» [Чжунго чжаньлюэ ... 2008], но и гармоничный мировой порядок, центром которого выступает Поднебесная.

В восприятии китайцев Китай есть Срединное государство, буквально самоназвание Китая это и отражает: 中 Чжун – находящийся

посередине, 國Го – государство. Поднебесная длительное время была изолирована от внешнего мира вплоть до начала Опиумных войн середины XIX в. [Wolfram URL]. Китай как «центр вселенной» ожидает почтительного отношения к себе со стороны других стран, что в данном контексте показывает национальную картину мира, предполагающую его превосходство над неполноценными «варварами», окружающими страну [Бжезинский 2018]. Данный феномен в научной литературе получил название «китаецентризм», что означает подчеркнутую централизацию Китая в мире, миропорядок с «китайской спецификой» [Киссинджер 2014]. Китаецентризм также является традиционной ценностью и обозначает гордость за величие своего государства, патриотизм, народный характер борьбы за первенство в мировом порядке.

Необходимо также учитывать, что конфуцианство в интересующей нас ценностной плоскости состоит из еще трех частей: этики ненасилия, акцента на оборонительную позицию и веры в праведную («добродетельную») войну [Kwong-loi URL]. Ясно, что гармония и баланс для китайцев означают центральное положение Поднебесной во всех сферах. А если гармония с «китайской спецификой» нарушается? В связи с этим обстоятельством конфуцианская этика, подчеркнута ориентированная на поддержания мира, одобряет несколько причин ведения войны.

Во-первых, война оправдана, когда она мотивирована моральными принципами. Война, которая является моральной и справедливой, будет пользоваться народной поддержкой, и поэтому она должна быть успешной. Моральные нормы имеют приоритет над суверенитетом, поскольку результатом справедливой войны было бы восстановление «добродетели».

Во-вторых, война оправдана, когда она ведется в целях самообороны, хотя предпочтение все же следует отдавать невоинственному способу борьбы. Как только Китай решается применить силу против своих врагов, конфуцианство диктует, что следует вести только ограниченную войну. Такая война не должна носить экспансионистского характера. Вместо того, чтобы уничтожить врага и оккупировать его территорию, война с «китайской спецификой» направлена на восстановление прежнего статус-кво [Kwong-loi URL].

Таким образом, мир (безопасность) – истинная ценность китайского народа. Вместе с тем мир воспринимается не как отсутствие угрозы, а как баланс, гармония для своего государства. Гармонией

при таком понимании является местонахождение Китая в центре миропорядка на лидирующих позициях, что вполне закономерно, ведь в китайском «измерении» Поднебесная окружена «варварами». Если порядок (гармония) нарушается, то его следует вернуть на круги своя. Конфуцианская этика зиждется на ценности ненасилия, сохранения нейтралитета и ведения «добродетельной» войны, однако в конечном итоге конфуцианство одобряет возможность применения силы во имя восстановления гармонии (баланса) на международной арене в данном аспекте.

Национальные интересы Китая, которые отражаются в его внешнеполитической стратегии, определяются такими традиционными китайскими ценностями как создание гармоничного миропорядка с Поднебесной на передовых позициях и обеспечение его сохранности всеми доступными (силовыми и несилowymi) способами.

Традиционные ценности поднебесной – детерминант современного внешнеполитического курса Си Цзиньпина

Актуальные тренды международных отношений свидетельствуют о росте двух- и трехсторонних соглашений, а также интеграционных объединений, чем создается новая глобальная конъюнктура.

Поскольку ни одно государство не может оставаться в стороне от настоящих тенденций, председатель КНР Си Цзиньпин обновил китайскую внешнеполитическую повестку и заявил о необходимости самобытной внешней политики в духе великой державы, которая бы обладала китайским размахом, отстаивала китайские традиции и систему ценностей, партийные интересы и социализм с китайской спецификой [Румянцев 2016]. Отметим, что Китай готов принять интеграционный тренд межстранового взаимодействия, но предпочитает оставаться при своей «специфике».

Отличительной чертой современного внешнеполитического курса страны, охарактеризованного председателем Си как «великодержавный» и «самобытный», является наличие четких задокументированных концепций-«лозунгов», которые закрепляют «фронт работ» на международной арене. Наиболее интересными представляются концепции, выдвинутые Си Цзиньпином за время его председательства, – это «китайская мечта», «возрождение китайской нации» и «общество единой судьбы человечества».

Китайская культура характеризуется тяготением к синергетике, что применимо и к пониманию внешнеполитической концепции Поднебесной. Вышеперечисленные «лозунги» входят в глобальное понятие «цель двух столетий», созданное на закате председательства Ху Цзиньтао в 2012 г., и развитое уже Си Цзиньпином [Ломанов 2014], сущность которого заключается в том, чтобы к 2021 г. (столетие со дня образования Коммунистической партии Китая) достигнуть уровня общества средней зажиточности, а к 2049 г. (столетие со дня образования КНР) – создать «могучее, богатое, демократическое, цивилизованное, гармоническое и модернизированное социалистическое государство» [Синьшидай дэ чжунго юй шицзе URL].

Смысл «цели двух столетий» кроется в глубинном самовосприятии китайского народа, у которого сложилось особое отношение к своей истории: «два столетия» выражают боль народной памяти «века унижения». «Веком унижения» китайцы называют период интервенции западных держав во времена Опиумных войн 1840–1842 годов и 1856–1860 годов, а также интервенции даЯпонии 1894–1895 года, период после Мукденского инцидента 1931–1932 го и Японо-китайская война 1937–1945 годов, когда государство нещадно эксплуатировали империалистические державы. Недовольство «веком унижения» присутствует и в официальных выступлениях председателя Си Цзиньпина [Лянь URL], а также в Белой книге 2019 г. [Синьшидай дэ чжунго юй шицзе URL]. Китай намерен не допустить впредь подобного зависимого положения, избавиться от «психологии жертвы» и, что самое главное, вернуться на передовые позиции в мире в экономике и политике.

Каким образом ценностные основания раскрываются в содержании внешнеполитического курса КНР руководством Си Цзиньпина? Суть «китайской мечты» фактически и есть «возрождение китайской нации», а именно восстановления «гармонии» миропорядка с учетом возвращения Китаю «законных» лидерских позиций после «века унижения», создание китаецентричного мира. Именно поэтому Поднебесная предлагает создание «сообщества единой судьбы человечества», в котором Китай на основе «симбиоза справедливости (морали) и выгоды» [Сафронова 2018] (в отличие от гегемонистских государств) превратит мир в открытое толерантное сообщество стран-партнеров, «удобных» для распространения своего влияния, чем и будет достигнута «цели двух столетий».

Инструментом, обеспечивающим реализацию вышеуказанной связки концепций на практике, стал проект «Один пояс – один путь», о начале которого Си Цзиньпин объявил в 2013 г. В документе «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства „Экономического пояса Шелкового пути“ и „Морского Шелкового пути 21-го века“» указано, что проект направлен на соединение инфраструктуры Евразии и Африки, создание интеграционного пространства беспрецедентных масштабов. При этом Китай готов нести уже гораздо большую ответственность и сделать вклад в развитие человечества. Один из разделов данного документа касается подписания рамочных меморандумов с участниками проекта [Дейч 2008].

Избегая развязывания «добродетельной» войны, Китай создает практику нового «гармоничного» мира, соответствующего его представлениям. Несиловыми методами, а именно экономической экспансией, Китай создает систему финансовых «марионеток» по всему миру, лояльность которых позволяет ему лоббировать свои интересы на международной арене (в частности, в вопросах прав человека и государственности Тайваня) [Сафронова 2018].

Таким образом, принцип гармонии, китаецентризм и конфуцианская этика применения силы есть главные ценности китайского народа, которые переросли во внешнеполитические интересы, отраженные в концепциях, предполагающих выстраивание отношений по типу «вассал – сюзерен». Причем в качестве последнего выступает Поднебесная. В настоящее время трудно прогнозировать, реализуются ли амбиции КНР в «добродетельной» войне за мировое первенство. Вместе с тем стоит понимать, что «сообщество единой судьбы человечества» и инициатива «Пояса и пути» есть не что иное, как шаг в выстраивании китайской концепции миропорядка. За «лозунговой» дипломатией, привлекательной для развивающихся стран и ближайших соседей, скрываются истинные ценности и интересы Китая, готового «увести овцу, попавшую под руку» [Тайный канон Китая 2018].

Заключение

Вышеизложенное позволяет утверждать, что традиционные ценности Китая обосновывают современные экспансионистские тенденции его внешней политики. Культура китайской нации на протяжении нескольких веков сформировала определенное видение миропорядка

(во главе с Поднебесной), его ассоциацию с гармонией и желание данный порядок защищать любыми «добродетельными» средствами. Во внешнеполитической практике это выражается в реализации вытекающих из вышеупомянутых ценностей, проводимых под лозунгами найти «китайскую мечту», начать «возрождение китайской нации» и создать «сообщество единой судьбы человечества». В условиях, когда международные отношения все больше представляют собой арену столкновения глобальных проектов, внешняя политика Российской Федерации должна строиться с учетом ценностных детерминантов глобальных игроков, в число которых на полных правах входит и Китай [Белозёров 2019].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белозёров В. К.* Доктрины и идеологии в системе политических институтов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 24. С. 31–40.
- Белозёров В. К.* Противостояние глобальных проектов как основное содержание современных международных отношений // Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение : материалы науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. Я. Касюка, И. К. Харичкина. М. : МГЛУ, 2019. С. 165–171.
- Белозёров В. К.* Дефицит стратегического мышления и императивы его преодоления. Размышления после Венской конференции по стратегии // Власть. 2020. № 1. С. 19–26.
- Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М. : АСТ, 2018. 384 с.
- Дейч Т. Л.* Африка в стратегии Китая. М. : Институт Африки РАН, 2008. 326 с.
- Киссинджер Г.* О Китае. М. : АСТ, 2014. 635 с.
- Конституция КНР (в редакции от 2018 года). URL: chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 09.06.2020).
- Ломанов А. В.* «Китайская мечта» как идеологический символ руководства Си Цзиньпина // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. М. : Форум, 2014. С. 40–56.
- Переломов Л. С.* Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М. : ЛКИ, 2007. 256 с.
- Прушенова Е. Ц., Чойропов Ц. Ц.* Конфуцианство и проблема культурного взаимодействия стран Восточной и Юго-Восточной Азии // Трансформация общества и партийно-политической системы России и Китая в XXI в. Сравнительный анализ / под ред. Н. Г. Скворцова, Юй Кэпина. СПб. : Астерион, 2007. С. 190–197.

- Распертова С. Ю.* Гармоничное общество и гармоничная культура как платформа формирования «китайской мечты» // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. №. 8–4 (15). С. 63–67.
- Румянцев Е. Н.* Внутренняя и внешняя политика Си Цзиньпина. М. : Синосфера, 2016. 589 с.
- Сафронова Е. И.* Китай и развивающийся мир: концепции и актуальная практика отношений (на примере Африки и Латинской Америки): монография. М. : Форум, 2018. 336 с.
- Тайный канон Китая / сост. В. Малявин. М. : РИПОЛ классик, 2018. 304 с.
- Тугаринов В. П.* О ценностях жизни и культуры. Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1960. 155 с.
- Шохин В. К.* Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М. : РУДН, 2006. 457 с.
- Цзи Юеиэн.* Формирование и реализация внешней культурной политики Китая в условиях глобализации // Власть. 2017. № 10. С. 148–154.
- Kwong-loi Shun.* Resentment and forgiveness in Confucian thought // Core. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/48497081.pdf> (дата обращения: 09.06.2020).
- Wolfram Eberhard.* A History of China // Library. URL: library.umac.mo/ebooks/b30863582.pdf (дата обращения: 09.06.2020).
- Yuan-Kang Wang.* Harmony and War: Confucian Culture and Chinese Power Politics. New York : Columbia University Press. 2011. 310 p.
- Лянь Цзюаньвэй.* Си тизя учжаньчжэн паньтунь и чжунцзебайняньгочи (Си вынес предложение о том, что Японо-китайская война 1894–1895 годов может рассматриваться как резюме «века унижения») // China Times, 2018. URL: www.chinatimes.com/cn/newspapers/20180719000180-260301?chdtv (дата обращения: 09.06.2020).
- «Синьшидай дэ чжунго юй шицзе» Байпишу (Белая книга «Китай и мир в новую эру»). URL: www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/39911/Document/1665428/1665428.htm (дата обращения: 09.06.2020).
- Чжунго чжаньлюэ вэньхуа схуаньчэн юй фачжань [Наследие и развитие китайской стратегической культуры]. Пекин : Шишичу пресс, 2008. 287 с.

REFERENCES

- Belozjorov V. K.* Doktriny i ideologii v sisteme politicheskikh institutov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2013. Вып. 24. S. 31–40.
- Belozjorov V. K.* Protivostojanie global'nyh proektov kak osnovnoe sodержanie sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenij // Sovremennaja Rossiya v mirovom politicheskom processe: global'noe i regional'noe izmerenie :

- materialy nauch.-prakt. konf. / pod obshh. red. A. Ja. Kasjuka, I. K. Harichkina. M. : MGLU, 2019. S. 165–171.
- Belozjorov V. K.* Deficit strategicheskogo myshlenija i imperativy ego preodolenija. Razmyshlenija posle Venskoj konferencii po strategii // *Vlast'*. 2020. № 1. S. 19–26.
- Bzhezinskij Z.* Velikaja shahmatnaja doska. M. : AST, 2018. 384 s.
- Dejch T. L.* Afrika v strategii Kitaja. M. : Institut Afriki RAN, 2008. 326 s.
- Kissindzher G.* O Kitae. M. : AST, 2014. 635 s.
- Konstitucija KNR (v redakcii ot 2018 goda). URL: chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (data obrashhenija: 09.06.2020).
- Lomanov A. V.* «Kitajskaja mechta» kak ideologicheskij simvol rukovodstva Si Czin'pina // Kitajskaja Narodnaja Respublika: politika, jekonomika, kul'tura. K 65-letiju KNR. M. : Forum, 2014. S. 40–56.
- Perelomov L. S.* Konfucianstvo i sovremennij strategicheskij kurs KNR. M. : LKI, 2007. 256 s.
- Prushenova E. C., Chojropov C. C.* Konfucianstvo i problema kul'turnogo vzaimodejstvija stran Vostochnoj i Jugo-Vostochnoj Azii // Transformacija obshhestva i partijno-politicheskoj sistemy Rossii i Kitaja v XXI v. Sravnitel'nyj analiz / pod red. N. G. Skvorcova, Juj Kjepina. SPb. : Asterion, 2007. S. 190–197.
- Raspertova S. Ju.* Garmonichnoe obshhestvo i garmonichnaja kul'tura kak platforma formirovanija «kitajskoj mechty» // *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 2013. №. 8–4 (15). S. 63–67.
- Rumjancev E. N.* Vnutrennjaja i vneshnjaja politika Si Czin'pina. M. : Sinosfera, 2016. 589 s.
- Safronova E. I.* Kitaj i razvivajushhijsja mir: koncepcii i aktual'naja praktika otnoshenij (na primere Afriki i Latinskoj Ameriki): monografija. M. : Forum, 2018. 336 s.
- Tajnyj kanon Kitaja / sost. V. Maljavin. M. : RIPOL klassik, 2018. 304 s.
- Tugarinov V. P.* O cennostjah zhizni i kul'tury. L. : Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1960. 155 c.
- Shohin V. K.* Filosofija cennostej i rannjaja aksiologicheskaja mysl'. M. : RUDN, 2006. 457 s.
- Czi Jueshjen.* Formirovanie i realizacija vneshnej kul'turnoj politiki Kitaja v uslovijah globalizacii // *Vlast'*. 2017. № 10. S. 148–154.
- Kwong-loi Shun.* Resentment and forgiveness in Confucian thought // *Core*. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/48497081.pdf> (data obrashhenija: 09.06.2020).
- Wolfram Eberhard.* A History of China // *Library*. URL: library.umac.mo/ebooks/b30863582.pdf (data obrashhenija: 09.06.2020).

Yuan-Kang Wang. Harmony and War: Confucian Culture and Chinese Power Politics. New York : Columbia University Press. 2011. 310 p.

Ljan' Czjuan' vjej. Si ticzja uchzhan' chzhjen pan'tun# i chzhunczebajnan' gochi (Si vynes predlozhenie o tom, chto Japono-kitajskaja vojna 1894–1895 godov mozhet rassmatrivat'sja kak rezjume «veka unizhenija») // China Times, 2018. URL: www.chinatimes.com/cn/newspapers/20180719000180-260301?chdtv (data obrashhenija: 09.06.2020).

«Sin'shidajdje chzhungojujshicze» Bajpishu (Belaja kniga «Kitaj i mir v novuju jeru»). URL: www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/39911/Document/1665428/1665428.htm (data obrashhenija: 09.06.2020).

Chzhungo chzhan' ljuje vjen' hua chuan' chjen juj fachzhan' [Nasledie i razvitie kitajskoj strategicheskoj kul'tury]. Pekin : Shishichu press, 2008. 287 s.

УДК 327

А. И. Конуров

кандидат философских наук;
научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военно-гуманитарных исследований);
Военный университет Министерства Обороны Российской Федерации;
e-mail: bajkonur2000@yahoo.com

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА ТАЙВАНЯ В СВЕТЕ ЭВОЛЮЦИИ ПОЗИЦИИ США

Статья посвящена современному состоянию и перспективам разрешения проблемы политического статуса Тайваня. Особое внимание уделяется историческим предпосылкам появления тайваньского вопроса. При исследовании предметной области был проведен анализ как внешних, так и внутренних факторов, определяющих военно-политическую обстановку в Тайваньском проливе. Автор приходит к выводу о вероятности развязывания в ближайшее время вооруженного конфликта между Тайванем и КНР, так как ни одна из сторон не удовлетворена сложившимся положением вещей. Главным фактором неопределенности военно-политической обстановки остаются действия, которые предпримут США в случае реализации такого сценария.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион; военно-политическая обстановка; вооруженный конфликт; Гражданская война; КНР; США; Тайвань.

A. I. Konurov

PhD (Philosophy);
Research Fellow, Center for Military Humanitarian Studies,
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;
e-mail: bajkonur2000@yahoo.com

POLITICAL STATUS OF TAIWAN PROBLEM: CURRENT STATE AND PROSPECTS OF SOLUTION IN THE WAKE OF EVOLVING US STANCE

The article is devoted to the current state and prospects of solution of the Taiwan's political status problem. Special attention is paid to historical prerequisites of the Taiwanese question. In his study of the subject the author analyzed both internal and external factors of the politico-military situation in the Taiwan strait. He comes to the conclusion that there is high probability of the armed conflict between Taiwan and mainland China before long as neither party is satisfied with the status quo. The main factor of uncertainty remains the US response in case such scenario comes true.

Key words: Asia-Pacific; politico-military situation; armed conflict; Civil war; PRC; USA; Taiwan.

Введение

Одной из главных потенциальных горячих точек Азиатско-Тихоокеанского региона является Тайвань, представляющий собой уникальное территориально-политическое образование. Он является самым крупным в мире частично признанным государством и одновременно самым успешным в социально-экономическом плане. В то же время данный остров и прилегающие к нему более мелкие острова Тайваньского пролива являются зоной острого геополитического противоборства, развитие событий в которой может оказать решающее влияние на трансформацию геополитической структуры Восточной Азии и даже за ее пределами.

Большинство государств мира, в том числе и Россия, которая в лице Советского Союза стала самой первой страной, признавшей Китайскую Народную Республику, не признают Тайвань независимым государством ни в собственном качестве, ни в качестве законного представителя китайского народа. Уровень дипломатического признания Тайваня неуклонно сокращается. В настоящее время только 15 государств имеют дипломатические отношения с Тайванем, при этом в 2018–19 гг. пять государств отозвали свое признание и установили дипломатические отношения с КНР: Буркина-Фасо, Доминиканская Республика, Кирибати, Сальвадор и Соломоновы острова. И сохранение фактической независимости Тайваня от КНР на протяжении столь длительного периода является возможным в огромной степени благодаря всесторонней поддержке со стороны США.

В США существует специальный закон под названием «Акт об отношениях с Тайванем», который определяет все аспекты взаимодействия Америки с этим островом. Этот закон регулирует в том числе и вопросы военного сотрудничества США с Тайванем [US Government Information URL]. Это сотрудничество носит широкий характер, включая продажу Соединенными Штатами Тайваню передовых вооружений. Это вызывает раздражение Китая, который считает Тайвань своей мятежной территорией, и является одним из основных факторов, осложняющих в настоящее время отношения КНР и США.

Говоря о факторах, упорно сдвигающих развитие военно-политической обстановки в районе Тайваньского пролива к вооруженному конфликту, следует в первую очередь отметить происходящие на

Тайване социально-демографические изменения, а также их исторический аспект. Речь идет о том, что по мере смены поколений на Тайване общественное мнение все более склоняется в сторону официального провозглашения независимости Тайваня и отказа от объединения с Китаем даже при условии его демократизации. Этот сдвиг осуществляется несмотря на факт очень быстрых темпов развития экономических связей между Китаем и Тайванем, которые приносят последнему большую выгоду. И вообще Китай является самым крупным торговым партнером Тайваня.

История тайваньского вопроса

Причины изменений в тайваньском общественном мнении во многом кроются в истории Тайваня. Хотя этот остров вошел в состав Китайской империи еще в XII в., он всегда был ее несколько обособленной частью, слабо связанной с материковым Китаем. В 1895 году Тайвань был оккупирован Японией и за прошедшие с того момента 125 лет находился под властью материкового Китая четыре года.

Возвращение Тайваня Китаю после Второй мировой войны, решение о котором было принято на Каирской и Потсдамской конференциях, восстановило историческую справедливость и было с воодушевлением встречено населением острова. Однако методы, при помощи которых гоминьдановское правительство Китая устанавливало свою власть над Тайванем, вызвали отторжение у местного населения. Так, китайскими властями была сразу же национализирована вся крупная собственность на Тайване на том основании, что она ранее использовалась для нужд японского правительства. Отношение к местному населению со стороны назначенных Гоминьданом чиновников было не как к соотечественникам, освобожденным от оккупации, а наоборот, как к жителям оккупированной территории. Это вызвало народное восстание в 1947 году, которое было жестоко подавлено китайскими войсками.

Поэтому отношение тайваньского населения к объединению с материковым Китаем быстро перешло от восторженного энтузиазма к разочарованию и отчаянию. Именно в этот период на Тайване зародилось движение за независимость острова. В 1948 году, когда исход Гражданской войны в Китае был уже более-менее ясен, Чан Кайши начал всерьез задумываться о перенесении своего штаба на Тайвань.

Губернатор провинции был снят с должности, на многие посты в системе управления островом были назначены местные кадры, и в целом в политике Гоминьдана появился ряд послаблений. Это несколько улучшило положение дел на Тайване, но в целом предубеждение, появившееся у местного населения против нахождения под властью материкового Китая, никуда не делось.

В ходе перебазирования правительства Китайской Республики на Тайвань туда было переправлено порядка 2 млн только солдат и офицеров гоминьдановской армии, не считая чиновников и гражданских беженцев, спасавшихся от прихода НОАК. Выходцы с материкового Китая стали главной опорой режима Чан Кайши на Тайване. Несмотря на свое численное меньшинство, они в отличие от основной массы населения представляли собой организованную силу и поэтому были в состоянии проводить свою волю в жизнь. К тому же после перебазирования на Тайвань Чан Кайши сразу ввел на территории страны военное положение, которое просуществовало до 1987 года.

Чан Кайши и его ближайшие соратники ни в коем случае не считали Гражданскую войну в Китае законченной. Их никогда не покидала идея возвращения на континент и освобождения всей китайской территории от власти коммунистов. Однако шансы Гоминьдана на возвращение своей власти над материковой территорией Китая с каждым годом становились все более призрачными. Принятие КНР в ООН и установление дипломатических отношений с США в ущерб Тайваню еще более способствовали консолидации власти КПК на материке. Даже гоминьдановские руководители, в первую очередь второй Президент Китайской Республики Цзян Цзинго, пришедший к власти после смерти своего отца Чан Кайши, понимали эту реальность и в конце концов решили сосредоточить свои основные усилия на экономическом развитии страны и обеспечении ее военной безопасности от возможного вторжения КНР. Тем не менее, официальные претензии на контроль над всей территорией Китая никогда не снимались и не сняты по сей день.

В период правления Цзяна Цзинго в стране было отменено военное положение и началась медленная либерализация политического режима. В первую очередь, это выразилось в более активном назначении местных кадров на государственные посты, что резко контрастировало с политикой его отца, который предпочитал опираться на выходцев с материкового Китая и их детей. В частности, Цзян Цзинго

выбрал себе в преемники урожденного тайваньца Ли Дэнхуэя, который после его смерти стал Президентом Тайваня, а в 1996 году выиграл первые президентские выборы.

Демократизация Тайваня, которая началась в 90-е гг. с введением свободных выборов президента и депутатов Законодательного юаня, естественным образом означала увеличение политического веса коренного тайваньского большинства, которое за долгие годы гоминьдановской диктатуры устало от своего несколько приниженного статуса. Особое их недовольство вызывало повсеместное насаждение материкового варианта китайского языка в госучреждениях и СМИ, а также материковых обычаев в ущерб тайваньским. В правление Ли Дэнхуэя эти перекосы начали исправлять. Это, в свою очередь, вызвало недовольство материковой гоминьдановской элиты, которая встала в резкую оппозицию президенту. В итоге после ухода с поста президента в 2000 г. Ли Дэнхуэй вышел из партии «Гоминьдан» и основал новую партию Тайваньский союз солидарности, которая сейчас является одной из ведущих партий Тайваня и стоит на позициях его независимости. В дальнейшей Гоминьдан вообще утратил монополию на власть. Так, в 2000 и 2004 гг. на президентских выборах побеждал представитель Демократической прогрессивной партии (ДПП) Чэнь Шуйбянь, в 2016 и в 2020 гг. выборы выиграла представитель этой же партии Цай Инвэнь, которая и занимает пост Президента в настоящее время. Оба этих Президента выступают за провозглашение независимости Тайваня.

Ослабление китайской идентичности на Тайване

Все эти политические изменения являются отражением эволюции в общественном мнении, о которой уже говорилось ранее. По мере ухода представителей старшего поколения, среди которых было много выходцев с материкового Китая и ветеранов Гражданской войны, идея возвращения на континент и ликвидации КНР постепенно теряет свою привлекательность. Молодое поколение преимущественно воспринимает Китай как иностранное государство, важного экономического партнера Тайваня, но не как часть собственной страны. В большинстве своем население не испытывает враждебности к Китаю, но тайваньская идентичность постепенно вытесняет китайскую, и пока не ясно, как эта тенденция может быть переломлена.

Даже партия «Гоминьдан», которая стояла у истоков существующего на Тайване политического режима, постепенно эволюционирует в сторону большего принятия идеи самостоятельной тайваньской идентичности, чтобы усилить свою конкурентоспособность по отношению к ДПП. Поддержка тайваньской идентичности является в настоящее время неременным условием для любого политика для победы на выборах. Кандидаты от Гоминьдана стараются даже не упоминать о воссоединении с Китаем в своих предвыборных выступлениях, разговаривать с избирателями на южноминьском диалекте и подчеркивать свое тайваньское происхождение.

Таким образом, можно констатировать, что современный Тайвань все более тяготеет к существующим статус-кво и вытекающими из него подвешенным международно-правовым статусом и обязательствами по объединению с материковым Китаем в конечном итоге. При этом речь идет не только о позиции тайваньской элиты, но и о более глубоких процессах, происходящих в обществе, которые элита не может игнорировать.

Рост националистических настроений в КНР

Аналогичным образом сложившееся статус-кво в Тайваньском проливе начинает вызывать все большее раздражение в Китае, причем тоже не только в элите, но и в широких общественных кругах. Здесь играют роль три основных обстоятельства. Во-первых, легитимность правящего статуса Коммунистической партии Китая во многом обусловлена тем фактом, что она смогла покончить с так называемым «столетием унижения» Китая со стороны западных держав. В китайской историографии столетием унижения называется период с 1839 по 1949 год, то есть с момента начала Первой опиумной войны и до создания Китайской Народной Республики. Учитывая тот факт, что китайское историческое сознание традиционно рассматривало свою страну как центр мира и его самую великую державу, столетие унижения занимает особое место в китайской идентичности, рассматривается как самый страшный период их истории, который не должен повториться ни при каких обстоятельствах.

Тайваньская проблема, таким образом, воспринимается как тяжелое наследие столетия унижения, которое не может считаться полностью преодоленным, пока она не решена. Поэтому для

Коммунистической партии возвращение Тайваня является важнейшим фактором подтверждения ее статуса наиболее эффективного защитника национальных интересов Китая и собирателя китайских земель.

Во-вторых, развитие внутривнутриполитических процессов в Китае характеризуется обострением ряда противоречий. Это обострение несет угрозу стабильности и устойчивости политического режима, у которого пока нет готовых рецептов их снятия. В этой ситуации воссоединение Тайваня может стать мощным фактором роста общественной поддержки КПК и дать ей дополнительное время для решения внутренних проблем.

В-третьих, в КНР, как и на Тайване, в настоящее время также наблюдается мощный всплеск националистических настроений. Национальное строительство и формирование единой китайской нации всегда находились в центре внимания китайских руководителей со времени свержения монархии, но после начала экономических реформ в 1979 г. этим процессам придавался новый импульс. Экономические достижения Китая последних 40 лет, возвращение отторгнутых территорий, модернизация армии и в целом рост влияния страны на международной арене способствовали бурному росту национального самосознания китайского населения, а соответственно, и его политических притязаний.

Образ Тайваня как мятежной провинции, который всегда насаждался официальной пропагандой, в настоящее время полностью доминирует в общественном сознании. Возвращение острова под власть Пекина рассматривается большинством населения страны как абсолютная необходимость, а сложившийся статус-кво как вопиющая несправедливость. Общество само настойчиво требует от партии и правительства принятия действенных мер для выполнения этой задачи, и руководство страны не может проявлять умеренность в этих вопросах, не теряя лица внутри страны, что чревато серьезными потрясениями. Поэтому в настоящее время не существует и в ближайшем будущем не наблюдается предпосылок для смягчения позиции Китая по тайваньскому вопросу, а, наоборот, есть все предпосылки ожидать ее ужесточения.

Таким образом, можно констатировать, что Китай, так же, как и Тайвань, тоже тяготеет сложившимся статус-кво в Тайваньском проливе, так как этот статус-кво означает неопределенно долгое

сохранение фактически независимого статуса Тайваня при запрете для Китая применять силу против него. Тот факт, что статус-кво не устраивает обе стороны противостояния и что у каждой из них растет стремление нарушить его в выгодную для себя сторону, свидетельствует о том, что ситуация в Тайваньском проливе подошла очень близко к черте вооруженного конфликта.

Позиция США по тайваньской проблеме

Эта ситуация ставит США в затруднительное положение. Во-первых, те гарантии безопасности, которые США дали Тайваню в момент принятия «Акта о взаимоотношениях», хотя и не были прописаны официально, тем не менее, неоднократно подтверждались в неофициальных заверениях американских официальных лиц. Однако эти гарантии давались в момент, когда позиции двух сторон тайваньской проблемы находились гораздо ближе друг к другу и обладали потенциалом к дальнейшему сближению. В настоящий момент их взгляды находятся гораздо дальше друг от друга и имеют тенденцию к дальнейшему расхождению.

Во-вторых, Соединенным Штатам с каждым годом становится всё труднее вырабатывать внутривнутриполитический консенсус по тайваньскому вопросу. С одной стороны, в США существуют очень влиятельные общественные и элитные группы, которые безоговорочно поддерживают Тайвань, причем внутри обеих основных политических партий. В Республиканской партии к таковым относятся неоконсерваторы, которые являются группой с наиболее сильными антикоммунистическими настроениями, а в Демократической партии – так называемые либеральные интервенционисты, которые считают, что Китай бросает вызов международному либеральному порядку. К стойким сторонникам Тайваня можно также отнести американских католиков и христиан-евангелистов, а также правозащитное сообщество США. С другой – Китай также обладает достаточным количеством влиятельных сторонников в США. В первую очередь, к ним относится американское деловое сообщество, для которого экономическое сотрудничество с Китаем является источником крупных прибылей. К этому же лагерю следует отнести представителей внешнеполитической школы реализма, таких как Г. Киссинджер, которые считают, что американским интересам в наибольшей степени соответствует разделение

бремени мирового лидерства с Китаем и создание с ним своеобразной «Большой двойки» [Федотов 2010, Zoellick, Justin Yifu Lin 2009].

И у Китая, и у Тайваня имеются мощные лобби в США, которые пытаются склонить Администрацию и Конгресс к проведению выгодной для себя политики [Newhouse 2009]. Тайваньское лобби считает, что США не могут бросить на произвол судьбы Тайвань, который является не просто союзником США, но и демократическим государством, противостоящим коммунистической диктатуре. Они требуют укрепления военного сотрудничества США с Тайванем, поставок ему более совершенных систем вооружений и, самое главное, недвусмысленного подтверждения на самом высоком уровне обязательства США осуществить при необходимости прямое военное вмешательство на стороне Тайваня в случае агрессии Китая.

Китайское лобби, в свою очередь, считает, что США не имеют права рисковать своим экономическим благополучием и лежащими в его основе торгово-инвестиционными связями с КНР ради небольшого острова, который сами же США считают неотъемлемой частью Китая. Они требуют постепенного сокращения военных поставок на Тайвань и в конечном счете предоставления острова его собственной судьбе. По их мнению, наличие американских военных гарантий пагубно сказывается на договороспособности тайваньской стороны на межкитайских переговорах, и если их отозвать, то будет больше шансов на мирное воссоединение острова с материковым Китаем.

Китайское и тайваньское лобби в США обладают приблизительным паритетом между собой, и это придает американской политике на тайваньском направлении крайнюю непоследовательность. На первоначальном этапе после аннулирования Договора о взаимной военной помощи между США и Тайванем и замены его Актом о взаимоотношениях с Тайванем Америка сознательно проводила политику «стратегической неопределенности» в отношении тайваньской проблемы. По мнению американского стратегического сообщества, Китай никогда не мог быть уверен, что США не выступят на стороне Тайваня в возможном военном конфликте, и это удерживало его от попыток присоединить Тайвань силой. Аналогичным образом Тайвань никогда не мог быть уверен, что США выступят на его стороне, и это удерживало Тайвань от чересчур провокационных действий в отношении КНР. В совокупности это способствовало деэскаляции

напряженности в Тайваньском проливе, что в наибольшей степени соответствовало национальным интересам США.

Однако сейчас речь уже не идет о сознательной политике стратегической неопределенности, потому что влияние конкурирующих лобби приводит к постоянным зигзагам в военной политике США, когда действия, направленные на умиротворение Китая, сменяются действиями по поддержке Тайваня. Это еще в большей степени повышает вероятность вооруженного конфликта в Тайваньской проливе, так как внутривластные разногласия в США по данному вопросу объективно играют на руку Китаю. Вероятность бездействия в данном случае становится выше, чем вероятность решительных действий.

После прихода к власти в США Д. Трампа, который во время предвыборной кампании называл Китай главным геополитическим конкурентом США, он сделал несколько шагов, свидетельствующих о том, что тайваньское лобби имеет на него больше влияния, чем китайское. Вскоре после своего избрания он принял поздравительный телефонный звонок от Президента Тайваня Цай Инвэнь, что стало первым случаем с 1979 года, когда избранный Президент США публично напрямую пообщался с тайваньским лидером. Как было сказано в официальном сообщении штаба Трампа, «во время разговора речь шла о тесных экономических, политических и военных связях США и Тайваня» [Gearan 2016]. Как выяснилось позднее, важную роль в организации этого звонка сыграл бывший сенатор и кандидат в Президенты США от Республиканской партии Р. Доул, который официально действовал как агент правительства Тайваня [Davis, Lipton 2016]. Министр иностранных дел Китая Ван И выступил с заявлением о том, что Китай выступает против любых попыток раздела страны, но при этом не упомянул телефонный разговор Трампа и Цай Инвэнь (CCTV, 3 Dec 2016).

В сентябре 2017 года Тайвань посетила делегация Конгресса США во главе с председателем комитета Палаты представителей по международным делам Эдом Ройсом. Ройс получил из рук Президента Цай Инвэнь Орден бриллиантовой звезды с большой лентой специального класса за его «выдающийся вклад в развитие Тайваня» (*Focus Taiwan*, 1 Sep 2017). В марте 2018 года Трамп подписал принятый ранее единогласно обеими палатами Конгресса Закон о визитах на Тайвань, который снимает ограничения на визиты высокопоставленных чиновников

США и Тайваня друг к другу. Это вызвало крайне негативную реакцию со стороны КНР, но приветствовалось тайваньской стороной (*Deutsche Welle*, 17 Mar 2018). В сентябре 2018 г. США одобрили сделку по продаже Тайваню запасных частей для самолетов и вертолетов на сумму в \$330 млн [Defense Security Cooperation Agency URL].

В-третьих, важным фактором, повышающим вероятность вооруженного конфликта, является постепенное, но неуклонное изменение военного баланса сил в регионе в пользу Китая. Военные расходы Китая в 2017 г. составили \$228 млрд, увеличившись за 10 лет на 110 % [SIPRI URL]. В то же время военные расходы Тайваня составили всего лишь \$10,6 млрд, увеличившись всего лишь на 13 % за десятилетний период [SIPRI URL].

Можно сказать с большой уверенностью, что перспектива силового возвращения Тайваня является главной целью военной реформы, начавшейся в Китае в 2015 году. В настоящее время Народно-освободительная армия Китая осуществляет планирование и подготовку нескольких сценариев военной операции против Тайваня, начиная от воздушной и морской блокады острова и заканчивая полномасштабной десантной операцией с последующим захватом всей территории Тайваня. Это затрагивает ряд аспектов, связанных с совершенствованием организационно-штатной структуры войск, их перевооружением и боевой подготовкой.

По мере развертывания военной реформы в Китае преимущества Тайваня в этой области, которые ранее считались неоспоримыми, например, технологическое превосходство, постепенно сходят на нет. К тому же в настоящее время на Тайване осуществляется переход от призывной армии к контрактной, и он оказался более дорогостоящим, чем предполагалось ранее. Это накладывает дополнительное бремя на без того ограниченный военный бюджет, вынуждая сокращать средства на закупки вооружений и боевую подготовку. Кроме того, этот переход также осуществляется медленнее, чем планировалось, потому что Вооруженные Силы испытывают серьезные трудности с набором достаточного количества контрактников.

В условиях столь ощутимой разницы военных и экономических потенциалов Тайвань делает упор на асимметричный военный ответ Китаю, разрабатывая для этого соответствующие концепции и организуя соответствующим образом военное строительство. Речь идет

об информационном противоборстве и радиоэлектронной борьбе, строительстве высокоскоростных судов-невидимок, мобильных ракетных комплексов берегового базирования и ряде других аспектов. Однако, чем более ощутимым становится разрыв в уровнях военной мощи Китая и Тайваня, тем больший масштаб американского военного вмешательства потребуется в случае конфликта, чтобы предотвратить захват Тайваня Китаем, и, соответственно, тем сильнее будет внутренняя оппозиция в Америке против ее участия в такой войне.

В-четвертых, другие военные союзники США в Индо-Тихоокеанском регионе с настороженностью относятся к их возможному военному вмешательству на стороне Тайваня и с большой вероятностью не станут рисковать своими отношениями с Китаем, чтобы поддержать Америку. Эта позиция американских союзников отчетливо проявилась еще во время Третьего кризиса в Тайваньском проливе в 1996 году, когда США направили туда свои авианосцы. Южная Корея и Филиппины в своих заявлениях тогда подчеркнули, что их двусторонние договоры о взаимной военной помощи с США распространяются только на случаи нападения на одну из сторон и не могут быть истолкованы расширительно. Таиланд и Австралия призвали обе стороны к сдержанности, отказавшись открыто выразить поддержку Вашингтону. Даже Япония, которая является самым близким союзником США в регионе, просто выразила понимание действий Соединенных Штатов. В 2004 году Австралия выступила с предупреждением Тайваню и призывом к нему воздержаться от провоцирования Китая, чтобы избежать войны в Тайваньском проливе. Австралийцы в открытую уведомили Тайвань, что они не придут к нему на помощь, если его попытки консолидировать свою независимость от Китая доведут до греха.

Заключение

В настоящее время существует достаточно высокая вероятность возникновения вооруженного конфликта между Китаем и Тайванем. Главным фактором неопределенности являются действия, которые предпримут США в случае наступления такого сценария. Вмешательство США в конфликт будет означать существенное увеличение его пространственного размаха.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Федотов В. П. О формуле G-2 в отношениях США и Китая: мифы и реальности, 28 апреля 2010 г. Интернет-сайт Российского института стратегических исследований URL: riss.ru/analytics/1071/ (дата обращения 14.01.2019).
- Интернет-сайт Стокгольмского института исследования проблем международного мира URL: www.sipri.org/sites/default/files/1_Data%20for%20all%20countries%20from%201988%E2%80%932017%20in%20constant%20%282016%29%20USD.pdf (дата обращения 14.01.2019).
- Chinese FM: China opposes any move to separate the country, *CCTV*, December 3, 2016. Интернет-сайт Центрального телевидения Китая URL: english.cctv.com/2016/12/03/VIDEKjcrctY9nIr7Zcu2E1d5161203.shtml (дата обращения 21.01.2019).
- Davis J. H., Lipton E. Bob Dole Worked Behind the Scenes on Trump-Taiwan Call, *New York Times*, December 6, 2016. Интернет-сайт газеты New York Times URL: www.nytimes.com/2016/12/06/us/politics/bob-dole-taiwan-lobby-trump.html (дата обращения 21.01.2019).
- Donald Trump signs Taiwan Travel Act, drawing China's ire, *Deutsche Welle*, March 17, 2018. Интернет-сайт радиостанции «Немецкая волна» URL: www.dw.com/en/donald-trump-signs-taiwan-travel-act-drawing-chinas-ire/a-43018787 (дата обращения 21.01.2019).
- Gearan A. Trump speaks with Taiwanese president, a major break with decades of US policy on China, *Washington Post*, December 3, 2016. Интернет-сайт газеты Washington Post URL: www.washingtonpost.com/world/national-security/trump-spoke-with-taiwanese-president-a-major-break-with-decades-of-us-policy-on-china/2016/12/02/b98d3a22-b8ca-11e6-959c-172c82123976_story.html?noredirect=on (дата обращения 21.01.2019).
- Newhouse J. Diplomacy, Inc.: The Influence of Lobbies on US Foreign Policy, *Foreign Affairs*, May/June 2009. Интернет-сайт журнала Foreign Affairs URL: www.foreignaffairs.com/articles/64941/john-newhouse/diplomacy-inc (дата обращения 14.01.2019).
- President confers medal on US Congressman Ed Royce, *Focus Taiwan*, September 1, 2017. Интернет-сайт Центрального новостного агентства Тайваня URL: focustaiwan.tw/search/201709010013.aspx (дата обращения 21.01.2019).
- Taipei Economic and Cultural Representative Office in the United States (TECRO)– Foreign Military Sales Order (FMSO) II Case, News Release, *Defense Security Cooperation Agency*, 18 September 2018. Интернет-сайт архива Wayback Machine URL: web.archive.org/web/20180925064538/ ; www.dsca.mil/major-arms-sales/taipei-economic-and-cultural-representative-office-united-states-tecro-foreign (дата обращения 21.01.2019).

- Taiwan Relations Act. Public Law 96-8 – April 10, 1979, 96th Congress. Интернет-сайт правительственной информации США. URL: www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-93/pdf/STATUTE-93-Pg14.pdf (дата обращения 11.01.2019)/
- Trends in World Military Expenditure, 2017, *SIPRI Fact Sheet*, May 2018. Интернет-сайт Стокгольмского института исследования проблем международного мира URL: www.sipri.org/sites/default/files/2018-04/sipri_fs_1805_milex_2017.pdf (дата обращения 14.01.2019).
- Zoellick R. B., Justin Yifu Lin.* Recovery: A Job for China and the US, *Washington Post*, March 6, 2009. Интернет-сайт газеты Washington Post URL: www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/03/05/AR2009030502887.html (дата обращения 14.01.2019).

REFERENCES

- Fedotov V. P.* O formule G-2 v otnoshenijah SShA i Kitaja: mify i real'nosti, 28 aprolja 2010 g. Internet-sajt Rossijskogo instituta strategicheskikh issledovanij URL: riss.ru/analytics/1071/ (data obrashhenija 14.01.2019).
- Internet-sajt Stokgol'mskogo instituta issledovanija problem mezhdunarodnogo mira URL: www.sipri.org/sites/default/files/1_Data%20for%20all%20countries%20from%201988%E2%80%932017%20in%20constant%20%282016%29%20USD.pdf (data obrashhenija 14.01.2019).
- Chinese FM: China opposes any move to separate the country, CCTV, December 3, 2016. Internet-sajt Central'nogo televidenija Kitaja URL: english.cctv.com/2016/12/03/VIDEKjcrctY9nIr7Zcu2E1d5161203.shtml (data obrashhenija 21.01.2019).
- Davis J. H., Lipton E.* Bob Dole Worked Behind the Scenes on Trump-Taiwan Call, *New York Times*, December 6, 2016. Internet-sajt gazety New York Times URL: www.nytimes.com/2016/12/06/us/politics/bob-dole-taiwan-lobby-trump.html (data obrashhenija 21.01.2019).
- Donald Trump signs Taiwan Travel Act, drawing China's ire, *Deutsche Welle*, March 17, 2018. Internet-sajt radiostancii «Nemeckaja volna» URL: www.dw.com/en/donald-trump-signs-taiwan-travel-act-drawing-chinas-ire/a-43018787 (data obrashhenija 21.01.2019).
- Gearan A.* Trump speaks with Taiwanese president, a major break with decades of US policy on China, *Washington Post*, December 3, 2016. Internet-sajt gazety Washington Post URL: www.washingtonpost.com/world/national-security/trump-spoke-with-taiwanese-president-a-major-break-with-decades-of-us-policy-on-china/2016/12/02/b98d3a22-b8ca-11e6-959c-172c82123976_story.html?noredirect=on (data obrashhenija 21.01.2019).

- Newhouse J. Diplomacy, Inc.: The Influence of Lobbies on US Foreign Policy, Foreign Affairs, May/June 2009. Internet-sajt zhurnala Foreign Affairs URL: www.foreignaffairs.com/articles/64941/john-newhouse/diplomacy-inc (data obrashhenija 14.01.2019).*
- President confers medal on US Congressman Ed Royce, Focus Taiwan, September 1, 2017. Internet-sajt Central'nogo novostnogo agentstva Tajvanja URL: focustaiwan.tw/search/201709010013.aspx (data obrashhenija 21.01.2019).
- Taipei Economic and Cultural Representative Office in the United States (TECRO)– Foreign Military Sales Order (FMSO) II Case, News Release, Defense Security Cooperation Agency, 18 September 2018. Internet-sajt arhiva Wayback Machine URL: web.archive.org/web/20180925064538/ ; www.dsca.mil/major-arms-sales/taipei-economic-and-cultural-representative-office-united-states-tecro-foreign (data obrashhenija 21.01.2019).
- Taiwan Relations Act. Public Law 96-8 – April 10, 1979, 96th Congress. Internet-sajt pravitel'svennoj informacii SShA. URL: www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-93/pdf/STATUTE-93-Pg14.pdf (data obrashhenija 11.01.2019)/
- Trends in World Military Expenditure, 2017, SIPRI Fact Sheet, May 2018. Internet-sajt Stokgol'mskogo instituta issledovanija problem mezhdunarodnogo mira URL: www.sipri.org/sites/default/files/2018-04/sipri_fs_1805_milex_2017.pdf (data obrashhenija 14.01.2019).
- Zoellick R. B., Justin Yifu Lin. Recovery: A Job for China and the US, Washington Post, March 6, 2009. Internet-sajt gazety Washington Post URL: www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/03/05/AR2009030502887.html (data obrashhenija 14.01.2019).*

УДК 327

Н. А. Хаустова

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры политологии и социологии,
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова;
e-mail: nkhaustova@gmail.com

ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ СОВРЕМЕННОМУ ОБЩЕСТВУ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Статья посвящена рассмотрению глобальных вызовов и угроз международной безопасности в контексте сложившейся обстановки в Ближневосточном регионе. Автор выявляет основные тенденции ее развития в рамках полицентричной модели геополитического устройства мира и осуществляет прогноз политической ситуации на ближайшую перспективу. Теоретико-методологической основой данной работы явился системно- исторический подход к исследованию политической обстановки.

Ключевые слова: Ближний Восток; вызовы; угрозы; международная безопасность; глобализация; полицентричность; «полюсы силы».

N. A. Khaustova

PhD (Philosophy), Assoc. Prof.,
Associate Professor at the Political Science and Sociology Department
of the Plekhanov Russian University of Economics;
e-mail: nkhaustova@gmail.com

CHALLENGES AND THREATS TO MODERN SOCIETY IN THE CONTEXT OF THE POLITICAL SITUATION IN THE MIDDLE EAST

The article is dedicated to the study of global challenges and threats to international security, in close relationship with the current situation in the Middle East. The author identifies the main trends of its development within the framework of a polycentric model of the geopolitical structure of the world and makes a forecast of the political situation for the near future. The theoretical and methodological basis of this article is the system historical approach to the political situation.

Key words: The Middle East; challenges; threats; international security; globalization; polycentricity; «power poles».

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в настоящий момент происходит обострение политической ситуации в Ближневосточном регионе, что представляет угрозу международной и национальной безопасности. Для определения характера нестабильности в данном регионе необходимо, в первую очередь, выявить характер и направленность противоречий современного мира, глобальные вызовы и ключевые угрозы, что позволит осуществить прогноз политической ситуации на ближайшую перспективу.

Теоретическим осмыслением проблем геополитики, в том числе, в ближневосточной проекции, занимаются А. И. Абалян, В. В. Ахмадуллин, В. К. Белозёров, А. А. Вартумян, В. А. Дергачев, Б. А. Исаев, Н. И. Калинина, И. Ф. Кефели, И. Рамоне, В. Р. Чагилов, В. Н. Шевелев и многие другие.

Научная новизна данной работы определяется комплексным характером исследования глобальных процессов современности в тесной взаимосвязи с политической ситуацией на Ближнем Востоке.

Глобальные вызовы современному обществу

Знаменитый ученый А. Тойнби в своей работе «Постижение истории» сформулировал закон вызова и ответа, согласно которому историческая ситуация или природные факторы ставят перед человечеством проблему – «вызов», в связи с которым дальнейшее развитие общества будет определяться выбором варианта решения – «ответ». Адекватный ответ позволит не только решить проблему, но и выведет общество на новый уровень развития. Если же нужный ответ не будет найден, то в обществе возникнут аномалии, накопление которых впоследствии приведет к «надлому», а затем к упадку [Тойнби 1991].

Так, выдающийся философ и социолог А. А. Зиновьев указал следующие основные вызовы всему эволюционному процессу человечества: западнизация, *американизация* и *глобализация*, с началом которых «человечество вступило в эпоху новой глобальной войны нового типа...» [Зиновьев 2005].

В настоящее время исследователи, в основном, выделяют два глобальных вызова, стоящих перед современным обществом в целом. *Первый* – это противостояние между западной христианской и исламской

цивилизациями. На это указал в конце XX века американский исследователь-аналитик, социальный философ и политолог С. Хантингтон, полагавший, что основным источником будущих конфликтов будет уже не идеология, и не экономика, а столкновение цивилизаций как доминирующий фактор мировой политики [Хантингтон 1994].

Второй глобальный вызов – столкновение сторонников однополярного и многополярного мира, создающее обострение ситуации вокруг формирования нового миропорядка. Современная мировая система более не может существовать в рамках неолиберального лидерства США, утвердившегося после распада Советского Союза. Само собой разумеется, что Штаты не собираются утрачивать свою гегемонию в мировом пространстве: установки их глобальной стратегии остаются неизменными в течение веков и десятилетий. Они направлены на инициативное продвижение собственных интересов и ценностей, признанных универсальными, посредством применения силы, в том числе военной [Белозёров 2016].

Однако многополярный мир набирает свою силу в результате подъема экономики развивающихся стран (в частности, Китая). И в настоящее время они играют немаловажную роль в политике, торговле и финансовой сфере. При этом в мире уже практически не остается независимых «полюсов силы»: все государства так или иначе встроены в ту или иную цивилизацию.

Ключевые угрозы, исходящие из Ближневосточного региона

В настоящий момент одной из главных угроз человечеству является активизация мирового экстремизма в его самой радикальной форме – терроризме, влияние которого распространяется не только на территорию какого-либо одного государства. В современном информационном обществе любая идеология может заявить свои права. Как правило, экстремисты провозглашают идею разрушения сложившегося миропорядка, неприятие западных ценностей с приматами индивидуализма, потребления, массовой культуры и толерантности.

После окончания «холодной войны» США стали доминировать на Ближнем Востоке, что на практике имело негативные последствия: это привело к дестабилизации, активизации международного терроризма, насильственному свержению ряда правительств, гуманитарным

интервенциям. И, как известно, создание управляемого хаоса в том или ином регионе мира является одной из отработанных технологий США [Белозёров 2014].

Процесс глобализации повлиял на развитие секулярного мировосприятия в современном обществе, тем самым усилив роль религиозного фактора внутри экстремистских групп. Утверждаем, что эта тенденция сделала общество более уязвимым для террористической деятельности. Доказательством тому послужил рост миграции из Ближневосточного региона, что активизировало распространение «исламского терроризма» на территории европейских государств.

Дополним к этому еще и тот факт, что в последние десятилетия в мире происходил процесс так называемой исламской глобализации, подразумевающей под собой отрицание институтов нации и государства, утверждение «чистого» ислама и создание всемирного сообщества людей, живущих по законам общины мусульман эпохи первых халифов. Это привело к тому, что при поддержке салафитов – радикального религиозно-политического течения в исламе, в 2012–2014 годы на северных территориях Ирака и Сирии было создано «исламское государство». За сравнительно короткий период времени оно превратилось в хорошо отлаженную, организованную политическую структуру с собственной экономикой, армией и идеологией [Хаустова 2017].

Военный конфликт в Ираке, Ливане, Иордании и Сирии являлся главной движущей силой миграции как угрозы современному обществу на протяжении последних лет. Политическая нестабильность, религиозная и этническая дискриминация, гражданские войны, бедность послужили стимулом для вынужденных, масштабных нелегальных миграционных потоков на Запад. В итоге, государства Европейского союза уже столкнулись с проблемами усугубления национально-этнических конфликтов, ростом преступности, угрозой террористических актов, развитием криминогенной обстановки, возрастанием политической и социальной напряженности в обществе.

В связи с созданием единого глобализационного пространства происходит не только взаимодействие и сотрудничество народов и культур, но и разграничение зон влияния в рамках цивилизаций. Тем не менее имеет место быть и противоположная тенденция – обострение этноконфессионального фактора как реакции на процесс глобализации, возникшей в результате информационной революции.

Управление информационными потоками привело к укреплению этносов и религий, трансформации конфессий и эклектизации этноконфессиональных систем.

В этих условиях нарастает тенденция поиска путей сохранения национальной идентичности, формируется негативная тенденция к построению «единой нации», а точнее «этнонации». Руководящая элита, как правило, берет курс на унитаризм и центризм, отказывая другим этническим общностям и культурам в автономизации, обвиняя их в унитаризме, сепаратизме и шовинизме. Государство здесь не в состоянии стать беспристрастной третьей силой, поскольку само выражает интересы определенной этнической группы, отождествляя их с интересами всего общества [Шевелев 2015]. В итоге это приводит к острой межэтнической напряженности, кровавым столкновениям на почве религии и территориальным притязаниям. Данная тенденция обуславливает не без того сложный характер этнонациональных процессов в странах Ближнего Востока и становится угрозой всему мировому порядку.

Заметим, что в целом для Ближневосточного региона на сегодняшний день характерен не только исключительно конфликтный потенциал, но и рекордно высокий уровень милитаризации, что, несомненно, представляет угрозу для международной безопасности [Калинина 2013]. Несмотря на то, что с 2011 года в результате «бархатных» революций были свергнуты политические режимы в Тунисе, Ливии, Йемене и дважды в Египте, можно с уверенностью заявлять: «арабская весна» далека от своего завершения. Неконтролируемые вооруженные столкновения различной интенсивности до сих пор происходят в Бахрейне, Ираке, Иордании, Кувейте, Саудовской Аравии, Сирии.

Констатируем тот факт, что конфликты в странах демонтажа государственного управления перетекли на иной уровень: они происходят теперь не между прежней властью и протестующими, а между теми, кто свергал эту власть и вновь образовавшимися политическими элитами, нацеленными на политику дальнейшей милитаризации региона. Рост ближневосточного рынка вооружения привел к резкому росту напряженности в арабском регионе и чреват непредсказуемыми последствиями для всего мира.

Арабские революции на Ближнем Востоке коренным образом изменили ситуацию в данном регионе. Более активное влияние здесь стали иметь «новые игроки» – Катар, Бахрейн, Саудовская

Аравия и Египет. Именно от них получают щедрую военную и техническую помощь радикальные исламские партии и движения в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Однако эти государства и сами не в состоянии контролировать исламистов, подрывающих своими действиями не без того хрупкую архитектуру региональной безопасности.

К сложному внутривнутриполитическому положению на Ближнем Востоке добавляются и до сих пор неурегулированные арабо-израильские отношения, или, как их часто называют, «ближневосточный конфликт». Он является самым длительным из всех неурегулированных конфликтов в мире: его начало относится к 40-м годам XX века в связи с проблемой создания в Палестине еврейского и арабского государств.

Сегодня Израиль остается основным стратегическим партнером Соединенных Штатов на Ближнем Востоке. По мнению Вашингтона, это единственное в регионе государство с политической системой, идентичной западной демократии, а, значит, его необходимо удерживать в качестве проводника американских интересов на этой территории. Тем не менее американское влияние в силу ряда причин сейчас значительно снижается. Израиль, для которого угрозу представляет не только Палестина, но и весь арабский мир, сейчас оказывается в очень сложной ситуации.

Прогноз развития политической ситуации на Ближнем Востоке

Вероятным сценарием развития событий станет усиление влияния исламского фундаментализма на всем Ближнем Востоке, и, возможно, через укрепление связей между исламским движением в Израиле и палестинским ХАМАСом, или какими-либо другими радикальными исламскими движениями ближневосточного региона, такими как, например, ливанская Хизболла. Угроза терроризма, исходящая от радикальных исламистов, может возрасти и привести к дальнейшей эскалации конфликта. Как вариант, в борьбе за мировое лидерство Запад может задействовать эти региональные исламистские организации против России и Китая.

Проблема миграционных процессов на Ближнем Востоке на ближайшее десятилетие останется одной из ключевых угроз для национальной и международной безопасности европейских государств. Неконтролируемая массовая миграция будет чревата обострением

угрозы международного терроризма, распространением эпидемий и заболеваний, ростом экономической и социальной нестабильности, политизацией миграционных процессов, перспективой исламизации европейского континента, а также трансформацией существующей системы международных отношений.

Считаем, что в дальнейшем милитаризация данного региона будет только прогрессировать, поскольку политическим элитам необходимо продолжать укреплять свои позиции и влияние в зонах нестабильности. Бездействие международного сообщества по этому вопросу уже приводит к перманентному и неизбежному погружению Ближнего Востока в зону конфликта, и, как следствие, в дальнейшем к обострению угрозы международной безопасности. Более того, наблюдается стремление сторонних держав вмешиваться во внутренние дела арабских государств и исключить Российскую Федерацию, проводящую взвешенную политику в этом регионе, из числа значимых геополитических игроков.

Подводя итог данному исследованию, считаем: сегодня нет никаких оснований полагать, что ситуация на Ближнем Востоке в среднесрочной перспективе может улучшиться. Скорее всего, в ближайшие 10-15 лет она будет оставаться конфликтной.

Прогноз последствий политической ситуации на Ближнем Востоке в рамках полицентричной модели мирового устройства

Исходя из того, что сегодня в мире формируется полицентрическая модель геополитического устройства, обобщим основные тенденции ее развития и последствия, которые с большой долей вероятности могут возникнуть в современной международной системе.

Как известно, концепция полицентричного мира предполагает одновременное функционирование многочисленных центров управления и принятия решений, а именно, сильных государств или блоков с различными интересами, перспективами и ценностями, взаимоотношения которых определяют развитие мировой политики. Утверждаем, что в современной архитектуре глобальной безопасности по-прежнему доминируют инструменты, созданные в эпоху двухполярного мира. На сегодняшний день практически отсутствуют международные механизмы, способные обеспечивать стратегическую стабильность на планете.

Прогнозируем значительное снижение уровня международной безопасности в период развития многополярности и формирования новых «центров силы», поскольку на карту будут поставлены не только стремление к поиску баланса стабильности, а приоритет национальных интересов, прежде всего, на Ближнем Востоке.

В связи с этим, может произойти подъем объединительного национально-религиозного движения, основанного на идеологии исламского фундаментализма, антиамериканизма и азиатской солидарности. Как вариант, в скором времени может произойти объединение арабских земель вокруг Палестины и создание нового Арабского халифата. Этому способствует тот факт, что общая численность арабов по разным оценкам составляет от 430 до 450 млн человек. Они составляют большинство населения таких стран, как Тунис, Кувейт, Ливия, ОАЭ, Египет, Бахрейн, Сирия, Катар, Оман, Йемен, Саудовская Аравия, Марокко, Иордания, Ливан, Алжир, Мавритания и Ирак, Судан и Западная Сахара.

Непомерно высокие личные амбиции политических лидеров ряда ближневосточных стран ранее не позволяли создать условия для объединения. Именно против них и была направлена «арабская весна». Считаем, что большинство мусульманских стран и далее захлестнет «вирус» революции, что приведет к неуправляемому хаосу в этом регионе. Тогда-то на исторической арене и появится какой-нибудь «халиф» с намерением объединить весь исламский мир [Хаустова, Глазунов 2016].

Полицентричной модели современного мирового устройства в настоящий момент присущи три черты: раздробленность, поляризация и конфронтация. В этой связи подчеркнем, что вызовы и угрозы международной безопасности в современном мире имеют трансграничный характер и поэтому не могут быть нейтрализованы на уровне отдельных государств. Основным условием их преодоления должно стать взаимное международное сотрудничество всех государств.

Заключение

Основными угрозами мировому сообществу, так или иначе исходящими из Ближневосточного региона, на сегодняшний день являются активизация мирового экстремизма в его самой радикальной форме – терроризме, «исламское государство», рост

неконтролируемой миграции, обострение этноконфессиональных конфликтов, неурегулированные арабо-израильские отношения, чрезвычайная милитаризация региона.

Исследование причин их распространения позволило автору осуществить прогноз политической ситуации на ближайшую перспективу: нет никаких оснований полагать, что ситуация на Ближнем Востоке в среднесрочной перспективе может улучшиться, в ближайшие десять–пятнадцать лет она будет оставаться конфликтной.

В этой связи делается вывод: вызовы и угрозы международной безопасности имеют трансграничный характер и поэтому не могут быть нейтрализованы на уровне отдельных государств. «Ответом» на вызовы современного мира может стать общее осмысление и определение сложности возникающих угроз, а также выработка конструктивных методов их противодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белозёров В. К.* От стратегии национальной безопасности – к глобальному и перспективному стратегическому проектированию // *Власть*. 2016. № 7. Т. 24. С. 10–15.
- Белозеров В. К.* Управляемый хаос и глобальные политические стратегии // *Геополитика и безопасность*. 2014. № 4. С. 9–13.
- Зиновьев А. А.* Распутье. М : Элефант, 2005. 320 с.
- Калинина Н. И.* Милитаризация Ближнего Востока: динамика и риски // *Индекс безопасности*. 2013. № 3 (106). С. 43–62.
- Тойнби А.* Постижение истории. М. : Прогресс, 1991. 736 с.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // *Полис*. 1994. № 1. С. 33–48.
- Хаустова Н. А.* Идеология «исламского государства» как глобальный вызов современному обществу // *Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук*. 2017. № 2. С. 20–24.
- Хаустова Н. А., Глазунов О. Н.* Контуры стратегической нестабильности XXI века. Геополитические игры на мировой шахматной доске. Прогнозы до 2030. М. : URSS, 2016. 176 с.
- Шевелев В. Н.* Этноконфессиональные процессы в странах востока в условиях модернизационного вызова современности // *Социально-гуманитарные знания*. 2015. URL: www.cyberleninka.ru/article/n/16568494 (дата обращения: 14.01.2020).

REFERENCES

- Belozjorov V. K.* Ot strategii nacional'noj bezopasnosti – k global'nomu i perspektivnomu strategicheskomu proektirovaniju // *Vlast'*. 2016. № 7. T. 24. С. 10–15.
- Belozorov V. K.* Upravljaemyj haos i global'nye politicheskie strategii // *Geopolitika i bezopasnost'*. 2014. № 4. S. 9–13.
- Zinov'ev A. A.* *Rasput'e*. M. : Jelefant, 2005. 320 s.
- Kalinina N. I.* Militarizacija Blizhnego Vostoka: dinamika i riski // *Indeks bezopasnosti*. 2013. № 3 (106). S. 43–62.
- Tojnbi A.* *Postizhenie istorii*. M. : Progress, 1991. 736 s.
- Hantington S.* Stolknovenie civilizacij? // *Polis*. 1994. № 1. S. 33–48.
- Haustova N. A.* Ideologija «islamskogo gosudarstva» kak global'nyj vyzov sovremennomu obshhestvu // *Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija obshhestvennyh i gumanitarnyh nauk*. 2017. № 2. S. 20–24.
- Haustova N. A., Glazunov O. N.* Kontury strategicheskoj nestabil'nosti HHI veka. Geopoliticheskie igry na mirovoj shahmatnoj doske. Prognozy do 2030. M. : URSS, 2016. 176 s.
- Shevelev V. N.* Jetnokonfessional'nye processy v stranah vostoka v uslovijah modernizacionno go vyzova sovremennosti // *Social'no-gumanitarnye znanija*. 2015. URL: www.cyberleninka.ru/article/n/16568494 (data obrashhenija: 14.01.2020).

УДК 94(47).084.8

А. В. Жадан

кандидат исторических наук;
ст. преподаватель кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки;
Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России;
e-mail: awzhadan252@mail.ru

ДОКУМЕНТЫ ОРГАНОВ НКВД ОБ УСЛОВИЯХ СОДЕРЖАНИЯ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ В СЕНТЯБРЕ – ДЕКАБРЕ 1945 ГОДА

В статье анализируются отдельные аспекты пребывания японских военнопленных в лагерях НКВД на территории Хабаровского края в период сентября – декабря 1945 года. В исследовании использованы принципы историзма и системности, а также общенаучные исторический и логический методы. Делается вывод о том, что тяжелое положение пленнх японцев было обусловлено комплексом обстоятельств объективного характера, среди которых следует выделить дефицит материально-технических и кадровых ресурсов. Руководство органов НКВД принимало максимальные усилия по обеспечению надлежащих условий содержания пленных, организации качественного питания и медицинской помощи, а также пресечению незаконных действий со стороны личного состава лагерей.

Ключевые слова: Вторая мировая война; японские военнопленные; Хабаровский край; органы НКВД; лагерь НКВД для военнопленных.

A. V. Zhadan

PhD (History);
Senior Lecturer at the Department of Tactical, Special, Fire and Physical Training
of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia; e-mail: awzhadan252@mail.ru

DOCUMENTS OF THE NKVD ABOUT THE CONDITIONS OF DETENTION OF JAPANESE PRISONERS OF WAR ON THE TERRITORY OF KHABAROVSK KRAI IN SEPTEMBER – DECEMBER 1945

The article is devoted to the study of certain aspects of the stay of Japanese prisoners of war in the NKVD camps on the territory of the Khabarovsk territory in the period of September-December 1945. The study uses the principles of historicism and consistency, as well as General scientific historical and logical methods. It is

concluded that the plight of the Japanese prisoners was caused by a set of objective circumstances, among which there is a shortage of material, technical and human resources. The leadership of the NKVD made every effort to ensure proper conditions for prisoners, to provide quality food and medical care, as well as to prevent illegal actions by the personnel of the camps.

Key words: World War II; Japanese prisoners of war; Khabarovsk territory; NKVD; NKVD camps for prisoners of war.

Введение

Деятельность лагерей НКВД для военнопленных на территории Хабаровского края¹ и быт, размещенных там японцев, являются неотъемлемой частью послевоенной истории СССР, с одной стороны, и советской правоохранительной системы с другой. Данные направления отечественной историографии, к сожалению, часто становятся объектами мифологизации, прямых фальсификаций, страдают от излишней политизации, идеологизации интерпретируемых событий. Поэтому перед исследователем стоит непростая задача установления фактологической картины и объективной оценки процессов, происходивших в регионе в связи с прибытием десятков тысяч военнопленных, необходимостью их размещения, организации труда и быта, питания, медицинского обслуживания, охраны и т. д. Важное значение в решении указанных задач имеет исследование и введение в научный оборот неопубликованных ранее источников, в том числе носивших до недавнего времени закрытый характер. Основной источниковой базой данного исследования послужил корпус документов Управления НКВД Хабаровского края (УНКВД по ХК), охватывающий период с конца августа по декабрь 1945 года. Специфика изученных нами документов состоит в том, что основная их часть изначально носила характер секретных и засекретных документов (*АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 124, 125, 127*), предназначенных для внутреннего использования в рамках УНКВД по ХК. Эта особенность, конечно, не позволяет говорить об их абсолютно объективном характере, однако такого рода источники в меньшей степени несут в себе авторский субъективизм или желание приукрасить ситуацию, характерное, например, для документов, предназначенных для политико-партийного руководства страны.

¹ В рассматриваемый период времени Хабаровский край включал практически всю территорию современного Дальнего Востока России за исключением Приморского края.

Следует отметить, что в настоящее время имеется обширная историография, посвященная нахождению японских военнопленных в СССР [Серебрянников 2016]. В частности, одним из первых к изучению условий содержания японских военнопленных на территории СССР обратился В.П. Галицкий [Галицкий 1990]. В публикации А. А. Кириченко была затронута проблема юридического статуса бывших японских военнослужащих, размещенных в лагерях НКВД (МВД) СССР [Кириченко 1993]. В исследовании С. И. Кузнецова получили рассмотрение такие вопросы, как быт японцев в лагерях НКВД (МВД) СССР, их идеологическое перевоспитание, взаимоотношения с местным населением и последующий процесс репатриации [Кузнецов 1994]. В трудах Е. Ю. Бондаренко были освещены вопросы трудового использования японцев, анализировались численность контингента военнопленных в лагерях НКВД (МВД) СССР, количество умерших и число их захоронений [Бондаренко 2003]. Идеологическая работа с военнопленными японцами и вопросы их репатриации были рассмотрены в работах В. В. Карпова [Карпов 2004]. В трудах Е. Л. Катасоновой впервые были раскрыты проблемы международных отношений, связанные с репатриацией из СССР бывших японских военнослужащих [Катасонова 2004]. С. В. Карасевым были исследованы вопросы оперативно-чекистского обслуживания лагерей для военнопленных, формы и методы политико-агитационной работы с ними [Карасев 2007]. Отдельные аспекты японского военного плена были рассмотрены в работе А. Л. Кузьминых как часть общей истории функционирования сети лагерей для военнопленных и интернированных лиц на территории СССР [Кузьминых 2014]. В исследовании С. П. Кима получили рассмотрение бытовые вопросы размещения военнопленных японцев в лагерях НКВД (МВД) СССР, особенности организации и условий их трудового использования [Ким 2016].

В ряде исследований, выполненных с привлечением материалов местных архивов, показана специфика пребывания японских военнопленных в отдельных регионах СССР [Базаров 1997; Бондаренко 2003; Карасев 2007; Маркдорф 2012; Михеева 2007; Спиридонов 2001].

Особый интерес, с учетом предмета нашего исследования, представляет диссертационная работа Е. М. Цунаевой, посвященная изучению делопроизводственной документации органов НКВД (МВД) СССР в качестве источника по истории японского военного плена [Цунаева 2010].

В последнее время растет внимание исследователей к различным аспектам истории правоохранительных органов Дальнего Востока периода 1941–1945 годов [Суверов, Фризен 2018; Шабельникова, Усов 2020; Милежик 2019], однако до последнего времени оставался слабо исследованным массив документов органов НКВД (МВД) Хабаровского края, позволяющих взглянуть на историю военного плена японцев на территории данного региона сквозь призму деятельности местных органов внутренних дел.

Цель данной работы состоит в попытке воссоздать отдельные аспекты картины пребывания японских военнопленных в лагерях НКВД на территории Хабаровского края в период сентября – декабря 1945 года. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: дать описание условий жизни японцев в лагерях НКВД, опираясь на внутреннюю документацию УНКВД по ХК; раскрыть причины сложившегося тяжелого положения японских военнопленных в рассматриваемый период; рассмотреть меры, предпринимаемые руководством УНКВД по ХК в сложившейся ситуации.

Рассматриваемый нами хронологический период – чуть более четырех месяцев (с последних чисел августа по декабрь 1945 года) – небольшой. Однако именно в это время вскрылись основные проблемы и был заложен фундамент организации и деятельности системы лагерей НКВД для военнопленных на Дальнем Востоке. Обоснованием нижней границы исследования является издание Приказа НКВД СССР № 00991 от 27 августа 1945 года и Приказов начальника УНКВД Хабаровского края № 00108 от 30 августа 1945 года и № 00112 от того же числа, положивших начало формированию Отдела по делам о военнопленных и интернированных (ОПВИ) при УНКВД края, последующему приему и размещению японских военнопленных (*АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 124. Л. 144–150 об.*).

В качестве документального обоснования верхней хронологической границы исследования может служить Приказ начальника УНКВД по ХК № 583 от 27 ноября 1945 года, предписывающий в срок до 1 января 1946 года провести в лагерях НКВД для военнопленных учет всех зданий и сооружений и предоставить итоговую информацию в Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР (*АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 131. Л. 64*), что можно рассматривать как факт, свидетельствующий об окончании

условного первоначального этапа развертывания в регионе лагерной сети для военнопленных (которая безусловно еще неоднократно трансформировалась в последующие годы).

Территориальные рамки исследования обусловлены такими специфическими условиями региона, как близость государственной границы, низкий уровень плотности населения, суровые климатические условия, слабо развитая экономика и инфраструктура.

Описание условий жизни японских военнопленных на территории Хабаровского края в сентябре – декабре 1945 года

Картину условий жизни пленных японцев позволяют документально воспроизвести материалы проверок лагерей для военнопленных, проводимых ОПВИ при УНКВД по ХК, непосредственно руководством УНКВД края, а также приказы о дисциплинарных взысканиях, отдаваемые по итогам проверок (*АУМВД по ХК. Ф. 40. Он. 1. Д. 125. Л. 51–53, 102; Д. 127. Л. 166–168, 184–185*).

Документы дают нам крайне неблагоприятную картину условий содержания пленных японцев осенью-зимой 1945 года. Отмечаются антисанитарное состояние мест размещения военнопленных: отсутствие побелки и регулярной уборки в помещениях, грязные постельные принадлежности, плохая вентиляция. При этом пленные не были обеспечены в достаточном количестве теплой одеждой, предметами первой необходимости и хозобихода (умывальниками, ведрами и т. п.) Медленное развертывание сандезблоков и прачечных, несвоевременность и нерегулярность санитарной обработки пленных при их скученном размещении приводили к массовой завшивленности и вспышкам инфекционных заболеваний (в том числе, сыпным тифом) (*АУМВД по ХК. Ф. 40. Он. 1. Д. 125. Л. 102; Д. 127. Л. 166–167*).

При этом медицинское обслуживание, характеризуется в документах как плохо налаженное или отсутствующее вовсе. Лазареты и санчасти разворачивались медленно, не были в достаточной степени обеспечены медперсоналом, инвентарем и медикаментами. Часто отсутствовали изоляторы для больных, что безусловно способствовало распространению инфекций (*АУМВД по ХК. Ф. 40. Он. 1. Д. 127. Л. 166–167*).

Далеко не лучшим образом было организовано питание пленных. Пищевые блоки разворачивались медленно, были плохо оборудованы и не соответствовали санитарным требованиям. Часто отсутствовали (или

находились в непригодном состоянии) необходимые подсобные помещения (хлеборезки, разделочные, склады для хранения продуктов), кухонный и столовый инвентарь. Имели место однообразный ассортимент продуктов, перебои с их доставкой, отсутствие меню-раскладок. Не проводилась дифференциация питания для работающих, больных, ослабленных и иных категорий военнопленных (*АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 127. Л. 166–168*).

Следствием неподготовленности жилья к зиме, было массовое применение временных железных печей; имели место случаи разведения в жилых помещениях костров, применения коптилок, жаровень для подогрева пищи, курения. Уголь и дрова для топки хранились прямо в жилых помещениях под нарами. При этом средства пожаротушения часто отсутствовали. В результате нередко случались пожары; в исследованных документах зафиксирован случай гибели одного пленного при пожаре (*АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 127. Л. 166, 184–185*).

С наступлением холодов, по причинам нехватки теплой одежды и плохой организации работ на открытом воздухе со стороны хозорганов¹ (отсутствие горячего питания, мест для обогрева и т. п.), серьезной проблемой стали случаи массового обморожения пленных. Имели место факты гибели военнопленных от переохлаждения (*АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 127. Л. 171–173*).

Причины тяжелого положения японских военнопленных

Анализ документов УНКВД по ХК, в совокупности с имеющимися научными исследованиями, позволяют выделить комплекс причин, обусловивших описанную выше неблагоприятную ситуацию.

1. Число, прибывающих на территорию края военнопленных японцев оказалось намного больше, чем изначально рассчитывало руководство НКВД. Доказательством этому служит постоянное расширение сети лагерей для военнопленных на протяжении рассматриваемого нами периода конца 1945 года. Так, в соответствии с Приказом начальника УНКВД по ХК от 4 сентября 1945 года начинается формирование семи лагерей для военнопленных, с нумерацией от 16 до 22 (Хабаровский, Оборский, Комсомольский, Райчихинский,

¹ Субъекты хозяйственной деятельности, использовавшие военнопленных в качестве рабочей силы.

Амурский, Нижне-Амурский, Сахалинский (Охинский) (АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 124. Л. 159–177). Приказом от 8 сентября объявляется о формировании еще четырех лагерей № 1 (г. Комсомольск-на-Амуре), № 3 (г. Райчихинск), № 4 (станция Известковая Дальневосточной железной дороги), № 5 (г. Комсомольск-на-Амуре) (АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 124. Л. 186–197). 12 сентября началось формирование Бушуйского лагеря (АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 124. Л. 183–185 об.). В конце октября 1945 года формируется еще один лагерь – Биробиджанский (АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 125. Л. 58–66), а в ноябре – оздоровительное лагерное отделение НКВД № 14 на станции Бирокан (АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 125. Л. 98–99 об.).

2. Лагерная сеть для военнопленных японцев формировалась в спешке, в условиях дефицита (или отсутствия) необходимых материально-технических ресурсов. Органам НКВД необходимо было выполнить колоссальный объем строительных работ по размещению десятков тысяч людей (часть из которых прибывала в больном и ослабленном состоянии), фактически на пустом месте. Размещение военнопленных необходимо было завершить до начала холодов, наступающих в данном регионе достаточно рано. Отметим, что в исследованных документах нам нигде не удалось найти упоминания о заблаговременной подготовке мест размещения для военнопленных.

Выполнение поставленной задачи осложняла слабость невоенных секторов советской послевоенной экономики (например, сельское хозяйство региона находилось в критическом состоянии), отсутствие в достаточном количестве необходимых материально-технических резервов. Годы войны стали периодом «социального шока» для дальневосточного общества [Ващук 2010]: население региона страдало от дефицита продуктов питания и предметов первой необходимости, не хватало исправной техники, горючего, рабочих рук и много другого. Со всеми этими проблемами при развертывании лагерной сети для военнопленных столкнулись тыловые службы УНКВД по ХК: нехватка автотранспорта, отсутствие запчастей для неисправной техники, падеж тяглового скота (нередко в этот период времени перевозка грузов производилась самими военнопленными, тянувшими примитивные повозки), сложности в получении продовольствия, медикаментов, казалось бы, простейших предметов обихода и т. д. (АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 125. Л. 51–53, 102; Д. 127. Л. 167).

3. При комплектовании личного состава лагерной сети для военнопленных остро проявилась, характерная для органов НКВД военного времени нехватка качественных, квалифицированных кадров [Жадан, Шелудько 2016; Зыбин 2012]. Особенно не хватало медицинских работников, переводчиков, опытных оперативников, управленцев, тыловиков и т. д. Даже краевой ОПВИ к декабрю 1945 года имел некомплект кадров в 20,4 % (АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 125. Л. 118–125). Имели место случаи, когда на одного сотрудника возлагалось фактическое руководство сразу несколькими лагерными отделениями (количество военнопленных в лагерном отделении могло колебаться от 500 до 4 тыс.), расположенными на значительном расстоянии друг от друга (АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 125. Л. 51–53). Результатом кадрового голода становилось назначение на должности сотрудников, по уровню образования, общей культуры, профессиональной компетенции, морально-деловым качествам не готовых к выполнению возлагаемых обязанностей. Как следствие имели место неэффективное управление на местах, халатность, нарушения служебной дисциплины, законности и т. п.

Меры, предпринимаемые руководством УНКВД Хабаровского края, по улучшению положения японских военнопленных

Руководство УНКВД по ХК с самого начала прибытия военнопленных японцев, старалось держать ситуацию по их надлежащему размещению и обеспечению всем необходимым на контроле. Первый приказ такого рода № 0114 датирован 17 сентября 1945 года (АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 127. Л. 108). В резолютивной части Приказа начальника УНКВД по ХК № 0153 от 28 ноября 1945 года ставилась задача обеспечения в жилых помещениях для пленных «уюта, тепла и порядка» (АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 127. Л. 168).

В целях организации учета и наведения порядка в лагерном хозяйстве проводились инвентаризации (АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 131. Л. 64). По материалам проверок давались методические указания по исправлению имеющихся недостатков, следовали взыскания в отношении должностных лиц, допустивших халатность. Сотрудники, допускавшие нарушения законности в отношении пленных отдавались под трибунал (АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 127. Л. 137–138, 166–168, 171–173, 184–185).

Для улучшения противопожарной ситуации, в лагерях формировались пожарные команды из числа военнопленных под руководством опытных работников из офицерского и вольнонаемного состава; проводились семинары с личным составом лагерей по изучению правил противопожарной безопасности (*АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 127. Л. 184–185*).

Большое внимание было уделено вопросам медицинского обслуживания пленных, сокращению заболеваемости, недопущению вспышек инфекционных заболеваний (*АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 127. Л. 137–138*). В целях обучения и обмена опытом, организовывались кустовые сборы медицинского персонала лагерей и спецгоспиталей (*АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 127. Л. 151–152*).

На руководство лагерных отделений возлагалась персональная ответственность за допущение случаев обморожения военнопленных японцев. Работу военнопленных на открытом воздухе в условиях низких температур предписывалось организовывать на одинаковых основаниях с вольнонаемным составом (*АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 127. Л. 171–173*). Приказ начальник УНКВД по ХК № 016320 от декабря 1945 года предписывал снимать военнопленных японцев с объектов хозорганов, не обеспечивших в зимнее время требующиеся условия для их труда и размещения (наличие мест для обогрева, обеспечение горячей водой, горячим питанием и др.) (*АУМВД по ХК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 127. Л. 177–178*).

Заключение

Таким образом, осенью – зимой 1945 года в лагерях НКВД для военнопленных на территории Хабаровского края сложилась неблагоприятная в санитарно-эпидемиологическом и противопожарном отношении ситуация. В лагерях ощущался дефицит необходимого инвентаря и оборудования. Плохо было организовано питание, жилые помещения не были готовы к зиме. Среди пленных японцев росло число заболевших и обмороженных, имели место случаи пожаров. В качестве причин такой ситуации следует рассматривать неготовность органов НКВД из-за недостатка материально-технических ресурсов и достаточного количества профессионально подготовленных кадров, эффективно решить в короткие сроки (1–2 месяца) задачу размещения десятков тысяч военнопленных в неподготовленных заранее

местах. Оказавшись в такой затруднительной ситуации, руководство УНКВД по ХК прилагало максимальные усилия, направленные на укрепление дисциплины среди личного состава лагерей, пресечение незаконных действий в отношении пленных японцев, обеспечение надлежащего режима охраны, создание максимально благоприятных условий в местах содержания военнопленных, обеспечение их необходимой медицинской помощью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Базаров О. Д.* Японские военнопленные в Бурятии (1945–1948) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1997. 18 с.
- Бондаренко Е.* Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России 1914–1956 гг. Историография проблемы // Россия и АТР. 2003. № 1 (39). С. 99–113.
- Ваицук А. С.* Выход дальневосточного сообщества из социального шока военного времени // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 63–75.
- Галицкий В. П.* Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 1. С. 115–123.
- Жадан А. В., Шелудько В. О.* Проблемы отбора и подготовки кадров в органах внутренних дел Приморского края в период Великой Отечественной войны (1941–1945) // Современная научная мысль. 2016. № 4. С. 201–208.
- Зыбин С. Ф.* Правовые основы работы с кадрами органов внутренних дел: история и современность // Избранные труды. СПб. : Юридический центр–Пресс, 2012. 474 с.
- Карасев С. В.* История плена: советско-японская война и ее последствия (1945–1956) : дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2007. 516 с.
- Карпов В. В.* Полонення та репатріація Квантунської армії (1945–1956) : автореф. ... на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. Київ, 2004. 24 с.
- Катасонова Е. Л.* Решение гуманитарной проблемы японских военнопленных в отношениях СССР (Российской Федерации) и Японии (1945–2003). Исторический аспект : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 507 с.
- Ким С. П.* Японские военнопленные на территории Советского Союза (1945–1956) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 291 с.
- Кириченко А. А.* Следы оборвались в Тайшете. Японские военнопленные в ГУЛАГЕ // Шпион. 1993. № 1. С. 53–64.
- Кузнецов С. И.* Японские военнопленные в СССР после Второй мировой войны (1945–1956) : дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1994. 346 с.

- Кузьминых А. Л.* Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939–1956) : дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2014. 579 с.
- Маркдорф Н. М.* Иностранные военнопленные и интернированные в Западной Сибири: 1943–1956 гг. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2012. 589 с.
- Милежик А. В.* Становление научной школы по истории правоохранительных органов на Дальнем Востоке России // Клио. 2019. № 1 (145). С. 128–135.
- Михеева Л. В.* Иностранные военнопленные и интернированные в Центральном Казахстане (1941 – начало 50-х гг. XX века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2007. 30 с.
- Серебренников С. В.* Авторефераты диссертаций о японских военнопленных в СССР (1945–1956) как историографический источник // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 6–2. Т. 8. С. 66–73.
- Спиридонов М. Н.* Японские военнопленные в Красноярском крае (1945–1948): проблемы размещения, содержания и трудового использования : дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2001. 306 с.
- Суверов Е. В., Фризен П. Д.* Истребительные батальоны на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23). С. 29–32.
- Цунаева Е. М.* Делопроизводственная документация учреждений военного плена НКВД / МВД СССР и органов управления ими как исторический источник: 1939–1953 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010. 327 с.
- Шабельникова Н. А., Усов А. В.* «Есть память, которой не будет забвенья, и слава, которой не будет конца»: сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне (на примере Приморской краевой книги памяти) // Карелия – приграничный регион России в XX–XXI веках: Карелия в годы Второй мировой войны: навстречу 75-летней годовщине освобождения Карелии : сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2020. С. 271–276.

REFERENCES

- Bazarov O. D.* Japonskie voennoplennye v Burjatii (1945–1948) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Irkutsk, 1997. 18 s.
- Bondarenko E.* Inostrannye voennoplennye na Dal'nem Vostoke Rossii 1914–1956 gg. Istoriografija problemy // Rossija i ATR. 2003. № 1 (39). S. 99–113.
- Vashhuk A. S.* Vyhod dal'nevostochnogo soobshhestva iz social'nogo shoka voennogo vremeni // Rossija i ATR. 2010. № 2. S. 63–75.
- Galickij V. P.* Arhivy o lagerjah japonskih voennoplennyh v SSSR // Problemy Dal'nego Vostoka. 1990. № 1. S. 115–123.

- Zhadan A. V., Shelud'ko V. O.* Problemy otbora i podgotovki kadrov v organah vnutrennih del Primorskogo kraja v period Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945) // *Sovremennaja nauchnaja mysl'*. 2016. № 4. S. 201–208.
- Zybin S. F.* Pravovye osnovy raboty s kadrami organov vnutrennih del: istorija i sovremennoost' // *Izbrannye trudy*. SPb. : Juridicheskij centr–Press, 2012. 474 s.
- Karasev S. V.* Istorija plena: sovetsko-japonskaja vojna i ee posledstviya (1945–1956) : dis. ... d-ra ist. nauk. Irkutsk, 2007. 516 s.
- Karpov V. V.* Polonennja ta repatriacija Kvantuns'koï armii (1945–1956) : avtoref. ... na zdobuttja naukovogo stupenja kandidata istorichnih nauk. Kiïv, 2004. 24 s.
- Katasonova E. L.* Reshenie gumanitarnoj problemy japonskih voennoplennyh v otnoshenijah SSSR (Rossijskoj Federacii) i Japonii (1945–2003). Istoricheskij aspekt : dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2004. 507 s.
- Kim S. P.* Japonskie voennoplennye na territorii Sovetskogo Sojuza (1945–1956) : dis. ... kand. ist. nauk. M., 2016. 291 s.
- Kirichenko A. A.* Sledy oborvalis' v Tajshete. Japonskie voennoplennye v GULAGE // *Shpion*. 1993. № 1. S. 53–64.
- Kuznecov S. I.* Japonskie voennoplennye v SSSR posle Vtoroj mirovoj vojny (1945–1956) : dis. ... d-ra ist. nauk. Irkutsk, 1994. 346 s.
- Kuz'minyh A. L.* Sistema voennogo plena i internirovanija v SSSR: genezis, funkcionirovanie, lagernyj opyt (1939–1956) : dis. ... d-ra ist. nauk. Arhangel'sk, 2014. 579 s.
- Markdorf N. M.* Inostrannye voennoplennye i internirovannye v Zapadnoj Sibiri: 1943–1956 gg. dis. ... d-ra ist. nauk. Novosibirsk, 2012. 589 s.
- Milezhik A. V.* Stanovlenie nauchnoj shkoly po istorii pravoohranitel'nyh organov na Dal'nem Vostoke Rossii // *Klio*. 2019. № 1 (145). S. 128–135.
- Miheeva L. V.* Inostrannye voennoplennye i internirovannye v Central'nom Kazahstane (1941 – nachalo 50-h gg. HH veka) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Karaganda, 2007. 30 s.
- Serebrennikov S. V.* Avtoreferaty dissertacij o japonskih voennoplennyh v SSSR (1945–1956) kak istoriograficheskij istochnik // *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'*. 2016. № 6–2. T. 8. S. 66–73.
- Spiridonov M. N.* Japonskie voennoplennye v Krasnojarskom krae (1945–1948): problemy razmeshhenija, sodержanija i trudovogo ispol'zovanija : dis. ... kand. ist. nauk. Krasnojarsk, 2001. 306 s.
- Suverov E. V., Frizen P. D.* Istrebitel'nye batal'ony na Dal'nem Vostoke v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945) // *Altajskij juridicheskij vestnik*. 2018. № 3 (23). S. 29–32.
- Cunaeva E. M.* Deloproizvodstvennaja dokumentacija uchrezhdenij voennogo plena NKVD / MVD SSSR i organov upravlenija imi kak istoricheskij istochnik: 1939–1953 gg. : dis. ... kand. ist. nauk. Volgograd, 2010. 327 s.

Shabel'nikova N. A., Usov A. V. «Est' pamjat', kotoroj ne budet zabven'ja, i slava, kotoroj ne budet konca»: sohranenie istoricheskoy pamjati o Velikoj Otechestvennoj vojne (na primere Primorskoj kraevoj knigi pamjati) // Karelija – prigranichnyj region Rossii v XX–XXI vekah: Karelija v gody Vtoroj mirovoj vojny: navstrechu 75-letnej godovshhine osvobozhdenija Karelii : sb. dokl. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Petrozavodsk, 2020. S. 271–276.

УДК 94(47).084.8

Г. А. Куренков

кандидат исторических наук;
заместитель начальника отдела;
Российский государственный архив социально-политической истории;
e-mail:kuren62@mail.ru

ЗАЩИТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ И ЦЕНЗОРСКИЙ КОНТРОЛЬ ЗА ЛИТЕРАТУРОЙ В НАЧАЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе архивных материалов Главлита рассматриваются вопросы контроля за литературой в первый послевоенный год в условиях начавшейся холодной войны и реорганизации работы органов цензуры. Отражены некоторые направления деятельности по контролю за отечественной и иностранной литературой, которые проводились в целях противодействия проникновению, нежелательной для нашей страны, произведений печати из-за границы и утечки сведений, составляющих государственную тайну.

Ключевые слова: холодная война; Совет Министров; Уполномоченный Совета министров СССР по охране военной и государственных тайн в печати; Главлит; литература; иностранная литература; защита государственной тайны; цензура.

G. A. Kurenkov

PhD (History);
Russian State Archive of Socio-Political History;
e-mail:kuren62@mail.ru

PROTECTION OF STATE SECRETS AND CENSORSHIP CONTROL OF LITERATURE AT THE BEGINNING OF THE COLD WAR

This article, based on the archival materials of Glavlit, deals with the control of literature in the first post-war year against the background of the beginning of the cold war and the restructuring of censorship bodies. Some areas of activity on control of domestic and foreign literature are reflected. As a result, it was concluded that this work was carried out in order to counter infiltration, undesirable for our country, literature from abroad and control of domestic literature in order to prevent the leakage of information constituting a state secret.

Key words: Cold War; Council of Ministers; Commissioner of the Council of Ministers of the USSR for the protection of military and state secrets in the press; Glavlit; literature; foreign literature; protection of state secrets; censorship.

Введение

Тема холодной войны достаточно изучена и многоаспектна. Рамки статьи не позволяют осветить полностью литературу по этому вопросу, но обозначим некоторые направления, в той или иной степени, близких нашей теме. К примеру, можно отметить такие проблемы, как взаимосвязь политики, секретности, защиты государственной и военной тайны и противостояния в период холодной войны в общеисторических работах; по специальным темам и операциям в деятельности разведки и контрразведки (спецслужб) [Печковский 2005]. Конкретно тема взаимосвязи защиты государственной тайны и цензуры в начальный период холодной войны только начала разрабатываться [Табольский 2011]. Следует отметить, что защита информации посредством цензуры имеет несколько направлений по видам деятельности и видам защищаемой информации. Предложенная статья основана исключительно на архивных документах Главлита, находящихся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации. В 1946 году реальностью было то, что международная обстановка после окончания Второй мировой войны вновь обострилась и прежние союзники превратились в потенциальных противников. В деятельности разведок нет мирного времени, но в военное время и в периоды обострения внешних угроз безопасности страны, усиливается. Естественно, зеркальным образом усиливается и контрразведывательная деятельность по защите государственной тайны. Защита государственной тайны предполагает перекрытие и блокировку каналов утечки секретной информации через СМИ и литературу как отечественную, так и иностранную. Как известно, в данный период, в этом направлении работали органы государственной безопасности и Уполномоченный Совета министров СССР по защите военной и государственной тайн в печати (Уполномоченный СНК СССР), рабочим аппаратом которого фактически являлось Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит). В данной статье рассматривается деятельность Главлита по контролю за литературой на предмет наличия сведений, составляющих государственную тайну, а также нежелательной информации, передаваемой за границу. В 1946 году статус цензурного ведомства был повышен. Его перевели в подчинение Совету министров СССР. Республиканские отделения Главлита

подчинялись местным Советам министров республик. Но данный государственный орган всегда работал под политическим и идеологическим руководством и контролем ЦК ВКП(б), непосредственно через Секретарей ЦК и Управление пропаганды и агитации ЦК, а по специальным вопросам – органов государственной безопасности. Главлит осуществлял государственную функцию цензурного контроля. После окончания войны был подготовлен «Перечень сведений, составляющих военную и государственную тайну на мирное время». По постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 февраля 1946 года вместо Н. Г. Садчикова начальником Главлита и Уполномоченным СНК (СМ) СССР становится К. К. Омельченко. Фактически функции Главлита выходили за рамки охраны государственной тайны. В течение 1946 года в Главлите проводится ряд организационных мероприятий, направленных на улучшение и регламентацию работы.

Функции Главлита по работе с литературой

Функциями Главлита, рассматриваемые в данной работе, были:

- контроль над ввозом иностранной литературы в СССР и вывозом советской литературы из СССР за границу;
- контроль над информацией иностранных корреспондентов передаваемой за границу;
- разрешение и запрещение выпуска книжной и журнальной продукции, государственная регистрация издательств;
- государственная библиографическая регистрация всех произведений печати, выходящих в СССР;
- издание списков «политически вредной» литературы, подлежащей изъятию органами цензуры из библиотек общественного пользования и книжных магазинов;
- контроль за книготорговлей в букинистических магазинах;
- выдача разрешений на право иметь спецфонды литературы при библиотеках;
- издание обязательных правил о порядке хранения и пользования спецфондами литературы в библиотеках и спецфондами в музеях.

Главлит осуществлял предварительную цензуру всех книжных и периодических изданий в стране и всей ввозимой литературы. В рассматриваемый период наблюдались определенные тенденции к переносу ответственности за распространение информации и соблюдение

военной и государственной тайны от Главлита к разграничению контроля между ведомствами в пределах компетенции. Это было связано с объективным течением научно-технического прогресса; усложнением научных исследований, созданием принципиально новой техники, особенно военной, требовавшей глубоких специфических знаний, то есть происходит, наблюдавшаяся еще до войны, тенденция к переносу ответственности от Главлита к руководителям соответствующих ведомств и служб, а, в общем, органам государственной безопасности. Так, к примеру, распоряжением Уполномоченного СМ СССР от 28 декабря 1946 года № 2789/с для опубликования абсолютных цифр в материалах о выпуске продукции предприятий министерствами или отраслями промышленности, сведения о работе которых не ограничивались «Перечнем», впредь необходимо было требовать у редакции письменное согласие на такое опубликование Центра статистического Управления Госплана СССР (*ГА РФ¹. Ф. Р-9425. Оп.1. Д. 405. Л. 66*). Кроме того, все периодические издания разрешалось издавать только с санкции Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). В ноябре 1946 г. Главное Управление геодезии и картографии направило письмо в Главлит по поводу указания границ стран на карте Европы в масштабе 1:3500.00. Главлит рекомендовал обратиться по этому вопросу в Совмин и ЦК ВКП(б) (*ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп.1. Д. 503 ч.2. Л. 399–400*).

Контроль за использованием иностранной литературой

В данный период происходит общее усиление контроля за литературой. Это относилось и к вопросу пользования иностранной литературой. Ряд изданий (органов коммунистической партии, государственных органов, Академии наук) освобождался от идеологической цензуры, но подвергался цензуре на наличие государственной тайны. С начала 1946 года, как и в предыдущие годы, Главлит утверждает списки организаций, получающих иностранную литературу по трем категориям: по 1-й – без просмотра цензурой; 2-й – специальная литература по профилю организации; 3-й – с просмотром цензурой (*ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп.1. Д. 403. Л. 48–51*). С 29 января 1946 года

¹ Государственный архив Российской Федерации (*ГА РФ, Ф. Р-9425. ОП. 1. Д. 405*).

в список учреждений, получающих иностранную литературу по 1-й категории были включены: ИМЭЛ, Институт мирового хозяйства, редакция газеты «Известия». В августе 1946 года Начальник Главлита К. К. Омельченко выходит в ЦК ВКП(б) с предложением о сокращении организаций, выписывающих иностранную литературу и газеты, получаемые по 3-й категории (то есть с просмотром цензурой), которые должны утверждать Главлит и Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Первая категория должна определяться только ЦК. По его мнению, преимущество должно отдаваться 1-й и 2-й категориям. Предлагалось запретить ведомствам по своему усмотрению выписывать литературу, а ответственность возложить на их руководителей. Главлит также предлагал исключить местные организации из числа получающих иностранную литературу. Это не должно было касаться общесоюзных организаций. По 1-й категории должны остаться ЦК ВКП(б), Институт 205, ИМЭЛ, МИД СССР, МГБ СССР, МВД СССР, ТАСС. К. К. Омельченко предлагал также создать в Главлите Управление цензорского контроля над иностранной литературой (4-й отдел – 45 человек) (*ГА РФ. Ф. Р-9425. Он.1. Д. 406. Л. 14–19*).

14 сентября 1946 года вышло постановление Совета министров СССР № 2120-863с «О выписке и использования иностранной литературы». В данном постановлении Совет министров выразил неудовлетворенность работой Главлита в этом направлении. В постановлении отмечалось, что Главлит нарушил установленный ЦК ВКП(б) порядок выписки иностранной литературы, увеличив число организаций, получающих зарубежные книги, журналы, газеты. Совет министров обратил внимание на то, что организации получали литературу не только по характеру работы, но и общую развлекательную литературу, на что шла трата валюты. В постановлении также отмечалось наличие литературы у частных лиц без контроля. В связи с этим Совет министров постановил запретить выдавать иностранную литературу частным лицам и принять меры по выдаче ее только через ведомственные библиотеки во временное пользование. Иностранную литературу разрешалось выдавать только действительным членам АН СССР по специальности (*ГА РФ. Ф. Р-9425. Он.1. Д. 400. Л. 44–46*).

Как уже отмечалось, в высших органах власти, видимо, складывается мнение и позиция, при которых меняется направленность в определении ответственности за пользование иностранной литературой.

Акцент смещается от Главлита к ведомствам. В связи с этим Главлит был намерен прекратить не только цензурирование, но и просмотр иностранной литературы, поступающей из-за границы в министерства, ведомства, организации. 14 ноября 1946 года вышло Постановление Совмина СССР, по которому ответственность за выписку и правильное использование иностранной литературой возлагается на руководителей министерств, ведомств, организаций, а Постановлением Совмина СССР от 30 декабря 1946 года № 2777-1145с разрешалась индивидуальная подписка на иностранную литературу по специальности действительным членкорам АН СССР и членкорам академий союзных республик, Академии медицинских наук, Академии архитектуры СССР, Сельскохозяйственной академии, Академии педагогических наук, Академии артиллерийских наук, заслуженным деятелям науки, с разрешения АН СССР профессорам и докторам наук. Как видно, круг лиц, пользующихся иностранной литературой, расширился. В связи с этим у министерств и ведомств возникали вопросы. Так, к примеру, за разъяснением о пользовании научно-технической литературой в Главлит обращался заместитель министра автомобильной промышленности. Главлит отмечал, что при отсутствии враждебного материала, научно-техническая литература не просматривается цензурой и имеет статус литературы для служебного пользования. При этом штамп «дсп» для научно-технической литературы отменен» (*ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп.1. Д. 503. ч. 2. Л. 411*). В октябре – ноябре 1946 года Главлит, по согласованию с Совмином СССР, решает вопросы и дает заключения по спискам, представленным министерствами и ведомствами, на получение иностранной литературы на 1947 год. По большинству ведомств, списки были без замечаний Главлита, но по некоторым имелись замечания, в основном это касалось литературы, которую ведомства заказывали не по специальности, а по общей или политической тематике. Больше всего (11 замечаний), было по списку Минвнешторга СССР. В то же время, как мы можем убедиться, по письму Главлита от 27 декабря 1946 года № 2746/с заместителю министра связи и председателю ВО «Международная книга», цензорский контроль за соответствующим исключением, за иностранной литературой, все-таки, сохраняется: «С сего числа устанавливается список адресатов без просмотра цензурой вся литература за 1947 год и предшествующие годы на Московском Главпочтамте: 1. ЦК ВКП(Б), 2. Институт 205, 3. ИМЭЛ, 4. МИД СССР, 5. МГБ, 6. Главразведупр,

7. 1-е Главное Управление при Совмине СССР, 8. Комитет радиолокации при СМ СССР, 9. Правительственная библиотека, 10. Библиотека им. Ленина, 11. Госплан СССР, 12. Министерство внешней торговли, 13. Министерство высшего образования, 14. Фундаментальная библиотека АН СССР, 15. Книжный отдел АН СССР, 16. Институт мирового хозяйства АН СССР, 17. ВЦСПС, 18. ВОКС, 19. Центральная медицинская библиотека, 20. Государственное издательство иностранной литературы. Все остальные, за исключением научно-технической ... просматриваются цензурой» (ГА РФ. Ф. Р-9425. Он. 1. Д. 503. ч. 2. Л. 419–420). Письмом Уполномоченного СМ СССР в Отдел иностранной цензуры и начальнику отдела «В» НКГБ СССР генерал-майору Грибову от 10 января 1946 года № 25с предлагалось установить контроль за бандеролями с литературой: технической, медицинской, исторической, музыкальной и др., поступающей на Главпочтамт от военнослужащих и гражданских лиц, находящихся за границей. При этом всю запрещенную литературу должны были передавать в отдел «В» НКГБ СССР (ГА РФ. Ф. Р-9425. Он. 1. Д. 498. Л. 1). Ранее, 9 марта 1946 года, вышло Постановление СНК СССР № 544-220с, по которому все поступающие в МВД СССР из Германии и других стран трофейные документы, а также литература, должны были концентрироваться в Центральном государственном «Особом архиве СССР» Главного архивного управления МВД СССР, изолированного от общих фондов и обрабатываться ограниченным кругом лиц из числа специально выделенных для этого работников МВД (ГА РФ. Ф. Р-9425. Он. 1. Д. 604. Л. 44).

Работа по контролю за литературой требовала дополнительных пояснений и регламентации. Для этого необходимо было создавать новое нормативное обеспечение. В связи с этим Главлитом была разработана инструкция «О порядке выписки, получения, хранения и пользования иностранной литературой». По военной линии также принимались соответствующие организационные меры. Так, Приказом Министра Вооруженных Сил СССР от 9 октября 1946 года № 068 «О выписке, использовании и о порядке учета иностранной прессы и литературы» была утверждена и введена в действие «Инструкция о порядке учета, хранения и пользования иностранной прессой и литературой в центральных управлениях, учреждениях, военно-учебных заведениях Министерства ВС СССР» (ГА РФ. Ф. Р-9425. Он. 1. Д. 503 ч. 2. Л. 429–429 об).

Контроль за внутренней информацией и информацией передаваемой за границу

В тоже время в данный период усиливается общий контроль за литературой и информацией выходящей за пределы СССР. Это касалось работы издательств и корреспондентов. В связи с этим, Приказом от 18 марта 1946 года № 18/379с при Уполномоченном СМ СССР был организован Отдел цензорского контроля над информацией за границу (*ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп.1. Д. 403. Л. 62*), а Постановление Совета министров СССР от 9 октября 1946 года № 2284-955сс обязывало начальника Главлита организовать цензурирование всех материалов Совинформбюро, идущих за границу, и выделить для этой цели специальную группу. Данное решение было выполнено и с 1 ноября 1946 года в группе работало три человека. Одной их функций Главлита было наблюдение за тем, какую советскую литературу выписывают иностранные представительства и атташе. Было невозможно запретить иностранным представительствам выписывать советские издания, но ограничить было реально. Соответствующую литературу можно было получить только с санкции начальника Главлита.

25 февраля 1946 года на Политбюро ЦК ВКП(б) был рассмотрен вопрос «О цензорском контроле над информацией, направляемой из СССР иностранными корреспондентами», который в конечном итоге был продублирован Постановлением СНК СССР от 25 февраля 1946 года № 468-188сс «О цензорском контроле над информацией, направляемой из СССР иностранными корреспондентами». По этому постановлению из ведения отдела печати Наркоминдела был изъят цензорский контроль над информацией, направляемой из СССР иностранными корреспондентами и возложен на Уполномоченного СНК СССР по охране военных и государственных тайн в печати. Одновременно при уполномоченном вводилась должность заместителя по вопросам контроля за информацией для заграницы, создавался отдел цензорского контроля над информацией иностранных корреспондентов. К этому времени была также утверждена «Инструкция о цензорском контроле над информацией, направляемой из СССР иностранными корреспондентами». По введенной в действие инструкции, все телеграммы, телефонограммы и радиogramмы, передаваемые из СССР иностранными корреспондентами, подлежали

контролю. Не разрешалась передача материалов, в которых разглашались военно-экономические и другие государственные тайны СССР; сообщения иностранных корреспондентов, содержащие выпады против Советского Союза и измышления в отношении его государственных деятелей; информация, дающая извращенное освещение политики и жизни Советского Союза; также всех других материалов, которые могут нанести ущерб государственным интересам СССР.

В 1946 году Главлит решил и частные вопросы, связанные с использованием литературы по запросам ведомств и организаций. Так в январе 1946 года Главлит рассмотрел список из 197-и названий книг, который предоставила библиотека Смерша Московского военного округа, какая литература может быть использована, а какая подлежит изъятию. В результате из всего списка подлежало изъятию два издания (*ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп.1. Д. 498. Л. 8*). В данный период, Главлит также продолжал осуществлять контроль и проводить работу по изъятию литературы по политико-идеологическим соображениям. Так, Приказом Уполномоченного СМ СССР от 14 ноября 1946 года № 48/2305с в костелах, синагогах, молитвенных домах и т. п. предписывалось изъять антисоветскую литературу 1939–1940 годов и времени оккупации УССР, БССР, Литовской, Латвийской, Эстонской ССР, кроме книг для отправления религиозных обрядов (*ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп.1. Д. 403. Л. 116–117*).

Объем работы Главлита по контролю за литературой

В 1946 году в работе Главлита основное внимание уделялось вопросам предварительной цензуры, при этом следовало иметь ввиду резкое увеличение числа изданий после войны. В связи с этим обращает на себя внимание большой объем проверенной литературы. Особо пристально просматривалась вышедшая литература по атомной энергии, физике, химии и геологии. Так, отделом предварительной цензуры за 1946 год было отработано 9 тыс. 706 книг (71 тыс. 062 печатных листа) и 6 тыс. 111 названий изобразительной продукции и карт. Большинство вмешательств было политико-идеологическим мотивам – 1 579, затем по военной и экономической тайне – 1 523. Главлитом было запрещено к печатанию 56 книг, 129 статей, 167 наименований изопродукции, изъято из обращения 16 книг (*ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп.1. Д. 413. Л. 20–21*). Кроме того произведено цензурирование 8 тыс. 212 печатных листов газетных материалов, 5 тыс. 794 печатных

листов ТАСС, 1 тыс. 299 печатных листов Совинформбюро. Было задержано (так в тексте) 1 тыс. 898 фотографий, 11 тыс. 498 печатных листов материалов радиовещания, 226 печатных листов материалов антифашистских комитетов (ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп.1. Д. 412. Л. 37). Отделом последующей цензуры было проверено 1 тыс. 205 текстовых сводок, 11 тыс. 665 цензурных вмешательств, из них 974 было необоснованных (ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп.1. Д. 414. Л. 7).

В целом Главлитом в 1946 году перерабатывалось 100–120 статей ежедневно, контролировались 11 центральных газет, ТАСС, Совинформбюро, Радиокomiteт, три антифашистских Комитета, еврейское издательство «Дер Эмес» и др. Главлитом были направлены четыре записки в ЦК ВКП(б) о неудовлетворительной работе Радиокomiteта, обзор газеты «Советское искусство» и др. Для информирования заинтересованных организаций Главлитом направлялись сводки, заключения, обзоры. В политико-идеологическом смысле в данный период работа Главлита велась в свете выполнения решений вышедшего 14 августа 1946 года Постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Звезда», «Ленинград», кинофильме «Большая жизнь».

Заключение

С началом холодной войны советское государство, усилило общий контроль как отечественной, так и иностранной литературы. В то же время возрастала тенденция в понимании того, что контроль за специфическими секретными сведениями, составляющими государственную тайну, должны осуществлять соответствующие ведомства, которые, как правило, и являлись носителями секретной информации. Но такое положение не относилось к работе по контролю за информацией, направляемой из СССР иностранными корреспондентами по признакам наличия шпионажа и разглашения секретных сведений, а также нежелательной информации по политико-идеологическим мотивам. Именно поэтому из ведения отдела печати Наркоминдела СССР был изъят цензорский контроль над информацией, направляемой из СССР иностранными корреспондентами и возложен на Уполномоченного СНК СССР по охране военных и государственных тайн в печати. Усиление цензурных требований и контроля происходило в первую очередь за научно-исследовательской работой и изобретениями (особенно в военной области), иностранными

корреспондентами и представительствами в СССР. Государством, в лице Уполномоченного СМ СССР и Главлита, принимались меры по перекрытию утечки информации через литературные издания и продукцию о военном и экономическом потенциале, политико-идеологическом состоянии, моральном климате, возможностях и политических намерениях СССР. Со стороны контрразведывательной составляющей необходимо было не допускать проводить успешную разведывательную деятельность противника (через средства массовой информации, литературу и печать) направленную на раскрытие секретной информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Печковский П. В.* Цензура в печати, как элемент государственной политики в области информационной безопасности Советской России // Вестник Брянского государственного университета. История. 2015. № 3. С. 116–121.
- Тобольский А.* Экспансия иностранного шпионажа. Угроза модернизации России. М. : Вече, 2011. 496 с.
- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ, Ф. Р-9425. Оп.1. Д. 405).

REFERENCES

- Pechkovskij P. V.* Cenzura v pečati, kak jelement gosudarstvennoj politiki v oblasti informacionnoj bezopasnosti Sovetskoj Rossii // Vestnik Brjanskogo gosuniversiteta. Istorija. 2015. № 3. S. 116–121.
- Tobol'skij A.* Jekspansija inostrannogo shpionazha. Ugroza modernizacii Rossii. M. : Veche, 2011. 496 s.
- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF, F. R-9425. Op.1. D. 405).

УДК 327

О. Ю. Обухов, Е. В. Лещёв

Обухов О. Ю., кандидат исторических наук;
доцент кафедры теории и истории международных отношений;
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: obuhov.ron@mail.ru

Лещёв Е. Н., доктор исторических наук, доцент,
декан факультета национальной безопасности
института права и национальной безопасности;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации;
e-mail: leshiov.evgeny@yandex.ru

ОТ ВЕРСАЛЬСКОГО МИРА ДО МЮНХЕНСКОГО СГОВОРА: ПРЕДЫСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье раскрываются основные причины начала Второй мировой войны. По мнению автора, истоки Второй мировой войны берут начало от Версальского мирного договора, который стал основой реваншистских настроений в Германии, создал условия для прихода к власти фашистов и заключения «Мюнхенского сговора» о разделе Чехословакии.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Версальский мирный договор; Мюнхенский сговор; фашизм; Советский Союз; Германия, Великобритания, Франция, США, Польша, Чехословакия, фальсификация, аналогии, исторические уроки.

O. Yu. Obukhov, E. N. Leshchev

Obukhov O. Yu., PhD (History);
Assoc. Prof. at the Department of Theory and History of International Relations;
Moscow State Linguistic University; e-mail: obuhov.ron@mail.ru

Leshchev E. N., Doctor of History (Dr. Habil), Assoc. Prof.;
Dean of the Faculty of National Security of the Institute of Law and National Security
of the Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation; e-mail: leshiov.evgeny@yandex.ru

FROM THE PEACE TREATY OF VERSAILLES TO THE MUNICH AGREEMENT: THE BACKGROUND OF WORLD WAR II

The article reveals the main reasons for the beginning of the Second world war. According to the author, of the Second world war originates from the Versailles Peace Treaty, which became the basis of revanchist sentiments in Germany, created the conditions for the coming to power of the fascists and the conclusion of the “Munich agreement” on the division of Czechoslovakia.

Key words: the Second World War; the Versailles Peace Treaty; the Munich Betrayal; fascism; the Soviet Union; Germany; Great Britain; France; USA; Poland; Czechoslovakia; falsification; analogies; historical lessons.

Введение

В истории человечества накопилось немало «трудных вопросов», относительно которых существуют спорные интерпретации в массовом сознании. Один из таких вопросов – причины начала Второй мировой войны и роль исторических событий, непосредственно предшествовавших величайшей трагедии XX века. Подразумевается не просто толкование того или иного события, а противоборство диаметрально противоположных политических оценок причин и итогов войны, которое находит отражение и свое продолжение в современной международной политике.

Противоречия и конфликты Версальского мирного договора, которые привели к новому международному глобальному конфликту

Итак, попробуем ответить на вопрос: «Как получилось, что мировое сообщество, пройдя через ад Первой мировой войны 1914–1918 годов, понеся миллионные жертвы, через каких-нибудь два десятка лет снова взялось за оружие?» Хотя этому периоду посвящено множество научных работ, однако однозначного ответа на этот вопрос историческая наука не дает.

Логично предположить, что разгадку этого феномена, причины произошедшего следует искать в событиях межвоенного периода 1919–1939 годов. Принято считать, что интербеллум начинается с 28 июня 1919 года. В это время был подписан Версальский мирный договор, который подвел итоги Первой мировой войны [Советская историческая энциклопедия, т. 3, с. 369–372].

Поскольку проигравшей стороной стала Германия, то эта страна и подверглась наибольшим санкциям, основными из которых были контрибуции (132 млн марок золотом), окончательный расчет по которым состоялся только в 2010 году, территориальные потери (Эльзас и Лотарингия, Восточная Пруссия, г. Гданьск). Оказавшиеся на определенном этапе войны в подчинении германской империи Польша, Чехословакия и отчасти Австрия объявлялись независимыми государствами.

В результате Договора произошли не только сокращение германской армии до 100 тыс. человек и ее технической оснащенности, но и практически была разрушена вся военная промышленность. А особым пунктом прописывалась полная демилитаризация Рейнской зоны, в которой было запрещено сосредоточение войск в целях недопущения возможности повторных военных действий [Черчилль 1991, с. 22].

Следствием драконовских условий Версальского мирного договора стали полная деградация экономики страны и значительное ухудшение материального положения населения [Ленин 1981, т. 41, с. 352–353].

Помимо тяжелых экономических последствий, тяжелый удар был нанесен по национальному самосознанию немцев, всегда считавших себя уникальной нацией, способной занять лидирующие в мире позиции по уровню государственного развития. Материальное разорение и моральное опустошение стали важным фактором, толкнувшим Германию на последующие события, приведшие ее к развязыванию Второй мировой войны [Черчилль 1991, с. 27].

Италия и Япония также считали себя «проигравшими среди победителей» в Первой мировой войне. Они не без основания полагали, что все преимущества победы достались Великобритании и Франции. Не случайно в следующей, Второй мировой войне Италия и Япония оказались в числе агрессоров.

Роковым событием, запустившим процесс скатывания мира к новой войне, многие историки считают приход к власти в Германии в 1933 году нацистской партии во главе с Адольфом Гитлером [Майский 1962; Кершоу 1997; Хидояттов 2010; Ширер 1991; Райх 2004]. Действительно, это была единственная политическая сила в Европе, которая открыто и публично призывала к новой войне. Немецкое общество с готовностью восприняло самые крайние националистические и реваншистские идеи [Кершоу 1997, с. 209].

Нацистская государственная пропаганда осуществлялась главным образом по двум направлениям: геополитическом, характеризующимся стремлением к мировому господству, и пропаганды расовой теории превосходства немецкой нации над всеми остальными. Реализация идей на практике должна была осуществляться Третьим рейхом – арийским диктаторским государством. В 1935 году Гитлер перешел от лозунгов к их практической реализации.

«Политика умиротворения» как последствие кризиса Версальской системы

Так почему же окружающие Германию государства, для которых замыслы Гитлера не являлись секретом, не смогли предотвратить разгоравшийся очаг войны? Чтобы ответить на этот вопрос, надо разобратся в сложной, запутанной борьбе европейских государств (а также СССР и США) за свои политические, экономические, идеологические интересы. Для этого разделим их на три группы.

Первая группа – ведущие капиталистические страны: Франция, США, Великобритания. Как известно, наиболее четко и ярко позицию западных «демократий» по отношению к фашизму показал Мюнхенский сговор [Майский 1962, с. 79–80, 196]. Его выработке предшествовали события, связанные с развитием Германии в послевоенный период. Следя за выполнением условий Версальского договора, пользуясь слабостью побежденной страны, западные державы в 1919–1932 годах активно вмешивались во внутреннюю политику Веймарской республики, направляя свои комиссии для контроля за внутренней ситуацией в государстве, проводя военные сборы своих войск в демилитаризированной Рейнской зоне. Когда же к власти пришли национал-социалисты во главе с Гитлером, в силу ряда обстоятельств руководящие круги стран – бывших союзниц по военно-политическому блоку Антанты – предпочитали не замечать изменений и угроз, вызревающих в Германии под руководством новой власти [Майский 1962, с. 67].

Как же реагировали на приход к власти фашистов в Германии правящая элита ведущих капиталистических государств? Анализ воззрений политиков и олигархов ведущих держав показывает, что в Гитлере и его окружении они увидели ту силу, которая сможет эффективно решить экономические проблемы европейского континента, предотвратить возможные экономические кризисы. Предполагалось, что Гитлер способен объединить Европу, создать общий европейский рынок, где господствовали бы гигантские монополии. Оказывая помощь Гитлеру в приходе к власти, они преследовали прежде всего свои интересы. Владельцы крупных мировых компаний готовы были финансировать этот проект, надеясь в будущем на большие прибыли [Черчилль 1991, с. 22].

На деньги зарубежных и германских магнатов были созданы войска СС, ударные отряды СА, мощный аппарат пропаганды, проводились

собрания нацистов, издавались огромными тиражами газеты, журналы и другие издания, разъясняющие цели и задачи нацистской партии. На имидж фашистов работали крупнейшие в Германии киностудии. Перед приходом к власти нацистская партия стала самой массовой в Германии и насчитывала около миллиона членов [Хидоятов 2010, с. 329].

Усилиями нацистской партии в 1933 году Гитлер становится канцлером Германии, открыто провозгласившим целью внешней политики ликвидацию Версальских соглашений, вооружение и политическую экспансию. В середине 1930-х годов Гитлер объявил всему миру, что собирается пересмотреть итоги Первой мировой войны и объединить в границах Третьего рейха всех немцев. Но западные демократии проявили удивительное спокойствие и не видели необходимости в принятии мер предосторожности. По мнению Киссинджера, в Британии даже приветствовали появление Гитлера, считая, что немецкий фюрер «представлял большую надежду на мир, чем менее стабильные правительства, которые предшествовали ему» (Прив. по: [История дипломатии 1945, с. 74–75]).

В европейской дипломатии наступила эпоха двойных стандартов. С одной стороны, интересы сильных мира сего, то есть крупных промышленников и финансовых олигархов, требовали сговора с Гитлером и выработки общих условий сосуществования, с другой стороны, национальные интересы, то есть национальный суверенитет, защита демократических ценностей, территориальной целостности, требовали принятия мер против действия агрессивной политики нацистов. Европейские политики стремились охладить антифашистский настрой общественности и проявляли сдержанность в оценке фашистской угрозы [Хидоятов 2010].

Руководители западных держав, конечно, понимали действительные намерения Гитлера, но они сознательно вводили в заблуждение общественность своих стран, пытаясь заверить ее, что ситуация находится под контролем и не представляет серьезной опасности. В какой-то момент они увидели в Германии силу, которую можно направить на Восток против СССР, и стали с ней заигрывать.

Последним этапом на пути к 1 сентября 1939 года стал Мюнхенский договор 1938 года. Теперь для всех стало очевидным, что Гитлер направил свои устремления на Восток. Советско-германский договор 1939 года внес коррективы в порядок планируемых Гитлером

нападений, ставшие неожиданными для Запада и, по мнению Г. Киссинжера, «высшим достижением средств», которые «вполне могли бы быть заимствованы из трактата на тему искусства государственного управления XVIII века» [Киссинжер 1997, с. 298, 302].

Вторая группа – так называемые малые страны – Польша, Югославия, Румыния, Венгрия, Чехословакия. Их элиты не обладали опытом ведения международной политики, а также четким представлением об интересах собственных государств, что породило целую череду региональных дипломатических споров и конфликтов [Накануне, 1931–1939. Как мир был ввергнут в войну ... 1991]. Сложившейся ситуации правители каждой из этих стран искали свои выгоды, подчиняясь и предлагая свои услуги сильному. В результате все эти страны в конечном итоге оказались в фашистском лагере, а их промышленный и военный потенциал играл важную роль в войне на стороне фашистской Германии. К примеру, Польша в разгар чехословацкого кризиса 1938 года предпочла не поддерживать своих западных союзников, а фактически присоединиться к Германии, также предъявив территориальные претензии к южному соседу [Наленч 1990, с. 190–192]. То же самое можно сказать и о предприятиях промышленности Чехословакии, которые на протяжении всей войны производили для Германии боевую технику, предназначенную для уничтожения Советского Союза.

К третьей группе мы относим СССР. Именно Советский Союз принимал самые активные действия по организации антигитлеровской коалиции. Контурсы ее впервые наметились в 1934–1935 годах, когда после прихода нацистов к власти бывшие партнеры по Антанте попытались найти общий язык – СССР вступил в Лигу Наций, были заключены договоры о взаимопомощи с Францией и Чехословакией. Великобритания, хотя и не принимала формального участия в соглашениях, до некоторой степени поддерживала их на неформальном уровне [Накануне ... 1991, с. 51].

Современные историки находят несколько ошибочной деятельность СССР во внешней политике. Среди них: несоответствие идеологии большевизма, направленной на продвижение коммунистических идей на мировой арене, и объективными интересами экономики в налаживании взаимодействия с другими странами; конфликт внешнеполитической деятельности Народного комиссариата иностранных

дел и Коммунистического интернационала; неудачи в Испании и т. д. [Дюллен 2009, с. 190–200]. Эффективность советского влияния на союзников снижали и недостатки в подготовке к войне Красной Армии. Прежде всего, здесь массовые репрессии военачальников в 1937 году, что, в свою очередь, негативно сказалось в период столкновения с японскими завоевателями у озера Хасан [Кип, Литвин 2009, с. 178].

Однако следует отметить, что именно СССР предпринимал наибольшие усилия, чтобы обуздать фашистскую угрозу. Профессор А. В. Шубин, исследуя внешнеполитическую деятельность советского руководства в межвоенный период, сделал вывод, о том, что Советский Союз в те годы был наиболее последовательным: он стал главным организатором европейской коллективной безопасности [Мюнхен–1938: Падение в бездну Второй мировой 2018].

Проводимая Европейскими государствами политика «умиротворения» в конце 1930-х годов стала началом разрушения Версальской системы, Лиги Наций и системы коллективной безопасности. Она обнажила сущность Запада, манипулировавшего международным сотрудничеством ради реализации своих геополитических интересов, а также интересов крупного финансового и промышленного капитала, способствовала ослаблению усилий мировой общественности по поиску новых путей обеспечения международной безопасности, привела к разочарованию в самом международном сотрудничестве и создала уверенность в неизбежности развязывания военного конфликта.

Мюнхенский сговор – зеркало европейской политики межвоенного периода

Из рассмотренных причин начала Второй мировой войны вытекает ответ на вопрос «Кто виноват в ее развязывании?» Советские и современные российские историки однозначно утверждают, что войну начали капиталистические страны [Кульков 1983, с. 74]. К настоящему моменту собран огромный пласт фактических, документальных, архивных материалов, свидетельствующих, что боевые действия первыми начали страны гитлеровской коалиции – Германия, Италия, Япония [Накануне ... 1991, с. 58]. Приблизительно в это же время начали свою «игру» и государства, ранее входившие в Антанту, которые в меньшей степени препятствовали мировому распространению фашизма, а в большей – противодействовали советскому влиянию на

международной арене. Заигрывая с Гитлером, руководители Британии и Франции вынашивали даже планы локального нападения на СССР. Кульминацией политических игр стал Мюнхенский сговор 1938 года, обнаживший реальные планы союзников, которые в своем желании направить германскую орду на завоевание Советского Союза не остановились даже перед расчленением Чехословакии [Кертман 1990, с. 499].

Как показывает анализ взглядов высших руководителей ведущих капиталистических государств, задача по недопущению новой войны ставилась, но она не являлась приоритетной [Черчилль 1991, с. 39]. С точки зрения современных представлений, все противостоящие с фашизмом стороны сделали множество ошибок, а главное не смогли решить коммуникационные проблемы – договориться о том, как остановить потенциального, а затем и реального агрессора.

С одной стороны – это пресловутая борьба между ведущими мировыми державами за сферы влияния. И. В. Сталин еще в 1938 году писал: «Вторая империалистическая война на деле уже началась. Начали войну в разных концах мира три агрессивных государства: фашистские правящие круги Германии, Италии, Японии. Война идет на громадном пространстве от Гибралтара до Шанхая. Война уже успела втянуть в свою орбиту более полмиллиарда населения. Она идет, в конечном счете, против капиталистических интересов Англии, Франции, США, так как имеет своей целью передел мира и сфер влияния в пользу агрессивных стран и за счет этих так называемых демократических государств» [Сталин 1938, с. 318–319].

С другой стороны, несомненно, имело место стремление уничтожить «первое в мире государство рабочих и крестьян». Лидеры западной Европы выдвигали план парирования германской угрозы, который в то время именовался «концепцией западной безопасности» и заключался в подталкивании Германии к войне с СССР [Майский 1962, с. 53–54]. Борьбе с фашизмом они предпочитали борьбу с коммунизмом. Опасность фашизма лидеры этих стран старались не замечать, не проявляли особой инициативы в формировании антифашистского блока, не стремились к объединению с Советским Союзом в рамках Лиги Наций. По утверждению А. Ю. Плотникова, борьба с идеологией большевизма для лидеров Запада оказалась важнее «элементарного здравого смысла» [Мюнхен–1938 ... 2018, с. 144].

С точки зрения автора, в обозначенный период международных отношений имели место все перечисленные обстоятельства, которые

и привели к тому, что в нужный момент государства Европы не выступили единым фронтом против фашизма.

Когда началась Вторая мировая война?

Еще один спорный вопрос: «Когда началась Вторая мировая война?» Ее официальным началом принято считать дату нападения Германии на Польшу – 1 сентября 1939 года. В некоторых европейских источниках указывается 3 сентября 1939 года, когда Великобритания и Франция, а также Австралия, Новая Зеландия и Индия объявили Германии войну. Однако факты свидетельствуют, что боевые действия в других частях мира между странами за передел территории начались гораздо раньше. Уже в 1931 году развернулось японское вторжение в Северо-Восточные провинции Китая, Манчжоу-Го, а с 7 июля 1937 года началась полномасштабная война, развязанная милитаристской Японией с Китаем. В 1935 году Италия вела боевые действия в Северной Африке. Жертвами агрессии стали 200 тыс. граждан Абиссинии, уничтоженных в результате химической атаки. Япония напала на Монглию в районе реки Халхин-Гол, одновременно захватила острова Спартли и Хайнань на подступах к колониальным владениям Великобритании, Франции и США. К моменту нападения Германии на Польшу боевые действия активно велись на европейском континенте. Италия подчинила себе Албанию, Германия – Австрию. Польша, Германия и Венгрия присвоили себе части территории расчлененной Чехословакии [Накануне ... 1991, с. 161–178].

Для Западной Европы настоящая война началась только весной 1940 года, когда германские войска вторглись в Данию и Норвегию, а потом развернули наступление во Франции, Бельгии и Голландии. В июне 1941 года Германия напала на СССР, а в декабре США вступили в войну. Еще до вторжения Германии в Польшу лидеры государств, вошедших позднее в антигитлеровскую коалицию, назвали агрессию стран фашистского блока началом Второй мировой войны. 10 марта 1939 года И. В. Сталин указывал в своем отчетном докладе на XVIII съезде ВКП(б), что два года Япония ведет захватнические войны, а со второй половины 1937 года охваченные кризисом западные державы переводят свою экономику на военный лад, «новая империалистическая война стала фактом» [цит. по: Советское общество ... 2015, с. 206]. Президент Соединенных Штатов Америки

Ф. Д. Рузвельт 9 декабря 1941 года в обращении к американскому народу «О нападении Японии на Перл-Харбор» акцентировал внимание на том, что это событие носит не локальный характер, а отражает общее стремление Германии, Японии и Италии вести войну на всех континентах, рассчитывая на внезапность и жестокость, в 1931–1941 годах агрессии подверглись девятнадцать государств, в том числе и США. Он утверждал, что: «Всё это звенья одной цепи. Теперь мы тоже участвуем в этой войне» [там же, с. 206].

Современные историки разделены во мнениях о точке отсчета начала Второй мировой войны, вопрос о ее начале нуждается в более обоснованном определении. Поскольку окончанием Второй мировой войны считается капитуляция Японии, война в Азии признается частью Второй мировой войны. Военные действия в Азии начались раньше нападения Германии на Польшу и вступления в мировую войну западных держав. Поэтому, права историк Н. А. Нарочницкая, которая предлагает мировой научной общественности пересмотреть даты начала Второй мировой войны [Нарочницкая 2010, с. 208].

Заключение

Проведенный анализ проблемы кризиса деятельности международного сообщества в межвоенный период по поддержанию мира и недопущения развязывания Второй мировой войны дал возможность по новому взглянуть на предвоенные события, сформировать выводы, которые имеют непосредственное отношение к современной международной обстановке в Европе и мире.

Во-первых, война стала следствием событий, которые произошли задолго до подписания в 1939 году советско-германского договора о ненападении. Основные из них: Версальский мирный договор 1919 года, унижительный для Германии; захват власти в Германии социал-националистами в 1933 году; подписание антикоминтерновского пакта между Германией и Японией в 1936 году, изначально направленного против распространения коммунистических идей, а затем противостоящего и западным «демократиям»; Мюнхенский сговор 1938 года, обозначивший неизбежность начала Второй мировой войны.

Во-вторых, очевидно, что войну начали страны «оси» и их союзники. В то же время, имея все возможности активно включиться

в антигитлеровскую коалицию, государства Европы не пожелали этого сделать, вынашивали планы решить свои геополитические проблемы за счет противоборствующих сторон. Политические интриги в конечном итоге привели к тому, что Гитлер, повернув армию на запад, завоевал Францию и был в одном шаге от завоевания Британии.

В-третьих, было бы совершенно справедливо подвергнуть сомнению тезис о начале Второй мировой войны 1 сентября 1939 года, так как боевые действия за передел мира начались гораздо раньше.

«Очевидно одно, – отметил в одном из своих выступлений Министр иностранных дел Российской Федерации С. Лавров, – война стала следствием несостоятельности всей европейской политики, роль Советского Союза в которой намеренно принижалась, прежде всего в силу соображений идеологического порядка» [цит. по: *Партитура Второй мировой ... 2009*, с. 2].

Сопоставляя события интербеллума с современными реалиями, следует отметить, что основные тенденции развития международной обстановки тогда и в наше время совпадают, что может привести к началу новой мировой войны.

В современном мире роль главного агрессора примерили на себя США. Именно в среде американской элиты появляются идеи мирового господства, распространены высказывания об уникальности американской нации, что перекликается с идеологией Третьего рейха.

Как и восемьдесят лет назад, государства Западной Европы и других регионов услужливо «умиротворяют» мирового агрессора путем участия в его же авантюрах, рассчитывая на «свою долю».

С огромным трудом России удастся убеждать западных партнеров в необходимости совместной борьбы против терроризма. Как и во времена межвоенного периода, когда глухота к призывам советских дипломатов объяснялась намерением западных держав столкнуть гитлеровскую Германию с СССР, сегодняшние «властители мира», также не желают отказываться от терроризма и используют его в целях дестабилизации внутривнутриполитической обстановки непокорных государств и смещения неугодных правительств.

Таким образом, Европа, испытавшая ужас Второй мировой войны, сохранившая свою демократию и свое историческое и культурное наследие только благодаря невиданным жертвам и сопротивлению фашизму советского народа, благодаря союзничеству антигитлеровской коалиции, предаст свое собственное прошлое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. М. : Государственное социально-экономическое изд-во, 1940. 736 с.
- Дюллен С.* Сталин и его дипломаты. Советский союз и Европа 1920–1939 годы. М. : РОССПЭН, 2009. 319 с.
- История дипломатии / под ред. акад. В. П. Потемкина : в 5 т. М. : Изд-во Политической литературы. 1945. Т. 2. 423 с.
- Кертман Л. Е.* Джозеф Чемберлен и сыновья. М. : Мысль, 1990. 541 с.
- Кершоу Я.* Гитлер. Ростов-на-Дону : Феникс, 1997. 320 с.
- Кип Д., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М. : РОССПЭН, 2009. 328 с.
- Киссинджер Г.* Дипломатия. М. : Ладомир, 1997. 847 с.
- Кульков Е. Н.* Правда и ложь о Второй мировой войне. М. : Воениздат, 1983. 294 с.
- Ленин В. И.* Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС: в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во политической литературы. 1981. Т. 41. 696 с.
- Майский И. М.* Кто помогал Гитлеру (из воспоминаний советского посла). М. : Институт международных отношений, 1962. 197 с.
- Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой / сб. ст. под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой. М. : Кучково поле, 2018. 272 с.
- Накануне, 1931–1939. Как мир был ввергнут в войну: краткая история в документах, воспоминаниях, и комментариях / сост. Н. Н. Яковлев. М. : Политиздат, 1991. 272 с.
- Наленч Д.* Юзеф Пилсудский: легенды и факты. М. : Политиздат, 1990. 398 с.
- Нарочницкая Н. А.* Великие войны XX века. Ревизия и правда истории. М. : Вече, 2010. 353 с.
- Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? / авт.-сост. Н. А. Нарочницкая. М. : Вече, 2009. 416 с.
- Райх В.* Психология масс и фашизм. МАСТ : Мидгард, 2004. 539 с.
- Советская историческая энциклопедия / под ред. Е. М. Жукова: в 16 т., М. : Советская энциклопедия. 1963. Т. 3. 516 с.
- Советское общество. История строительства социализма в России. Становление советского социалистического общества и его борьба с фашизмом (1921–1945) / под ред. Л. И. Ольштынского. М. : ИТРК, 2015. 368 с.
- Сталин И. В.* Краткий курс истории ВКП(б). М. : Полиграфкнига, 1938. 353 с.
- Хидояттов Г. А.* Дипломатия XX века. М. : СМИ-АЗИЯ, 2010. 904 с.
- Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 1. М. : Воениздат, 1991. Т. 1. 592 с.
- Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха / с пред. и под ред. О. А. Ржешевского. М. : Воениздат, 1991. 653 с.

REFERENCES

- Bismark O.* Mysli i vospominanija. M. : Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izd-vo, 1940. 736 s.
- Djullen S.* Stalin i ego diplomaty. Sovetskij sojuz i Evropa 1920–1939 gody. M. : ROSSPJeN, 2009. 319 s.
- Istorija diplomatii / pod red. akad. V. P. Potemkina : v 5 t. M. : Izd-vo Politicheskoy literatury. 1945. T. 2. 423 s.
- Kertman L. E.* Dzhozef Chemberlen i synov'ja. M. : Mysl', 1990. 541 s.
- Kershov Ja.* Gitler. Rostov-na-Donu : Feniks, 1997. 320 s.
- Kip D., Litvin A.* Jepoha Iosifa Stalina v Rossii. Sovremennaja istoriografija. M. : ROSSPJeN, 2009. 328 s.
- Kissinzher G.* Diplomacija. M. : Ladomir, 1997. 847 s.
- Kul'kov E. N.* Pravda i lozh' o Vtoroj mirovoj vojne. M. : Voenizdat, 1983. 294 s.
- Lenin V. I.* Polnoe sobranie sochinenij / Institut marksizma-leninizma pri CK KPSS: v 55 t. 5-e izd. M. : Izd-vo politicheskoy literatury. 1981. T. 41. 696 s.
- Majskij I. M.* Kto pomogal Gitleru (iz vospominanij sovetskogo posla). M. : Institut mezhdunarodnyh odnoszenij, 1962. 197 s.
- Mjunhen-1938: Padenie v bezdnu Vtoroj mirovoj / sb. st. pod obshh. red. V. Ju. Krashennikovoj. M. : Kuchkovo pole, 2018. 272 s.
- Nakanune, 1931–1939. Kak mir byl vvergnut v vojnu: kratkaja istorija v dokumentah, vospominanijah, i kommentarijah / sost. N. N. Jakovlev. M. : Politizdat, 1991. 272 s.
- Nalench D.* Juzef Pilsudskij: legendy i fakty. M. : Politizdat, 1990. 398 s.
- Narochnickaja N. A.* Velikie vojny XX veka. Revizija i pravda istorii. M. : Veche, 2010. 353 s.
- Partitura Vtoroj mirovoj. Kto i kogda nachal vojnu? / avt.-sost. N. A. Narochnickaja. M. : Veche, 2009. 416 s.
- Rajh V.* Psihologija mass i fashizm. MAST : Midgard, 2004. 539 s.
- Sovetskaja istoricheskaja jenciklopedija / pod red. E. M. Zhukova: v 16 t., M. : Sovetskaja jenciklopedija. 1963. T. 3. 516 s.
- Sovetskoe obshhestvo. Istorija stroitel'stva socializma v Rossii. Stanovlenie sovetskogo socialisticheskogo obshhestva i ego bor'ba s fashizmom (1921–1945) / pod red. L. I. Ol'shtynskogo. M. : ITRK, 2015. 368 s.
- Stalin I. V.* Kratkij kurs istorii VKP(b). M. : Poligrafkniha, 1938. 353 s.
- Hidojatov G. A.* Diplomacija XX veka. M. : SMI-AZIJ, 2010. 904 s.
- Cherchill' U.* Vtoraja mirovaja vojna. Kn. 1. M. : Voenizdat, 1991. T. 1. 592 s.
- Shirer U.* Vzlet i padenie Tret'ego rejha / s pred. i pod red. O. A. Rzheshhevskogo. M. : Voenizdat, 1991. 653 s.

УДК 94(7)

А. Ю. Петров

доктор исторических наук;
главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;
профессор кафедры исторических наук института гуманитарных и прикладных наук;
Московский государственный лингвистический университет;
профессор Государственного академического университета гуманитарных наук.;
e-mail: alaska13@yandex.ru

ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ В ДИСТАНЦИОННОМ ФОРМАТЕ СПЕЦКУРСА ПО ИЗУЧЕНИЮ СТРАН АНГЛОСФЕРЫ: МЕТОДОЛОГИЯ И ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ¹

В статье рассматриваются вопросы, связанные с теоретическим осмыслением и дистанционным изучением истории и культуры стран Англосферы, в которую входят США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия. Показана методика преподавания спецкурса и различные аспекты его реализации в рамках дистанционного обучения. Рассматриваются особенности изучения стран Англосферы в Московском государственном лингвистическом университете и в Государственном академическом университете гуманитарных наук. Статья подготовлена с использованием междисциплинарных подходов.

Ключевые слова: Англосфера; история, США; международные отношения; дистанционное обучение; презентации, коронавирус.

A. Yu. Petrov

Doctor of History (Dr. habil), Prof.;
Senior Research Fellow at the Institute of World History,
Russian Academy of Sciences; Prof., Moscow State Linguistic University,
State Academic University for the Humanities,
e-mail: alaska13@yandex.ru

THE EXPERIENCE OF DISTANCE EDUCATION FOR A SPECIAL COURSE OF STUDY ON THE ANGLOSPHERE COUNTRIES: THE METHODOLOGY AND FUNDAMENTALS OF ORGANIZATION

The author discusses various issues related to the remote-format (distance) study of the countries of the Anglosphere including the USA, Great Britain, Canada, Australia. The method of teaching a special course and various aspects of its implementation

¹ Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

in the framework of distance learning are shown. The peculiarities of studying the countries of the Anglosphere at the Moscow State Linguistic University and at the State Academic University for the Humanities are considered. The article was prepared using interdisciplinary approaches.

Key words: Anglosphere; USA; international relations; history; distance learning; presentation; coronavirus.

Введение

Данную статью можно было бы озаглавить «к вопросу», что сузило бы проблематику, но позволило бы отметить многоплановость поднимаемых сюжетов. Между тем мы намеренно оставили именно данное заглавие, чтобы, с одной стороны, вызвать дискуссию, критические замечания и, с другой – показать, что данная статья является пилотной в цикле проблематики изучения Англосферы. В последующем мы намерены показать конкретные научные и практические результаты поднимаемой проблемы. В Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ) читаются учебные дисциплины по истории, географии, культуре, спецстрановедению Великобритании и США, а также новый, разработанный нами спецкурс «Англосфера: генезис и развитие».

Этот спецкурс впервые читается в университете и является продвинутым, или *advanced*, вариантом дисциплин «История и культура Великобритании и США», и «Спецстрановедение» указанных стран. Кроме того, в Государственном университете гуманитарных наук (ГАУГН) нами читается курс по истории и основам цивилизации США. Если программы по истории, культуре, географии, спецстрановедению читаются уже в течение многих лет и разработана методика, сформировалась школа по преподаванию данных дисциплин, то курс «Англосфера» впервые разработан и читается на переводческом факультете в МГЛУ. Поэтому в статье мы постараемся провести сопоставительный анализ курса «Англосферы» в МГЛУ с лекциями и семинарскими занятиями в ГАУГН.

Мы предлагаем рассматривать Англосферу в узком и широком аспектах, тем более, что данная методика уже была апробирована нами при изучении истории и наследия Русской Америки [Петров 2019]. В узком смысле под Англосферой автор понимает страны мира с высоким уровнем экономического развития, где на государственном уровне применяется английский язык, а в широком – все страны мира,

цивилизационный компонент которых обусловлен общими чертами и, в первую очередь, исторической связью с Англией. Данное положение представляется актуальным в контексте поиска идентичности как Великобритании, так и России [Чубарьян 2020].

Термин «Англосфера» мы используем в проблемно историко-культурном и географическом аспектах. Этот термин стал широко употребляться лишь в последние годы. Считается, что его в 1995 году ввел писатель Нил Стивенсон (Neal Stephenson) в фантастическом романе «Бриллиантовый век или иллюстрированный букварь юной леди» (*The Diamond Age or A Young Lady's Illustrated Primer*). Политико-экономическое значение этот термин приобрёл в работах Дж. Беннетта, который употребляет его в контексте англосаксонских стран. В последние годы мы видим внимание отечественных ученых к данной проблематике [Косторниченко 2019].

В нашей статье вряд ли имеет смысл углубляться в терминологический анализ, этому может быть посвящена специальная публикация. Для нас интересен этот термин с точки зрения проблематики научных исследований и содержания учебного процесса. Мы предоставляем студентам возможность ознакомиться с различными позициями и учим их выделять главное в историческом процессе.

Тематика курса и методологические подходы

Программа лекционных и семинарских занятий предполагает активную работу преподавателя, который вместе со студентами проводит исследовательскую работу. Большое значение имеют индивидуальный подход и методы, которые могут совершенствоваться в процессе занятий. Весьма желательно, чтобы студенты уже имели знания по дисциплинам: «История», «История и культура страны первого (второго) иностранного языка», «История и география страны первого (второго) иностранного языка», «Специальное страноведение первого (второго) иностранного языка».

Кроме того, хорошо известно, что существуют различные школы перевода, но при этом следует отметить, что в хрестоматиях по истории зарубежных стран и даже в дипломатических документах используются переводы текстов с досадными сокращениями, упущениями, когда речь идет, например, о церковной тематике, членах императорских семей, их титулах, рангах и т. п.

Содержание курса служит основой для освоения следующих дисциплин: «Практический курс перевода второго иностранного языка (устный перевод)», «Практикум по культуре речевого общения второго иностранного языка». В целом студент после изучения данного курса должен знать основные периоды истории Англосферы, в том числе, этапы развития политической и экономической систем, ее общие закономерности исторического и культурного развития. Обучающийся должен уметь обобщать и систематизировать материал, осуществлять реферирование и аннотирование письменных текстов, составлять аналитические обзоры по заданным темам и уметь делать обоснованные выводы. Студенту необходимо овладеть навыками работы с историческими источниками и научной филологической, исторической, политической и экономической литературой.

Идея спецкурса по Англосфере родилась в результате дискуссии на кафедре исторических дисциплин МГЛУ. Идея базировалась на выводах, которые были сделаны автором статьи на основе более чем двадцатилетнего опыта преподавательской деятельности (из них более десяти лет в МГЛУ). Анализ успеваемости студентов показал растущее противоречие между языковой подготовкой и снижающимся уровнем понимания истории, культуры, международных отношений стран Англосферы. Между тем знание истории, культуры и географии страны изучаемого языка является необходимым элементом языковой подготовки студентов. Студенты, хорошо разбирающиеся в особенностях развития США и Великобритании, обладающие навыками получения информации об истории и культуре страны, как правило, имеют более высокий и качественный уровень языковой подготовки. Например, хорошо понимаемые в американском историческом сообществе термины саквояжник (*carpetbagger*) и прохвост (*scalawag*) времен Гражданской войны в США, расколовшей американское общество по проблемам рабства и сохранения Союза, вызывают серьезные трудности при переводе. Как правило, даже если перевод верен, поверхностное понимание указанных терминов может привести к искажению смысла. Поясним, что саквояжниками называли представителей северных штатов, которые приезжали на юг после Гражданской войны с корыстными целями, а прохвостами – белых южан, сотрудничавших с федеральными властями Севера. Несмотря на то, что, казалось бы, времена саквояжников и прохвостов прошли

более 150 лет назад, употребление этих понятий актуальны и поныне. Отзвуки Гражданской войны в США слышны до сих пор. В южных штатах существуют призывы ликвидировать памятники участникам Гражданской войны, при этом указанные термины употребляются среди участников дискуссии достаточно активно.

Исходя из вышесказанного, мы стремимся к тому, чтобы обучающиеся овладели необходимыми и важными навыками в получении информации из различных источников (Библиотеке Конгресса (Library of Congress), Британской библиотеки (British Library) и др., умели сопоставлять сведения и критически к ним относиться, используя данные российских официальных ресурсов: МИД РФ, РГБ, Президентской библиотеки и др. Кроме того, курсы по истории и культуре, истории и географии Великобритании и США продолжают, как правило, семестр, в отдельных случаях – год. За это время студенты успевают получить лишь наиболее общие знания, а у преподавателей ограничены возможности показать историко-когнитивные особенности страны изучаемого языка.

Перед тем как заявить предлагаемую методику, автор статьи апробировал ее на отдельных специальных занятиях, а возможность ее практического использования – в блоке семинарско-практических занятий на переводческом факультете МГЛУ во 2-м семестре 2018 года. На открытом занятии присутствовал заведующий кафедрой исторических дисциплин В. В. Корнеев, который в дальнейшем высказал ценные рекомендации автору при подготовке данной статьи.

При подготовке курса мы использовали наш опыт преподавания на английском языке для студентов американских университетов (Орегонский государственный университет, Мэрилэндский университет). В частности, за подготовку курса в Мэрилэндском университете по истории российско-американских отношений автор статьи получил диплом «Excellent Performance». Различные аспекты методики сочетания и взаимопроникновения истории культуры языка обсуждались нами в ходе специальных научных и научно-преподавательских командировок в Институте Кеннана, Центр Вудро Вильсона в 2001 и 2009 годах. В результате обсуждений, в которых принимали участие представители различных специальностей из разных стран мира, мы пришли к выводу, что действительно, профессиональное владение языком предполагает продвинутое знание в области

истории, культуры и географии изучаемой страны. Данное положение широко обсуждалось и обсуждается среди лингвистов, историков и представителей других дисциплин. В научно-популярной форме оно было подробно рассмотрено в книге известного лингвиста Ф. Фолсома [Folsom 1963].

Обращают на него внимание и практикующие лингвисты, обладающие знаниями многих языков. В частности, Д. Ю. Петров справедливо говорит о том, что язык, прежде всего, – это отражение менталитета, многовековой истории, своеобразной культуры народа, который этот язык создал и на нем говорит (*Интервью с Д. Ю. Петровым 09.01.2020. URL: [mktravelclub.ru/blogs/dlya-menya-yazyk-prezhde-vsego-eto-otrazhenie-mentaliteta-istorii-kultury-naroda-kotoryy-etot-yazyk/-](http://mktravelclub.ru/blogs/dlya-menya-yazyk-prezhde-vsego-eto-otrazhenie-mentaliteta-istorii-kultury-naroda-kotoryy-etot-yazyk/)*). Историко-культурный компонент весьма востребован специалистами-когнитологами и методы когнитивистики стали весьма полезными при подготовке курса по Англосфере [Ирисханова 2018].

Существует и другая сторона проблемы. Так среди студентов специальных исторических вузов явно недостаточно уделяется внимание языковой подготовке. Поэтому, имеется достаточно много работ историков, в которых изучается отечественная литература и в меньшей степени литература на иностранных языках. Поэтому, в настоящее время весьма актуальной является постановка вопроса о специальных приемах и методах обучения студентов-историков английскому языку для его использования в профессиональных целях [Миньяр-Белоручева 2018]. Кроме того, на современном этапе возрастает роль исторических знаний. Как справедливо отмечает С. П. Карпов, «В эпоху глубоких политических и национальных перемен всегда возрастала роль гуманитарных наук и, особенно, истории. Общество инстинктивно ищет духовные ориентиры и, не находя их в окружающем мире, свой лучший духовный опыт концентрирует в немногих интеллектуалах» [Карпов 2018].

В процессе преподавания курса кроме материалов на английском языке, мы изучаем источники и на других иностранных языках. Историко-культурный компонент перевода может быть весьма полезен при преподавании специальных дисциплин на испанском и других языках [Похолкова, Альварес Солер 2018]. В частности, в ходе научной командировки в Испанию нами были получены интересные

материалы развития российско-испанских отношений на севере Тихого океана в конце XVIII века. Полученные уникальные рукописные документы на испанском языке (письма, докладные записки, инструкции, уведомления, предписания, циркуляры и т. п.) уточняли и давали новое представление о России и Испании в системе истории международных отношений, поэтому мы их использовали в практических занятиях. Эти дискуссии были весьма ценными при подготовке нами монографии, в обсуждении которой приняли участие студенты, аспиранты и преподаватели МГЛУ, РГУ им. С. А. Есенина, с одной стороны, и ученые Института всеобщей истории РАН – с другой [Россия и Испания ... 2020].

Нами были разработаны и предложены для обсуждения студентами темы по истории и современным проблемам стран Англосферы и, прежде всего, Великобритании и США. При этом перед нами не ставилась задача подробного и последовательного раскрытия всех тем и процессов, происходивших в Великобритании и США на протяжении всей их истории. Как уже было указано, студенты должны обладать базовыми знаниями по истории и культуре основных стран Англосферы и продвинутыми навыками в работе с английским языком. Данное положение подразумевает возможность нахождения, изучения и анализа источников и литературы на английской языке. Критериями отбора стали проблемность тем, различные школы перевода документов, возможности наиболее полного привлечения источников и литературы, и использование при этом разных позиций и концепций авторов. Между тем ряд тем, которые формально не являются историческими, но весьма актуальны на современном этапе при изучении истории международных отношений, истории отечества и отдельных регионов, выносятся на обсуждение. Например, такой темой стала ситуация на рынке углеводородов и цене на нефть различных сортов. Несмотря на то что, казалось бы, тема является достаточно специфичной, понимание механизма ценообразования, корреляции цен на нефть с бюджетом России и ряда других государств представляется весьма важной. В рамках данной темы изучаются и используется специфическая экономическая терминология, а также термины нефтегазовой отрасли, которыми впрочем, изобилуют ныне СМИ и в которых студенту, думается, следует разобраться.

Серьезное внимание мы отводим первой и вводной лекции, предваряющей дистанционные занятия. В ней должны быть выданы

рекомендации по подбору научной литературы и выявлению информации в Интернете. В ходе занятий со студентами нами изучаются отдельными блоками материалы, отражающие специфику и методы обработки текстов исторического, политического, экономического, культурного, лингвистического характера. В частности, показывается становление и развитие англосаксонской цивилизации, этапы колонизации, государственный и политический строй, конституции, основные принципы развития социальной и политической сфер. Рассматриваются истоки современного британского политического устройства, парламент и конституция Великобритании. Рассматривается конституция США, ее источники, принципы и структура, история и специфика поправок к ней. Пристальное внимание уделяется изучению христианской составляющей Англосферы. Показываются современные конфессии. Рассматриваются особенности культуры Англосферы и ее отличия от других стран и регионов. Студенты изучают общественную мысль в англоязычных странах, основные принципы и методы составления произведений различных литературных жанров и проводят их семантико-дискурсивный анализ. Рассматриваются пиджины и языковые лексические нормы, борьба коренных народов за свои права, а также особенности современной внутренней и политики государств на современном этапе. Показывается формирование внешнеполитической стратегии стран Англосферы. Изучаются основополагающие документы, международные договоры, формирующие структуру взаимодействия стран Англосферы с остальным миром.

Особенно важной в 2020 году стала тема 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. Поэтому в спецкурс были внесены соответствующие коррективы. Специальные занятия были проведены по таким темам как «Атлантическая хартия 1941 году», «СССР и его союзники во Второй мировой войне», «Историческое значение Тегеранской и Ялтинской конференций», «Открытие второго фронта», «Итоги, уроки и значение Великой отечественной войны 1941–1945 годов», «Нюрнбергский процесс и Потсдамская конференция», «Бреттон-Вудская конференция», «Арктика, ее освоение и современные международные проблемы».

Отдельной темой в рамках изучения курса стала «Роль России в мировом экономическом, культурном и политическом измерениях».

Важность данной проблематики многократно отмечалась в ходе специальных конференций и совещаний [Краева 2019, Липкин 2018].

Аспекты реализации курса в рамках дистанционного обучения

Ситуация с пандемией коронавирусной инфекции и внесла коррективы в процесс преподавания, оно стало осуществляться дистанционно. При разработке курса мы основывались на положении, что в ходе занятий преподаватель сам проводит научные исследования, изучает и сопоставляет исторический и лингвистический материал, разрабатывает междисциплинарные методы. Перед разработкой методов, применяемых в данном курсе, были проанализированы методики, предложенные в ходе специальных совещаний Минобрнауки, МГЛУ, Высшей школы экономики, МГУ, ГАУГН и ряда других учреждений. При этом мы использовали новые методы, которые позволили адаптировать программу к дистанционному обучению. Была проведена диагностика методов. Особое внимание при этом обращается на интерактивные методы обучения (метод проектов, модульное обучение, индивидуальное обучение и т. д. и т. п.). Также это могут быть практические, наглядные, словесные методы обучения.

Данные методы вкупе с традиционными, могут существенно расширить возможности изучения и преподавания Англосферы. Также появилась возможность использовать их в изучении и преподавании других курсов. Указанные курсы предполагают как лекции, так и семинарские и практические занятия. Для каждого из элементов мы предлагаем свою методику. Ключевым элементом здесь выступает подготовка студентами презентаций по тематике курса. Сразу хотелось бы пояснить, что кроме презентаций нами используются и другие методы и формы проведения дистанционных занятий, включая собеседования, реферативные выступления, доклады, обсуждения, дискуссия. Между тем в данной публикации хотелось бы обратить внимание именно на работу с презентаций. Темы презентаций могут быть заранее определены и, как правило, являются вопросами семинарских занятий. План этих занятий был разработан с учетом того, что студенты могут находиться на дистанционном обучении до конца семестра. В зависимости от количества студентов эти презентации могут быть подготовлены каждым студентом или группой

студентов в два – три человека с обозначением конкретного вклада каждого студента. В итоге студенты готовят презентации по широкому кругу вопросов, связанных с политикой, экономикой и культурой стран Англосферы. Одним из важнейших компонентов при подготовке и проведении занятий является работа над методикой подготовки презентации, для того, чтоб каждая из последующих презентаций учитывала опыт предыдущих.

Техническая составляющая такого продукта, как презентация может варьироваться, но в общих чертах может выглядеть следующим образом: Презентация может состоять из 10–15 слайдов. На первом из них указывается тема, ФИО студента и имя преподавателя. На втором – план презентации и те вопросы, которые будут раскрыты в презентации. Завершающие слайды – это выводы и список использованной литературы и источников. Особое внимание обращается на то, чтобы в условиях дистанционного обучения литература была доступна в электронном формате, причем в свободном доступе. В выводах отражаются основное содержание и личное мнение автора презентации.

Более сложным является содержательный компонент презентаций. В целом к ним могут быть применены те же методы анализа, которые используются при изучении выпускных квалификационных работ и даже диссертаций. Высшей планкой, которую мы задаем студентам, являются следующие показатели: новизна, актуальность и самостоятельность выводов. Если первый и второй показатели являются достаточно сложно выполнимыми на студенческом уровне, хотя бывают и исключения, то заключительный – вполне достигим. Умение делать самостоятельные выводы – важный компонент, позволяющий оценить качество представленной работы. Таким же показателем эффективности можно считать и подбор списка использованной литературы, и умение выделять наиболее значимые работы при подготовке презентации.

Разработанные обучаемыми слайды презентации позволяют выработать умение работать над переводом исторических документов, т.е. правильно понимать и воспроизводить их содержимое. Для этого приводится текст на языке оригинала, перевод, который используется в хрестоматиях, дипломатических и иных официальных документах, и, наконец, текст перевода, который предлагается студентами. Цветами выделяются те места, которые подвергаются

редактированию в процессе занятий. Отдельным требованием является выявление информации о переводчике анализируемого текста (годы жизни, образование, опыт работы, публикации, школа перевода и т. п.).

Обсуждение презентации проводится в режиме видеоконференции с использованием программы Zoom. Данная программа позволяет находиться на связи, как правило, ограниченное время. Далее обсуждения проводятся в созданном чате группы в WhatsApp. Ответы на большие теоретические вопросы или пересылка файлов больших объемов предполагает использование электронной почты.

Как ни парадоксально, но дистанционный курс, в отдельных аспектах имеет преимущество перед традиционной работой в аудитории. Прежде всего у студентов вырабатываются навыки четко формулировать свои мысли письменно, кратко, укладываясь в отведенные для этого сроки в чате. Эта работа на самом деле является достаточно привычной для студентов, которые обычно формулируют свои мысли в сжатом виде при частной переписке. Студенты уже обладают всеми навыками работы в социальных сетях, умеют вести переписку со многими корреспондентами с использованием программ обмена визуальных и видео сообщений.

Подготовка презентаций осуществляется по определенному плану и должна содержать необходимый набор фактического и методологического инструментария. В зависимости от того, где ведется преподавание: на младшем или старшем курсах – требования могут изменяться. Указанная методика позволяет четко придерживаться утвержденной программы и охватить все запланированные темы. Промежуточная аттестация предполагает оценку преподавателем качества выполнения студентами итоговых учебных заданий и на этой основе выяснение степени прогресса в освоении знаний, формировании навыков исторического анализа, умений логически рассуждать и выражать свои мысли устно и в письменной форме. Представленные презентации и коллективная работа над ошибками с участием самих студентов, предполагают элиминировать элемент случайности. Между тем важно то, что при обсуждении презентации на любом из этапов могут принять участие преподаватели и сотрудники различных факультетов. Кроме того, при обсуждении тех или иных тем могут подключиться преподаватели, специалисты других

вузов и коллеги за рубежом, что особенно интересно при проработке междисциплинарных сюжетов.

Указанная методика позволила подготовить студентам презентацию, приуроченную к 75-летию Победы в Великой отечественной войне. Данная презентация – «Атлантическая хартия» была опубликована на сайте университета [Атлантическая хартия URL].

Конечно, как и в любом инновационном курсе существуют определенные элементы, требующие улучшения и совершенствования методологии. Наибольшую сложность вызывает проработка вопросов междисциплинарного характера, а именно анализ перевода, вплетение его в исторический контекст, корректность употребления терминов и реалий.

Соединенные Штаты Америки предметно изучаются в ГАУГН, специфика преподавания в котором связана с исследовательским компонентом, когда студенты анализируют предлагаемый материал, имея навыки работы как с источниками и литературой, так и руководствуясь различными историографическими концепциями. Данное положение учитывалось нами при разработке курса, а также его адаптации к дистанционному обучению, предполагающему использование программ Zoom и WhatsApp. Презентации и обсуждение в устном формате осуществляются в Zoom, а проблемное обсуждение – в письменном виде онлайн, в программе WhatsApp. При этом студенты, также как и в МГЛУ, обращают внимание в первую очередь на то, какие аспекты проблемы не освещены, либо изучены поверхностно, и как можно улучшить работу. Если в МГЛУ обращается особое внимание на языковой компонент, когда презентации готовятся на английском языке с переводом основных терминов и понятий, то в ГАУГН больше обращается внимание на историографию той или иной темы, корректное и точное использование источников, умение сопоставлять и анализировать исторический материал.

В обоих курсах презентацию можно считать завершенным продуктом после того, как будут учтены все разумные замечания студентов, которые корректируются преподавателем.

Автор статьи регулярно выступает в СМИ с комментариями на различные темы истории, внешней политики и международных отношений, в том числе по темам, обсуждаемым в ходе занятий, поэтому при появлении анонсов и эфиров – ссылки на соответствующие

мероприятия направляются также студентам для обсуждения¹. Ряд положений были озвучены в ходе специальных длительных интервью, которые выложены на сайте университета и могут быть прослушаны студентами².

Представляется, что методы и подходы, предлагаемые в данной статье, могут быть востребованы в современном лингвистическом и историческом пространстве и применимы в междисциплинарных исследованиях, а также привлечь сведения, которые были разработаны В. С. Ивановым, В. Набоковым и другие ученые при изучении герменевтики, текстообразования и мотивного анализа [Гусейнова 2018; Корнеев 2018; Дервянко, Якимова 2019].

Заключение

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что предлагаемый опыт изучения и преподавания курсов «Англосфера» и «История и основы цивилизации в США» может применяться и в других гуманитарных дисциплинах. По завершении курса кроме полученного обучающего эффекта, научному сообществу и практической дипломатии могут быть представлены конкретные рекомендации по улучшению официальных и принятых в течение длительного времени переводов договоров, соглашений и др., что, в свою очередь, может привести к переосмыслению исторических процессов Великобритании и США. Это особенно актуально при работе в мультиязычной языковой среде и при изучении обширных регионов, обладающих общеэкономической парадигмой, но разным культурным наполнением. По завершению курса у студентов будут методические и практические материалы. Положения, изложенные в данной статье, могут носить дискуссионный характер, поэтому надеемся на их дальнейшее обсуждение.

¹Интервью с А. Ю. Петровым 22.02.2020. URL: radiosputnik.ria.ru/20200222/1565097495.html; 02.04.2020. URL: polit.info/491230-gumpomosh-dlya-ssha-mozhet-pererasti-v-rossiiskii-lend-liz.

²Автор-сессия с А. Ю. Петровым 02.10.2019. URL: linguanet.ru/science/informatsionno-bibliotechnyy-tsentr/avtor-sessii/.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атлантическая хартия 1941. Презентация. Сайт Московского государственного лингвистического университета URL: linguanet.ru/upload/media_library/480/4808631efe7b7b066d7a442c3225f401.pdf (дата обращения 22.04.20).
- Автор-сессия с А. Ю. Петровым 02.10.2019 г. Сайт Московского государственного лингвистического университета. URL: linguanet.ru/science/informatsionno-bibliotechnyy-tsentr/avtor-sessii/ (дата обращения 25.04.20).
- Гусейнова И. А., Коряковцева Н. Ф., Гальскова Н. Д.* Современное лингвистическое образование: перспективы развития : монография. М. : МГЛУ, 2018. С. 194–202.
- Деревянко А. П., Якимова Л. Ю.* Велик, скромн, честн и чист, как ребенок // В книге: «При жизни признан классиком». Всеволод Иванов в историко-литературном контексте 20–30-х годов XX века. Новосибирск, 2019. С. 15–29
- Интервью с А. Ю. Петровым 22.02.2020 г. Радио «Спутник» URL: radiosputnik.gia.ru/20200222/1565097495.html (дата обращения 22.04.20).
- Интервью с А. Ю. Петровым 02.04.2020 г. Политика сегодня. Гумпомощь для США может перерасти в «российский лэнд-лиз». URL: polit.info/491230-gumpomosh-dlya-ssha-mozhet-pererasti-v-rossiiskii-lend-liz (дата обращения 23.04.20).
- Интервью с Д. Ю. Петровым 09.01.2020 г. Сайт Клуба путешественников М. Кожухова. URL: mktravelclub.ru/blogs/dlya-menya-yazyk-prezhdevsego-eto-otrazhenie-mentaliteta-istorii-kultury-naroda-kotoryy-etot-yazyk/ (дата обращения: 25.04.20).
- Ирисханова О. К.* Когнитивный резонанс и его вербальные и невербальные проявления // Когнитивные исследования языка. 2018. № 32. С. 334–344
- Карпов С. П.* Размышления о понимании истории // Вестник Московского университета. Серия: История. 2018. № 1. С. 3–4.
- Корнеев В. В.* Продажа Аляски в ретроспективе российской политики на национальных окраинах империи в XIX – начале XX вв. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки, 2018. № 2 (800). С. 127–134.
- Косторниченко В. Н.* Концепция Англосферы как основа внешнеполитического курса англоязычных стран // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 2 (835). 2019. С. 106–117.
- Краева И. А.* Приветственное слово ректора Московского государственного лингвистического университета // Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измере-

- ние материалы Международной науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. Я. Касюка, И. К. Харичкина. ФГБОУ ВО МГЛУ. М., 2019. С. 3–5.
- Липкин М. А.* «Новое прошлое»: являются ли выставочные проекты конкурентом историческому нарративу? Опыт выборочного сравнения европейских проектов по истории XX столетия // Преподаватель XXI век. 2018. № 4–2. С. 303–311.
- Миньяр-Белоручева А. П.* Рекомендации по обучению английской письменной речи для студентов-историков : учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки «История». М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2020.
- Петров А. Ю.* Новые документы по истории Русской Америки в зарубежных архивах // Вестник Российской академии наук. 2019. № 11. Т. 89. С. 1128–1136.
- Похолкова Е. А., Альварес Солер А. А.* Особенности перевода документов по историко-культурному наследию России в испанских архивах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 4 (793). С. 150–162.
- Россия и Испания на северо-западе Америки во второй половине XVIII века (по материалам испанских архивов) : монография в документах / сост., под общ. ред. А. Ю. Петрова ; ред.-сост. В. Н. Косторниченко ; авт.: А. Ю. Петров, В. Н. Косторниченко [и др.]. Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина. Рязань, 2020. 218 с.
- Чубарьян А. О.* Историческое Прошлое и проблемы идентичности России и Великобритании // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2020. № 1 (105). С. 68–69
- Folsom F.* The Language book. New York, 1963. 193 p.

REFERENCES

- Atlanticheskaja hartija 1941. Prezentacija. Sajt Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta URL: linguanet.ru/upload/medialibrary/480/4808631efe7b7b066d7a442c3225f401.pdf (data obrashhenija 22.04.20).
- Автор-сессия s А. Ю. Петровым 02.10.2019 г. Sajt Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. URL: linguanet.ru/science/informatsionno-bibliotechnyy-tsentr/avtor-sessii/ (data obrashhenija 25.04.20).
- Gusejnova I. A., Korjakovceva N. F., Gal'skova N. D.* Sovremennoe lingvisticheskoe obrazovanie: perspektivy razvitija : monografija. M. : MGLU, 2018. S. 194–202.
- Derevjanko A. P., Jakimova L. Ju.* Velik, skromen, chesten i chist, kak rebenok // V knige: «Pri zhizni priznan klassikom». Vsevolod Ivanov v istoriko-literaturnom kontekste 20–30-h godov XX veka. Novosibirsk, 2019. С. 15–29.

- Interv'ju s A. Ju. Petrovym 22.02.2020 g. Radio «Sputnik» URL: radiosputnik.ria.ru/20200222/1565097495.html (data obrashhenija 22.04.20).
- Interv'ju s A. Ju. Petrovym 02.04.2020 g. Politika segodnja. Gumpomoshh' dlja SShA mozhet pererasti v «rossijskij ljend-liz». URL: polit.info/491230-gumpomosh-dlya-ssha-mozhet-pererasti-v-rossiiskii-lend-liz (data obrashhenija: 23.04.20).
- Interv'ju s D. Ju. Petrovym 09.01.2020 g. Sajt Kluba puteshestvennikov M. Kozhuhova. URL: mktravelclub.ru/blogs/dlya-menya-yazyk-prezhde-vsego-eto-otrazhenie-mentaliteta-istorii-kultury-naroda-kotoryy-eto-t-yazyk/ (data obrashhenija: 25.04.20).
- Irishanova O. K.* Kognitivnyj rezonans i ego verbal'nye i neverbal'nye projavlenija // Kognitivnye issledovanija jazyka. 2018. № 32. S. 334–344
- Karpov S. P.* Razmyshlenija o ponimanii istorii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija: Istorija. 2018. № 1. S. 3–4.
- Korneev V. V.* Prodzahza Aljaski v retrospektive rossijskoj politiki na nacional'nyh okrainah imperii v XIX – nachale XX vv. // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennye nauki, 2018. № 2 (800). S. 127–134.
- Kostornichenko V. N.* Koncepcija Anglosfery kak osnova vneshnepoliticheskogo kursa anglojazychnyh stran // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennye nauki. 2019. № 2 (835). 2019. S. 106–117.
- Kraeva I. A.* Privetstvennoe slovo rektora Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta // Sovremennaja Rossija v mirovom politicheskom processe: global'noe i regional'noe izmerenie materialy Mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf. / pod obshh. red. A. Ja. Kasjuka, I. K. Harichkina. FGBOU VO MGLU. Moskva, 2019. S. 3–5.
- Lipkin M. A.* «Novoe proshloe»: javljajutsja li vystavochnye proekty konkurentom istoricheskomu narrativy? Opyt vyborochnogo sravnenija evropejskih proektov po istorii XX stoletija // Prepodavatel' XXI vek. 2018. № 4–2. S. 303–311.
- Min'jar-Beloručeva A. P.* Rekomendacii po obucheniju anglijskoj pis'mennoj rechi dlja studentov-istorikov : uchebnoe posobie dlja studentov, obuchajushihhsja po napravleniju podgotovki «Istorija». M. ; Berlin : Direkt-Media, 2020.
- Petrov A. Ju.* Novye dokumenty po istorii Russkoj Ameriki v zarubezhnyh arhivah // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2019. № 11. T. 89. S. 1128–1136.
- Poholkova E. A., Al'vares Soler A. A.* Osobennosti perevoda dokumentov po istoriko-kul'turnomu naslediju Rossii v ispanskij arhivah // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018. № 4 (793). S. 150–162.

Rossija i Ispanija na severo-zapade Ameriki vo vtoroj polovine XVIII veka (po materialam ispanskih arhivov) : monografija v dokumentah / sost., pod obshh. red. A. Ju. Petrova ; red.-sost. V. N. Kostornichenko ; avt.: A. Ju. Petrov, V. N. Kostornichenko [i dr.]. Rjazanskij gosudarstvennyj universitet im. S. A. Esenina. Rjazan', 2020. 218 s.

Chubar'jan A. O. Istoricheskoe Proshloe i problemy identichnosti Rossii i Velikobritanii // Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nyh issledovanij. 2020. № 1 (105). S. 68–69

Folsom F. The Language book. New York, 1963. 193 p.

УДК 32.019.5

Ю. В. Синчук, В. Ф. Соловьев, Б. Е. Власов

Синчук Ю. В., доктор политических наук, профессор;
заведующий кафедрой теории и истории международных отношений
института международных отношений и социально-политических наук;
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: sinchukjv@mail.ru

Соловьев В. Ф., кандидат военных наук;
заместитель директора института международных отношений
и социально-политических наук;
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: imoispn159@mail.ru

Власов Б. Е., кандидат юридических наук;
начальник кафедры теории и методологии государственного управления
Академии управления МВД России Министерства внутренних дел
Российской Федерации;
e-mail: b.e.vlasov@mail.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассмотрено и проанализировано влияние общественного мнения в обществе, также охарактеризована роль общественного мнения в гражданском обществе. Дано обоснование существования феномена общественного мнения. Общественное мнение на современном этапе занимает особое место и широко применяется в различных науках с использованием статистических методов. Общественное мнение является своего рода индикатором настроений в обществе на изменения во всех жизненно-важных сферах общества. Оно показывает настоящие интересы и настроения в социуме, их чувства и состояние сознания.

Общественное мнение регулирует отношения между людьми и формируется как социальный институт в демократически развитом социуме; исходя из этого следует развивать и совершенствовать демократические аспекты всех сфер жизни общества.

Ключевые слова: социальный институт; гражданское общество; общественное мнение.

Yu. V. Sinchuk, V. F. Solovyov, B. E. Vlasov

Sinchuk Yu. V., Doctor of Political Science (Dr. habil), Prof.,
Head of the Department of Theory and History of International Relations;
Moscow State Linguistic University; mail: sinchukjv@mail.ru

Solovyov V. F., PhD (Military Sciences);

Deputy Director of the Institute of International Relations and Social-political Sciences;
Moscow State Linguistic University; e-mail: imoisprn159@mail.ru

Vlasov B. E., PhD (Law);

Head of the Theory and Methodology Department of Public Administration
of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Ministry of
Internal Affairs of the Russian Federation; e-mail: b.e.vlasov@mail.ru

PUBLIC OPINION AS AN INSTITUTION OF CIVIL SOCIETY

The article considers and analyzes the influence of public opinion in civil society, and also describes the role of public opinion in civil society. Analysis of public opinion is of great practical and theoretical importance, contributes to the development of social sciences. Public opinion reflects the real state of public consciousness, interests, moods and feelings of classes in social groups of society. Public opinion does not exist in any society, since it is not simply the sum of those private opinions that people exchange in a narrow, private circle of family or friends, but the possibility of public expression of the population on the problems of public life and the impact of this hearing the position on the development of socio-political relations reflects the essence of public opinion as a special social institution.

It is concluded that public opinion regulates relations between people in society, and is formed as a social institution in a democratically developed society, on the basis of which the democratic aspects of all spheres of society should be developed and improved.

Key words: social institution; civil society; public opinion.

Введение

Вне зависимости от политической власти, общественное мнение в его современном понимании появилось во времена формирования буржуазного строя и возникновения гражданского общества в качестве сферы жизни. В средние века социальное положение определялось принадлежностью человека к определенному сословию. После формирования буржуазного общества вместо сословий появились открытые классы, которые состояли из независимых людей. Эти свободные от государства люди просто необходимы для создания и дальнейшего формирования гражданского общества, и – как следствие – формирование общественного мнения как специального института [Синчук, Потапов, Белозёров 2014, с. 266–270].

Социальный институт (от лат. *institutum* – *установление, учреждение*) – устойчивая исторически сформированная форма организации

социальной жизни людей. Значение термина «социальный институт» связано с характеристикой формализации и стандартизации общественных связей и отношений, то есть норм общества. А сам процесс называется институционализацией.

Гражданское общество является объединением независимых людей на добровольной основе для реализации своих целей, использования государства в качестве регулятора социальных отношений. Формируются они в процессе борьбы с государственной властью, целью которой является изменение прав.

Общественное мнение в первую очередь отражает общественную мысль, состояние сознания общества, оказывающее непосредственное влияние на политику, проводимую обществом. Можно охарактеризовать общественное мнение как совокупность мнений, идей и мыслей, которое разделяет общество. Общественным мнением нельзя назвать просто количество тех мнений и суждений, которыми люди делятся в узких дружеских или семейных кругах. Суть общественного мнения как отдельного социального института заключается в возможности общества свободно высказываться на злобу дня, способствуя корректровке политики, проводимой властью.

Как только проблема становится общепризнанной, люди начинают формировать свое отношение к ней. Если отношение выражается достаточным количеством людей, то общественное мнение по этой теме начинает формироваться. Не у всех людей будет сформировано отношение к вопросу; некоторые могут не интересоваться, а другие просто могут не знать об этом.

Общественное мнение как индикатор настроений, интересов и ценностей

Отношения, которые формируются, могут касаться любых тем. Таким образом, среди людей, которые выступают против более высоких налогов на недвижимость, может быть часть людей, которая будет за поддержку финансирования, другая, возможно, может согласиться с определенной политикой правительства со своими правками, а третья может выразить протест против введения налога. Таким образом, внешне однородная совокупность общественного мнения может состоять из отдельных мнений, основанных на совершенно разных интересах и ценностях. Если общественное мнение не выполняет функцию однородности, оно вряд ли будет сформировано.

Некоторые ученые утверждают, что общественное мнение возникает из общественных дебатов между группами, а не из отдельных мнений. Политические партии, группы по интересам, торговые ассоциации, некоммерческие организации, профсоюзы и корпорации будут четко формулировать позиции и обсуждать вопросы, в которых они заинтересованы. Группы, представляющие противоположные точки зрения, часто оказываются в состоянии определять социальные проблемы. В то время как отдельным лицам часто бывает трудно обнаружить свои взгляды так и воспринимать их всерьез, у организованных групп есть ресурсы, такие как лоббисты и финансирование для проведения опросов и оплаты рекламы, а также способность привлекать внимание политиков и широких масс, СМИ. Социальные сети облегчают группам, не обладающим значительными ресурсами, возможность публиковать свое мнение с помощью групп в социальных сетях и других платформ [Общественное мнение URL].

Общественное мнение выступает как институт гражданского общества и предполагает познавательный интерес массового сознания и это его состояние, которое, являясь в современных обществах институтом, выступает наиглавнейшим регулятором общественного взаимодействия и коммуникации, фактором социализации и образования личности.

Другая точка зрения заключается в том, что общественное мнение – это мнение большинства людей по данному вопросу. При демократии мнения большинства – это тот, кто должен рассчитывать больше всего и должен так направлять принятие решений лидерам правительства. Мнения меньшинства менее важны, чем мнения большинства. Такой взгляд на общественное мнение согласуется с идеей народных выборов в том, что каждый гражданин имеет право на мнение – по сути, голосование – по конкретному вопросу, политике или лидеру. В конце концов, позиция, которая получает наибольшее количество голосов, – это позиция, которую должны занять политики. Массовое сознание дает сложное конгломеративное образование, образующееся на «пересечении» всех типов социального сознания – эмоционального и здравого, ежедневного и специализированного, отвлеченного и художественного, разумного и иррационального. На базе переплетения всех форм в его составе встает большое количество разнородных деталей в спектре от положительного познания до неправильных образов реальности, от мгновенных чувств до стабильных настроений.

С распространением глобальных средств массовой коммуникации культур происходит популяризация главных форм в различных сферах жизни, которые формируют схожие интересы, нужды; формируется массовое сознание сообществ. Вследствие существования массовой коммуникации интересы, идеи, мысли, стремления, потребности объединяются в виде моделей поведения и познавательной деятельности.

Общественное мнение – это совокупность действительного отношения социума к событиям, происходящим в обществе, непосредственному участию групп интересов, организаций, власти и отдельных индивидов. Общественное мнение способно не только отображать беспристрастную реальность, но и повлиять на фактическую деятельность жителей нашей планеты через приспособление общественных общепризнанных мерок и контролирования.

Общественное мнение не может быть схожим в разных временных пространствах, в обществах с всевозможными культурными, высоко нравственными ценностями и т. д. В развитом обществе на законном уровне присутствуют методы выражения общественного мнения, которые соответствуют институциональным структурам данного общества. К ним можно причислить: разделение власти, свободные выборы, свобода избирательного права, свобода слова, свобода СМИ, свобода собраний, проведение референдумов и т. д.

Состояние массового сознания есть общественное мнение, которое показывает скрытое или очевидное отношение социальных групп к вопросам и событиям настоящего; это настроение общественного сознания в динамике и его связей с реальностью. К чертам общественного мнения можно отнести:

- 1) публичность, носители: большие массы жителей нашей планеты, общественные категории, которые обмениваются вопросами социальной жизни, собственными суждениями;
- 2) суждения и другие воззрения, которые были услышаны, принимаются как собственные;
- 3) социальное воззрение рассматривает все стороны публичной жизни.

Благодаря общественному мнению общественность завоевывает свой особенный образ целостности. Общественное мнение можно расценивать как наиболее популярную идею, принятую большинством в ходе долгих споров общества.

Общественное мнение может быть единодушным, а может быть плюралистичным. Это зависит от множества критериев, например, насколько хорошо совпали интересы различных групп социума, или насколько острый вопрос обсуждается на данном этапе.

Общественное мнение обладает своими отличительными функциями. В первую очередь, это функция контроля, сущность которой состоит в определении позиции народного мнения или стремлении удовлетворения его через деятельность официальных лиц. Ей придается характерная черта власти, силы и контроля над институтами власти и деятельностью государства. В случае возникновения необходимости общественное мнение может повлиять на принятие государственных решений в достижении результата по общественно-политическим вопросам, для прогнозирования социально-политических процессов и разрешения проблем в различных сферах деятельности при условии заинтересованности институтов власти в помощи общества. Это вторая функция – консультативная.

Когда общество выносит решение, имеющее прямое влияние на проводимую политику, непосредственно государственное значение, в этот момент проявляется директивная функция. Она обладает строго определенным характером. К примеру, случаи референдумов по различным вопросам можно отнести к директивной функции общественного мнения. [Синчук 2011, с. 32].

Факторы возникновения и функционирования общественного мнения

Главная задача общественного мнения лежит в регулировании отношений между людьми. *Регулирование общественных отношений* – основная функция общественного мнения. Оно вырабатывает и прививает обществу различные нормы общественных отношений.

Но перед проявлением всех вышеперечисленных функций всегда присутствует оценка объекта, на который направлено внимание. Она может быть нейтральной, негативной или позитивной, но она обязательно будет. Поэтому будет верным выделить еще *оценочную функцию* общественного мнения, которая выражает определенное отношение к событиям, проблемам и социальным процессам.

С каждым годом всё больше и больше растет потребность в расширении информационной базы, сведений из широких масс. Различные

виды социальной информации, такие как политическая, экономическая, идеологическая, психологическая, происходят из живого опыта и сосредотачиваются в общественном мнении [Синчук 2010, с. 137–140]. Поэтому *информационная функция* общественного мнения не может остаться без внимания. Различные опросники и анкеты используются для анализа общественного мнения и процессов, связанных с данной темой.

Основные факторы возникновения и функционирования общественного мнения:

1. При возникновении острой социально-значимой проблемы формируется общественное мнение. Проблема затрагивает одну или несколько сфер жизнедеятельности.

2. В большей степени общественное мнение проявляется в политической сфере, так как именно тут чаще всего затрагиваются интересы и ведутся споры. В качестве предмета могут быть вопросы, отличающиеся в оценке и характеристике.

3. Определенный уровень компетенции и осведомленности просто необходим для формирования общественного мнения.

Влияние общественного мнения в качестве социального института обусловлена действием власти, которая способна подчинять себе поведение субъектов социального взаимодействия. Поэтому для существования подобного института необходимо наличие развитого гражданского общества, которое неподконтрольно политической власти, а власть в свою очередь может прийти к консенсусу с оппозицией. При выполнении этих условий общественное мнение можно считать институтом гражданского общества. Зачастую формирование общественного мнения идет стихийным образом, если его не контролировать извне. Значение же сильно зависит от уровня культуры сознания социума и социальных отношений, но не стоит забывать о различных специфических особенностях, таких как выражение независимого мнения или свободы различных социальных институтов.

Заключение

Только в гражданском обществе возможно независимое развитие общественного мнения. Если институты общества и общественные структуры допускают возможность развития независимого общественного мнения, то такое общество подвержено саморегулированию

и уже не нуждается в социальном контроле, так как социальное управление превращается в самоуправление. В таком случае общественное мнение является неким противовесом злоупотреблению власти, так как гражданское общество уже спокойно продвигает свои интересы [Фролов 1999, с. 46].

Современный социолог У. Бек пишет по этому поводу, что последним шагом на пути создания общественного мнения в качестве института гражданского общества является защита свободы слова, печати, СМИ вкупе с новыми технологиями просвещения на законодательном уровне, которые в свою очередь будут структурировать и создавать различные формы общественного мнения. Пусть даже если и общественное мнение не будет преследовать благих целей, но сохранит за собой влияние на политическую повестку дня через те же средства массовой информации [Бек 2000, с. 92].

Еще Гегель в свое время писал, что существование института общественного мнения связано с независимостью общественной жизни. Он утверждал это в «Философии права», говоря, что формальная свобода каждого отдельно взятого индивида, который проявляет ее и выражает свое мнение о всеобщей деятельности, влияет на мнение большинства и привлекает единомышленников, возникает только при условии существования общественного мнения. Такая свобода существует лишь в том обществе, где существует сфера частных интересов вне государственных, другими словами – сфера интересов гражданского общества [Гегель 1934, с. V–XV].

Необходимо учитывать, что общественное мнение существует сравнительно недолго, так как начало развиваться лишь в эпоху гласности. За время перестройки общество научилось плюрализму мнений в жизни, как личной, так и политической. Оно прошло путь от беспрекословного единомыслия к свободе воли и формированию свободного мнения общества. Именно оно на современном этапе является индикатором политических и социальных процессов в качестве института гражданского общества.

За последние годы в РФ произошло немало изменений. Страна встала на путь формирования гражданского общества, а значит и возможного формирования общественного мнения. Плюрализм мнений, свобода слова и СМИ, несомненно, присутствуют в социуме. Однако их независимость малозначительна, а следовательно и формирование

общественного мнения достаточно слабое, хотя власть пытается идти на компромисс с оппозицией, иногда прислушиваясь к замечаниям, касающимся проведения политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс–Традиция, 2000. 292 с.
- Гегель Г. В. Ф.* Сочинения. М. ; Л. : Соцэкгиз, 1934. Т. VII. С. V–XV.
- Общественное мнение У. Филлипс Дэвисон. URL: www.britannica.com/topic/public-opinion (дата обращения: 10.04.2020).
- Синчук Ю. В.* Лекции по социологии : учебное пособие / Московский гос. ун-т путей сообщ. (МИИТ), Юридический ин-т. М., 2011. 232 с.
- Синчук Ю. В., Потанов А. С., Белозёров В. К.* Конфликтология: теория и практика. М. : МГЛУ, 2014. Ч. 1. Научно-теоретическая база конфликтологии. 364 с.
- Синчук Ю. В.* Основные направления совершенствования военной безопасности России (политологический аспект) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 604. С. 119–130.
- Фролов С. С.* Социология : учеб. для студентов вузов. 3-е изд., доп. М. : Гардарики, 2001. 342.

REFERENCES

- Bek U.* Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modernu. M. : Progress–Tradicija, 2000. 292 s.
- Gegel' G. V. F.* Sochinenija. M. ; L. : Socjkgiz, 1934. T. VII. S. V–XV.
- Obshhestvennoe mnenieju U. Fillips Djevison. URL: www.britannica.com/topic/public-opinion (data obrashhenija: 10.04.2020).
- Sinchuk Ju. V.* Lekcii po sociologii : uchebnoe posobie / Moskovskij gos. un-t putej soobshh. (MIIT), Juridicheskij in-t. M., 2011. 232 s.
- Sinchuk Ju. V., Potapov A. S., Belozjorov V. K.* Konfliktologija: teorija i praktika. M. : MGLU, 2014. Ch. 1. Nauchno-teoreticheskaja baza konfliktologii. 364 s.
- Sinchuk Ju. V.* Osnovnye napravlenija sovershenstvovanija voennoj bezopasnosti Rossii (politologicheskij aspekt) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2010. № 604. S. 119–130.
- Frolov S. S.* Sociologija : ucheb. dlja studentov vuzov. 3-e izd., dop. M. : Gardariki, 2001. 342.

УДК 316.32

А. Т. Каюмов, Ф. К. Каников

Каюмов А. Т., доктор философских наук, профессор;
заведующий кафедрой философских наук;
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: atkayum@gmail.com

Каников Ф. К., социолог;
e-mail: atkayum@outlook.com

ЗАПАДНЫЙ НЕОКОНСЕРВАТИЗМ И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

В статье анализируется модернизация российского общества в контексте идеологии политики западного неоконсерватизма. Существуют два уровня использования термина «модернизация» – частный и общий. На частном уровне, например, имеются такие словосочетания и понятия, как «техническая модернизация», «модернизация системы образования», «модернизация вооруженных сил» и т. д. Общий уровень употребления отражает и обозначает обновление общества как целостной системы. Именно такое употребление термина «модернизация» интересует нас и требует уточнения и раскрытия содержательных аспектов.

Ключевые слова: модернизация; консерватизм; неоконсерватизм; западнизация; либерализм; либертариизм; неомодернизм; постмодернизм.

A. T. Kayumov, F. K. Kanikov

Kayumov A. T., Doctor of Philosophy (Dr. habil), Prof.;
Head of the Department of Philosophy;
Moscow State Linguistic University;
e-mail: atkayum@gmail.com

Kanikov F. K., Sociologist;
e-mail: atkayum@outlook.com

WESTERN NEOCONSERVATISM AND MODERNIZATION OF RUSSIA

The article analyzes the modernization of Russian society in the context of the ideology of the policy of Western neoconservatism. There are two levels of use of the term «modernization»: special and general. On the special level, for example, there are phrases and concepts such as «technical modernization», «modernization of the educational system», «modernization of the armed forces», etc. General level of use reflects and denotes the renewal of society as an integral system. This particular use of the term «modernization» interests us and requires clarification and revealing of substantive aspects.

Key words: modernization; conservatism; neoconservatism; westernization; liberalism; libertarianism; neomodernism; postmodernism.

Введение

Термин «модернизация» имеет несколько значений, которые обобщенно могут отражать три взаимосвязанных аспекта. *Во-первых*, это сложные, противоречивые социально-экономические и социокультурные процессы, связанные с переходом от традиционного общества к современному (modern society). С этой точки зрения основное содержание процессов модернизации совпадает с процессом формирования индустриального общества. Базовые характеристики общества модерна 1960–1970-х годов были выделены в работах Толкота Парсонса и ряда других западных социологов. Сегодня речь идет о переходе к этапу постиндустриального или информационного развития и, следовательно, можно говорить уже о характеристиках общества постмодерна [Аберкромби, Хилл, Тернер 1997; Мигранян 1990]. *Во-вторых*, термин «модернизация» обозначает особую политику, направленную на преобразование общества, следовательно, государства – включает в себя и идеологическую составляющую. При таком понимании процессы изменений (перехода) в значительной мере являются политически и идеологически детерминированными, поэтому не исключаются субъективизма и волюнтаризма. *В-третьих*, теоретические концепции в их классических и современных версиях, объясняющих факторы, логику и механизмы перехода от традиционного общества к современному. Некоторые из этих концепций, мы увидим это дальше, применяются как составные части и инструменты политики модернизации. В нашем анализе основное внимание уделяется второму аспекту применительно к современной России, но в качестве вспомогательных используются и два других.

Модернизационные процессы в общественном развитии

Модернизационные процессы, как правило, в науке делятся на два типа: на первичные и вторичные и, соответственно по характеру изменений, на органические и неорганические, на инновационные и мобилизационные. В рамках первичной модернизации, которая протекала в странах Европы и Северной Америки (США и Канада) преобразования происходили естественно-исторически на основе внутренних источников, факторов и конфликтов в соответствии с принципом саморазвития [Ковалев 1990; Федотова 2002; Штомпка 1996].

Вторичная, или догоняющая, модернизация носит в значительной мере мобилизационный характер, ориентируется на внешние факторы, включая успешные примеры высокоразвитых стран. Российский философ В. Г. Федотова выделяет и третий тип модернизации, характерный, по ее мнению, для стран Юго-Восточной Азии и особенно Японии. «Их тип развития – пишет она – комбинированный – органический – неорганический, мобилизационно-инновационный, осуществляемый без радикального изменения идентичности» [Федотова, 2002, с. 4]. Данный тип она обозначает терминами «неомодернизм» и «постмодернизм» и рассматривает как основание для формирования эффективных моделей модернизации, сочетающих – в творческом синтезе – как достижения Запада, так и национальные традиции [Федотова 2002]. Аналогичные идеи начали высказывать и зарубежные исследователи уже в середине 1990-х годов [Eisenstadt 2000; Кара-Мурза, Панарин, Пантин 1995; Хантингтон 2003].

Начнем с того, что концепции «вторичной» модернизации были разработаны западными экономистами, политологами и социологами для обеспечения перехода бывших колониальных обществ к моделям современности в западном понимании. Отсюда следует, что они носили ярко выраженный нормативный характер и включали в себя создание рыночной экономики, формирование институтов демократии, внедрение ценностей либерализма, западных образцов поведения. Именно такие идеи можно обнаружить в работах Т. Парсонса, Д. Лернера, С. Хантингтона, Э. Шилза, У. Ростоу и др. Книга У. Ростоу имела очень символический и идеологически ориентированный подзаголовок: «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест» (1960). Альтернативную модель развития в те же 1960–1970-е годы предлагали слаборазвитым странам ученые и политики СССР и других социалистических стран. Это означает, что концепции модернизации в условиях «холодной войны» носили не только научный, но идеологический характер. Отсюда следует, что существенные сдвиги в сфере идеологии обязательно должны влиять на теоретические концепции и на проекты модернизации с логично вытекающими из этого последствиями.

Вторичная модернизация – это, прежде всего, управляемый процесс, хотя первоначально предполагались и возможности эволюционного развития под воздействием экономических и культурных

факторов. В качестве основных социальных агентов (акторов, субъектов планирования и реализации реформаторских, инновационных проектов) обычно рассматриваются прогрессивно ориентированные политические элиты, группы предпринимателей, особенно ориентированные на западные рынки, и отчасти либерально или технократически настроенная интеллигенция. На практике большинство начинаний модернизации такого типа в силу ускоренности традиционализма в массах, отношений трайбализма в политике, оторванности элит от основной массы населения и других причин завершались неудачно. Политика вестернизации и противопоставления западных ценностей и моделей традициям местных культур оказалась непродуктивной. В целом неудачными и нестабильными оказались также проекты модернизации постколониальных стран, предпринятые на основе принципов социализма. Заметным исключением на этом фоне являются страны Юго-Восточной Азии – так называемые «новые тигры»: Южная Корея, Тайвань, Сингапур и Таиланд.

Есть основания утверждать, что постсоветские рыночные и демократические преобразования в России по своим базовым характеристикам соответствуют моделям вторичной и догоняющей модернизации. Имеющие место сдвиги в сторону эффективной национальной модели на сегодня явно недостаточны. Для более адекватного и системного понимания особенностей политики, идеологии и социально-экономических, социокультурных процессов российской постсоветской модернизации необходимо выявить внешние и внутренние факторы, оказавшие на них и их соотношение. С точки зрения теории мировой системы И. Валлерстайна требуется непрерывный учет внешних факторов и глобального контекста тех или иных изменений в отдельных странах [Аберкромби, Хилл, Тернер 1997; Валлерстайн 2006]. Именно при таком подходе можно выявить роль идейно-политических факторов и процессов глобализации в объективной и политической логике российской модернизации. Начальный этап российской модернизации и предшествующий данному этапу период «перестройки» социализма проходили на фоне очень существенных сдвигов в политико-идеологических сферах ведущих стран Запада: США, Англии, Франции, Италии. Они не могли не повлиять на проекты модернизации, сформировавшиеся в этот период. Речь идет о неоконсервативном повороте, который охватил

1980–1990-е годы не только политику, но и другие сферы западного мира. Отечественные исследователи К. С. Гаджиев, А. А. Галкин, В. Н. Гарбузов, А. Н. Мигранян, А. Ю. Мельвиль, Ю. А. Замошкин, В. В. Согрин, П. Ю. Рохшмир, В. И. Шамшурин и другие уделили достаточное внимание изучению факторов возникновения, а также содержанию и особенностям неоконсервативной идеологии [Гаджиев 1991; Гарбузов 1995; Замошкин 1980; Кара-Мурза, Панарин, Пантин 1995; Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития 1995, с. 33–59; Мигранян 1990]. Такие социологи и политологи, как В. И. Добренков, А. А. Кара-Мурза, А. С. Панарин, В. Ф. Шаповалов пытались адаптировать некоторые идеи умеренного консерватизма к условиям реформирующегося российского общества [Добренков 2007; Кара-Мурза, Панарин, Пантин 1995; Шаповалов 1993]. Вместе с тем влияние неоконсерватизма как важного фактора явно недооценивается при анализе характера и особенностей российской модернизации. Нельзя также забывать, что с неоконсерватизмом связаны и очень значимы перемены в политике многих международных институтов, а также формирование особой модели глобализации.

Политика западного неоконсерватизма

Неоконсерватизм по исторической логике как бы является преемственником идеологии традиционного консерватизма. Их сходство в направленности на сохранение привилегий и интересов господствующих классов и их права управлять (этатизм). Однако различия более существенны, они касаются содержания и методов влияния. Если идеологи и представители традиционного консерватизма (Э. Берк, Эн де Нестр и др.) защищали феодальные порядки, ценности, традиции, то идеологи неоконсерватизма защищают устои современного мирового, и по терминологии И. Кастельса, информационного капитализма в противовес всем другим социальным и культурным тенденциям. По методам прежний консерватизм носил скорее оборонительный характер, современный делает ставку на активные, организованные и даже агрессивные действия. На большевистские методы этой идеологии указывает, например, название книги П. Бергера – «Капиталистическая революция» (1986). В этом же контексте рассматриваются и обосновываются термины «цветная революция», «экспорт революции» и т. д.

Неоконсерватизм как идеологическое течение имеет сложное и противоречивое содержание и определенные социокультурные формы проявления и массовой репрезентации. Основные социально-экономические установки и принципы данной идеологии связаны со всесторонней поддержкой механизмов рыночной экономики, с одной стороны, и с ограничением регулирующей роли государства и социальной политики – с другой. Новая идеология бизнеса и политической элиты США и западного мира формировалась в 1970-е годы как альтернатива социальному либерализму и методам государственного регулирования экономики и социальной сферы, в качестве своеобразного ответа на углубляющийся кризис рыночной экономики. Критикуя эгалитаризм, бюрократию, противопоставляя принцип свободы принципам социального равенства и справедливости, консерваторы абсолютизируют позитивные возможности рынка, бизнеса и, по сути, легитимируют снижение социальной ответственности как государства, так и бизнеса. В социокультурном плане они апеллируют к ценностям морали, религии, нравственности, которые были значительно подорваны молодежными субкультурами и контркультурами шестидесятих годов прошлого века. Неоконсерватизм характеризуется радикально-рыночным, либертариистским содержанием и консервативными призывами к широким слоям общественности. Его экономическая составляющая связана с идеями Ф. Хайека, Л. Мизеса и концепцией монетаризма М. Фридмена. Согласно последней, государство должно участвовать преимущественно в регулировании объема денежной массы в экономике, в сдерживании инфляции и в обеспечении правопорядка. С учетом сказанного социально-экономическое содержание данной идеологии можно правомерно обозначить терминами: «неолиберализм» (в противоположность социальному либерализму 50–60-х годов), «либерализм» или «монетаризм». Во всех этих случаях, несмотря на определенные акценты и различия, есть общее: это абсолютизация и апология рыночных механизмов и интересов бизнеса. При этом мы исходим из положения, что консервативные идеи, ценности традиции в контексте этой новой идеологии играли вспомогательную роль социокультурной оболочки либертариистских принципов. На наличие двух взаимосвязанных, но относительно самостоятельных аспектов консервативного поворота указывает также известный американский социолог и историк И. Валлерстайн [Валлерстайн 2006].

Наиболее известными политическими эквивалентами неоконсерватизма в 1980-е годы стали «рейганизм» и «тэтчеризм» с их явно выраженной политикой поддержки бизнеса и сокращения социальных программ государства.

Во внешней политике, в системе международных отношений, неоконсерватизм связан с антикоммунизмом, агрессивностью, с активизацией программ экспорта демократии, формирование благоприятных условий для транснациональных корпораций и международных финансовых групп. Именно эти черты характеризуют модель направляемой глобализации под эгидой США. А. А. Зиновьев обобщает данную модель и связанные с ней процессы в концепции западнизации [Зиновьев 2003]. По его мнению, «идея глобального общества» есть идея западная, а не абстрактно-мировая, и далее: «Инициатива движения к такому обществу исходит от Запада. В основе его лежит не столько стремление различных народов к объединению – такое стремление появляется чрезвычайно редко, – сколько стремление определенных сил Запада занять господствующее положение на планете, организовать все человечество в своих конкретных интересах» [Зиновьев 2003, с. 415]. В контексте роли неоконсерватизма и связанной с ним модели глобализации как фактора российской модернизации важны и другие положения выдающегося российского философа и социолога, в частности, о том, что западнизация включает в себя американизацию в качестве более частного феномена и преподносится идеологически как «гуманная» и «освободительная миссия Запада». «Но реальная сущность западнизации не имеет с этим ничего общего. Цель западнизации – довести намеченные жертвы до такого состояния, чтобы они потеряли способность к самостоятельному развитию, включить их в сферу влияния Запада, причем не в роли равноправных и равномогущих партнеров, а в роли сателлитов или, лучше сказать, колоний Нового типа» [Зиновьев 2003, с. 417]. Результаты и последствия такой политики по отношению к СССР и России проанализированы А. А. Зиновьевым в статье «Гибель “империи зла”». Автором делается вывод, вполне адекватный реалиям 90-х годов, о том, что модернизация России после СССР («империя зла», по выражению Р. Рейгана) идет в соответствии с рецептами Запада по пути формирования «колониальной демократии» [Зиновьев 1995]. По своим основным положениям идеи и выводы А. А. Зиновьева согласуются с другими

концепциями и, самое главное – с фактами. Теория зависимости бразильского ученого и политика Ф. Э. Кардозу и теория мир-системы и мир-экономики американского ученого И. Валлерстайна выявляют, по сути, такую же логику влияний развитых стран Запада на менее развитые, но с использованием идей терминологии неомарксизма [Аберкромби, Хилл, Тернер 1997]. Другие исследователи обратили внимание на антигуманные и антидемократические аспекты сформировавшейся в 1980–1990-е годы неоконсервативной (неолиберальной) модели глобализации [Аберкромби, Хилл, Тернер 1997; Валлестайн 2006; Корнаи 1990; Федотова 2002; Хантингтон 2003].

Итак, внешние факторы как совокупность взаимосвязанных концепций, доминирующих идей, принципов политики и деятельности международных институтов в значительной мере ограничили возможности выбора и предопределили содержательные особенности российской модели рыночных и демократических реформ. Международные рецепты для Восточной Европы и для России, а также кураторство МВФ за процессами реформ в постсоциалистических обществах стали звеньями общего механизма западного влияния. Для СССР и России западными институтами уже в 1990 году был сформулирован особый сценарий радикальной рыночной модернизации с указанием на приоритетность экспорта сырья и энергии в условиях переходного периода [Экономика СССР ... 1991]. Антикоммунистически и рыночно настроенные российские реформаторы оказались восприимчивыми к идеям, ценностям, моделям и конкретным рецептам реформ, предлагаемых в качестве помощи активными неоконсерваторами, монетаристами и институтами «западнизации». В качестве последних целесообразно рассматривать правительства США, Великобритании, ФРГ и ряда других стран, международные институты, такие как МВФ, МБ, ЕБРР, ОЭСР, саммиты семерки и др. Внутренние факторы: индустриальный характер экономики и общества, социальные интересы населения, профессиональных групп, основных классов, традиции культуры и даже национально-государственные интересы – в ходе начавшихся реформ были или проигнорированы, или сведены к минимуму. Политика рыночной модернизации российского общества по своему основному содержанию оказалась заимствованной извне, асоциальной по сущности. Результаты проведения такой политики закономерно вели не только к позитивным, но и негативным последствиям, которые вполне можно было прогнозировать еще до начала реформ.

Модернизация российского общества

Модернизационная идеология и политика российских реформаторов уже к середине 1990-х годов привела к таким социально-экономическим и социокультурным последствиям, которые в значительной мере предопределили состояние и особенности развития общества в последующие десятилетия. Многие из них приобрели устойчивый, инерционный или, иначе говоря, системный характер, стали особенностями и атрибутами российского переходного общества. В частности, идеолог российских рыночных реформ Е. Т. Гайдар социальную направленность формирующейся рыночной экономики не рассматривал в качестве приоритетной задачи. Более того, он настойчиво выступал за ограничение регулирующих функций государства и политически, легитимировал, то есть оправдывал, коррупцию чиновничества. В последнем случае он считал «обмен государственной власти на собственность» вполне адекватным для российских условий [Гайдар 1997].

Можно выделить следующие наиболее существенные позитивные и негативные модернизационные изменения российского общества, возникшие под влиянием идей и моделей неоконсерватизма:

- формирование основ рыночной экономики – с определенными институтами (регуляторами), инфраструктурой и социальной базой в лице предпринимательских слоев;
- деиндустриализацию экономики за счет сокращения роли и объемов производства отраслей обрабатывающей промышленности;
- придание экономике сырьевого характера – в результате резкого повышения экспорта нефти, газа, металлов и других ресурсов и в результате усиления зависимости экономики от конъюнктуры мировых цен и кризисов;
- имущественную и социальную поляризацию общества на массовые бедные слои (до 60 – 70 %) и на сверхбогатые слои, включающие в свой состав олигархов и высшие эшелоны бюрократии;
- маргинализацию основной части населения и нарастание кризиса социально-профессиональной структуры, снижение статуса и престижа интеллектуальных профессий;
- повышение дисфункциональности и снижение эффективности институтов «систем» науки, образования, культуры и здравоохранения;

- ослабление и рост дисфункциональности всех структур государственной власти и управления, процессы приватизации власти бюрократией и элитами на всех уровнях общественной организации;
- насаждение массовой и потребительской культуры, унижающей все нравственные и гуманистически ценности общества (и традиционные и общечеловеческие ценности);
- социальную аномию, социокультурный и идеологический раскол общества, снижение роли ценностей, нормативных регуляторов поведения;
- как закономерное следствие всех перечисленных изменений – массовый рост криминализации и девиантных форм поведения во всех сферах общественной жизни, включая различные формы «социальной паразитарности».

Не будет большим преувеличением, если скажем, что модернизация России на практике обернулась значительной дезорганизацией и архаизацией всего общественного организма, включая ослабление государственности и рост зависимости от внешних факторов и сил. Все эти изменения и проблемы в комплексе непохожи на болезни творческого созидания более высшего качества. На таком фоне термин «колониальная демократия», введенный А. А. Зиновьевым для обозначения случившегося в России, не кажется слишком эмоциональным и неадекватным.

Корректировка характера российских реформ и происходящих процессов, начатая в 2000 году (политика президента В. В. Путина и правительства России) носила в целом позитивный характер. Удалось заметно укрепить государственность, выстроить «вертикаль власти», внести элементарный правопорядок в стране. Произошло повышение уровня суверенитета государства, авторитета в мире и степени самостоятельности проводимой внутренней и внешней политики. Эти изменения соответствовали тезису и лозунгу «суверенной демократии». В целом удалось приостановить наиболее опасные деструктивные процессы и обеспечить определенную стабильность в обществе. Вместе с тем новая политика сохраняла преемственность с политикой 90-х годов по очень существенным направлениям. Это продолжение сырьевого курса экономики, экономия на бюджетной сфере, в которую, как известно, включены наука, образование, культура и здравоохранение, сохранение тенденции к поляризации общества [Ясин 2003]. Нельзя

также забывать, что укрепление государственной власти сопровождалось процессами роста бюрократизации и коррупции. Речь идет о том, что все эти и другие негативные явления уже трудно поддаются политическому влиянию и приобрели устойчивость, способность к воспроизводству, имеют самостоятельную логику развития. За все годы рыночных реформ сформировались влиятельные социальные группы, заинтересованные в сохранении сложившейся ситуации или социально-экономического порядка, то есть «статуса-кво». На наш взгляд Россия попала в трудно преодолимую ловушку «равновесия на низком уровне», о чем предупреждал венгерский экономист Янош Корнай [Корнай 1990]. В эту ловушку попали низкие доходы значительной части населения, и в том числе высококвалифицированных групп, а также системы науки, образования, медицины и культуры. Иначе говоря, заблокированы процессы воспроизводства, развития и реализации человеческого и интеллектуального потенциала основных слоев и групп общества. В целом сложилась дисфункциональная, блокирующая инновационную активность, сверхполяризованная стратификационная система. Попытки преодоления такого равновесия сегодня могут вести к инфляционным процессам и социально-политическим, идеологическим конфликтам. Нельзя забывать, что современная политическая элита России в значительной части сама интегрирована в состав наиболее богатых и обеспеченных слоев. В качестве обобщения можно утверждать, что неоконсервативная и либертаристская преемственность социально-экономической политики, с одной стороны, и социально-групповые интересы высших слоев общества, включая политическую элиту и бюрократию, – с другой, является основным фактором, препятствующим эффективному решению вышеобозначенных проблем. Всё это заставляет политиков и органы власти ограничиваться паллиативными мерами в сфере социальной политики и обещаниями «светлого будущего».

Майские указы (№ 597 от 2012 г., № 204 от 2018 г.) Президента РФ В. В. Путина характеризуют заметную ориентацию политики государства на социальные защиты. Но вместе с тем практика показывает, что их реализация имеет весьма замедленный процесс. В целом продолжение курса на либерализацию экономики имеет множество негативных последствий. В реальности это означает сохранение механизмов перекачки богатств «снизу» на «верх» и из России на Запад

(и в офшоры). В этой ситуации реализации конституционного положения (ст. 7 «О социальном государстве») является явно проблематичной, несмотря на политические усилия.

Заключение

Обществом сегодня востребована социально, научно-технически и культурно ориентированная модель. В контексте формирования адекватной российским условиям и традициям национальной модели модернизации наряду с принципами социальной справедливости целесообразно, на наш взгляд, использование и ряда идей умеренного консерватизма для придания развитию общества более органичного и преемственного характера. В частности, весьма привлекательной и перспективной может оказаться концепция «социальной рыночной экономики», связанная с идеями и политикой немецкого христианского демократа Л. Эрхарда. Интересными также представляются идеи персонализма и органичного развития общества и государства. Мы присоединяемся к тем авторам, которые считают идеологию, отражающую интересы и ценности широких слоев общества важнейшим фактором успешной модернизации [Волков 2007; Нугаев М., Нугаев Р. 1997].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.* Социологический словарь. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1977. 420 с.
- Бергер П.* Капиталистическая революция. М. : Прогресс–Универс, 1986. 320 с.
- Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: Введение. М. : Территория будущего, 2006. 248 с.
- Волков Ю. Г.* Идеология социально-политической жизни общества // Политическая социология : учебное пособие. Ростов н/Д. : Феникс, 2007. С. 46–83.
- Добреньков В. И.* О национальной идеологии для современной России : докл. Всероссийского социологического конгресса «Глобализация и социальные изменения в современной России». М. : Альфа, 2007. С. 32–54.
- Гаджиев К. С.* Современный консерватизм: опыт типологизации // Новая и Новейшая история. 1991. № 1. С. 55–74.
- Гарбузов В. Н.* Консерватизм: понятие и типология (историографический обзор) // Полис. 1995. № 4. С. 60–68.
- Гайдар Е. Т.* Государство и эволюция. Как отделить собственность от власти и повысить благосостояние россиян. СПб. : НОРМА. 1997. 224 с.

- Замошкин Ю. А.* Личность в современной Америке: Опыт анализа ценностных и политических ориентаций. М. : Мысль, 1980. С. 218–244.
- Зиновьев А. А.* Гибель «империи зла» // Социологические исследования. 1995. № 4. С. 74–81.
- Зиновьев А. А.* Запад. М. : Эксмо, 2003. С. 5–448.
- Кара-Мурза А. А., Панарин А. С., Пантин И. К.* Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития // Полис. 1995. № 4. С. 6–17.
- Ковалев А. Д.* Модернизации теории // Современная западная социология: Словарь. М. : Политиздат, 1990. С. 193–197.
- Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития (материалы «круглого стола») // Полис. 1995. № 4. С. 33–59.
- Корнаи Я.* Трансформационный спад // Вопросы экономики. 1990. № 3. С. 4–16.
- Мигранян А. М.* Переосмысливая консерватизм // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 114–122.
- Нугаев М. А., Нугаев Р. М.* Концептуальные основы татарстанской модели социально-экономического развития. Казань : ИСЭПН АНТ, 1997. 201 с.
- Федотова В. Г.* Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. 2002. № 12. С. 3–21.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. 603 с.
- Шаповалов В. Ф.* О перспективах консервативной партийной политики в России // Социологические исследования. 1993. № 4. С. 106–115.
- Штомпка П.* Социология социальных изменений. М. : Аспект-Пресс, 1996. С. 170–185.
- Экономика СССР. Исследование состояния экономики СССР по запросу участников Совещания в Хьюстоне. М. : Культурная инициатива, 1991. 112 с.
- Ясин Я. Г.* Нерыночный сектор. Структурные реформы и экономический рост. М. : Либеральная миссия, 2003. 92 с.
- Eisenstadt S. N.* Multiple Modernities // Daedalus. Winter. 2000. Vol. 29. № 1. P. 3–29.

REFERENCES

- Aberkrombi N., Hill S., Terner B.* Sociologičeskij slovar'. Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 1977. 420 s.
- Berger P.* Kapitalističeskaja revoljucija. M. : Progress–Univers, 1986. 320 s.
- Vallerstajin I.* Mirostistemnyj analiz: Vvedenie. M. : Territorija budushhego, 2006. 248 s.
- Volkov Ju. G.* Ideologija social'no-političeskoj žizni obshhestva // Političeskaja sociologija : učebnoe posobie. Rostov n/D. : Feniks, 2007. S. 46–83.

- Dobren'kov V. I.* O nacional'noj ideologii dlja sovremennoj Rossii : dokl. Vserossijskogo sociologičeskogo kongressa «Globalizacija i social'nye izmenenija v sovremennoj Rossii». M. : Al'fa, 2007. S. 32–54.
- Gadzhiev K. S.* Sovremennyj konservatizm: opyt tipologizacii // Novaja i Novejšhaja istorija. 1991. № 1. S. 55–74.
- Garbuzov V. N.* Konservatizm: ponjatie i tipologija (istoriografičeskij obzor) // Polis. 1995. № 4. S. 60–68.
- Gajdar E. T.* Gosudarstvo i jevoljucija. Kak otdelit' sobstvennost' ot vlasti i povysit' blagosostojanie rossijan. SPb. : NORMA. 1997. 224 s.
- Zamoshkin Ju. A.* Lichnost' v sovremennoj Amerike: Opyt analiza cennostnyh i političeskikh orientacij. M. : Mysl', 1980. S. 218–244.
- Zinov'ev A. A.* Gibel' «imperii zla» // Sociologičeskie issledovanija. 1995. № 4. S. 74–81.
- Zinov'ev A. A.* Zapad. M. : Jeksmo, 2003. S. 5–448.
- Kara-Murza A. A., Panarin A. S., Pantin I. K.* Duhovno-ideologičeskaja situacija v sovremennoj Rossii: perspektivy razvitija // Polis. 1995. № 4. S. 6–17.
- Kovalev A. D.* Modernizacii teorii // Sovremennaja zapadnaja sociologija: Slovar'. M. : Politizdat, 1990. S. 193–197.
- Konservatizm kak techenie obshhestvennoj mysli i faktor obshhestvennogo razvitija (materialy «kruglogo stola») // Polis. 1995. № 4. S. 33–59.
- Kornai Ja.* Transformacionnyj spad // Voprosy jekonomiki. 1990. № 3. S. 4–16.
- Migranjan A. M.* Pereosmyslivaja konservatizm // Voprosy filosofii. 1990. № 11. S. 114–122.
- Nugaev M. A., Nugaev R. M.* Konceptual'nye osnovy tatarstanskoj modeli social'no-jekonomičeskogo razvitija. Kazan' : ISJePN ANT, 1997. 201 s.
- Fedotova V. G.* Neklassičeskie modernizacii i al'ternativy modernizacionnoj teorii // Voprosy filosofii. 2002. № 12. S. 3–21.
- Hantington S.* Stolknovenie civilizacij. M. : AST, 2003. 603 s.
- Shapovalov V. F.* O perspektivah konservativnoj partijnoj politiki v Rossii // Sociologičeskie issledovanija. 1993. № 4. S. 106–115.
- Shtompka P.* Sociologija social'nyh izmenenij. M. : Aspekt-Press, 1996. S. 170–185.
- Jekonomika SSSR. Issledovanie sostojanija jekonomiki SSSR po zaprosu uchastnikov Soveshhanija v H'justene. M. : Kul'turnaja iniciativa, 1991. 112 s.
- Jasin Ja. G.* Nerynochnyj sektor. Strukturnye reformy i jekonomičeskij rost. M. : Liberal'naja missija, 2003. 92 s.
- Eisenstadt S. N.* Multiple Modernities // Daedalus. Winter. 2000. Vol. 29. № 1. P. 3–29.

УДК 316.7

Е. Ю. Новикова

доктор философских наук,
профессор кафедры истории и философии,
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова;
e-mail: Novikovaelena77@yandex.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПАТРИОТИЗМА

Актуальность исследования экономического патриотизма обусловлена конфликтами на международной арене, связанными с борьбой за рынки, ростом безработицы, санкциями. Основная идея экономического патриотизма – это желание защитить отечественного производителя, собственный рынок. Экономическая защита от экспансии реализуется на нескольких уровнях – личности, коллектива, народа и государства. Формирование экономического патриотизма требует активной социальной позиции, связанной с предпочтением отечественных субъектов и сфер экономической деятельности, а также патриотизма по отношению к своей стране в целом.

Ключевые слова: экономический патриотизм; культура система; мораль; социальная справедливость; ответственность; солидарность; общество.

E. Yu. Novikova

Doctor of Philosophy (Dr. habil), Prof.,
Department of History and Philosophy,
Plekhanov Russian University of Economic;
e-mail: Novikovaelena77@yandex.ru

SOCIO-CULTURAL ANALYSIS OF ECONOMIC PATRIOTISM

The relevance of study of economic patriotism is due to the conflicts in the international arena associated with the struggle for markets, rising unemployment, sanctions. The main idea of economic patriotism is the desire to protect domestic producers and their own market. Economic protection against expansion is realized on several levels – the individual, the collective, the people and the state. The formation of economic patriotism requires an active social position associated with the preference of domestic actors and spheres of economic activity, as well as patriotism towards their country as a whole.

Key words: economic patriotism; culture; system; morality; social justice; responsibility; solidarity; society.

Введение

Экономический патриотизм достаточно часто обсуждается в социогуманитарной литературе. Актуальность его исследования обусловлена такими причинами, как конфликты на международной арене, связанные с борьбой за рынки, рост безработицы. Основная идея экономического патриотизма – это желание защитить отечественного производителя, предпочесть отечественные товары импортным. Экономическая защита от экспансии реализуется на нескольких уровнях – личности, коллектива, народа и государства.

Экономический патриотизм производителя проявляется в форме защиты экономических интересов социума в процессе производства. Часто составляющей такого поведения является не протекционистская поддержка и защита экономического пространства, а стремление сделать свой товар лучше, чем в других странах, это включает чувство гордости за свой продукт, за свой труд и вклад в организацию производства [Жорнилова 2017]. При этом в производство товара и даже в его рекламу закладываются ценные черты национального характера, например, для Германии характерна рациональность и описание технических преимуществ, а во Франции акцент возможен на эмоциях и чувствах, связанных с потреблением, изыском, индивидуализацией. Экономический патриотизм потребителя – защита интересов в процессе потребления. Одновременно предлагается рассматривать экономический патриотизм в сопоставлении с такими понятиями, как экономический эгоизм, экономический нигилизм как отсутствие чувства экономического патриотизма [Сургуладзе 2014].

Методология исследования

Исследование сущности экономического патриотизма должно строиться прежде всего на культурной парадигме, распространенной в экономической социологии, поскольку именно культура обладает наибольшим интегративным потенциалом и позволяет рассматривать экономический патриотизм в широком социальном и духовном контексте. Социокультурный анализ экономического патриотизма актуален в связи с прогнозом социально-экономической ситуации в стране, поскольку позволяет выявить ценностные, мотивационные основания экономического патриотизма. Системный подход к анализу экономического патриотизма предполагает:

- 1) междисциплинарную базу исследования;
- 2) анализ предпринимательской позиции, связанной с предпочтением отечественных производителей;
- 3) исследование патриотизма по отношению к своей стране в целом [Вербицкая 2014].

На наш взгляд, понятие «экономический патриотизм» необходимо анализировать через общее понятие «патриотизм», а также через понятие «ценности культуры». Патриотизм рассматривается в аспекте социального гуманизма, акцент делается на нравственные чувства. Патриотизм трактуется как важнейшая социальная ценность, как характеристика уровня развития личности, целью которой является активная деятельность на благо Родины. В духовно-характерологическом плане патриотизм связывается с ценностью общественнополезного труда, мира и взаимопонимания, альтруизма, взаимопомощи, соучастия [Дубровин 2015].

Подходы к анализу экономического патриотизма

В работах по экономической социологии и социологии культуры экономический патриотизм включается в целостный комплекс духовно-материальных ценностей. Рассмотрение экономического патриотизма с позиции социологии культуры позволяет ввести этот феномен в контекст таких понятий, как «социокультурное пространство», «социокультурная среда», «культура как стратегический ресурс новой экономики». Понятие социокультурного пространства отражает всё возрастающее влияние культуры на трансформирующееся общество. Это понятие также отражает идею доминирующей роли культуры в современном обществе. Эти вопросы рассматриваются в работах таких авторов, как Т. З. Адамьянц, Г. М. Бирженюк, Л. М. Дробижева, В. Л. Дубровин, Ю. С. Мануйлов, А. П. Марков, В. Г. Немировский, М. Н. Ремизова, С. В. Рыжкова, М. В. Шакурова и других.

В западной социологии одним из первых поставил проблему духовно-религиозных основ экономического патриотизма М. Вебер, связав роль буржуа в инвестировании экономики своей страны и создании рабочих мест с протестантизмом. Следует отметить, что анализ экономического поведения в контексте духовности и высших моральных ценностей характерен и для современной западной экономической мысли. По мнению ряда западных теоретиков, значительным

ограничением в понимании экономических мотивов можно считать концепцию «экономического человека», на основе которой строится экономическое поведение в теориях неолиберализма. Исследования показывают, что моральные и гражданские качества могут оказывать на поведение гораздо большее влияние, чем экономические стимулы. В книге С. Боулза «Моральная экономика: почему хорошие стимулы на заменят хороших граждан» приводится пример, когда люди, исходя из мотивов альтруизма, помогали другому человеку, но как только за их помощь стали предлагать награду, количество помогающих снизилось на 40 %. Автор объясняет это тем, что чувство жалости присуще всем людям, а предложенные стимулы мотивируют далеко не всех. Точно так же, при введении материальных штрафов за нарушения количество нарушений может возрастать, и здесь нет ничего парадоксального. Многие люди не совершали нарушений по моральным мотивам, но штраф превращается для них в товар, который они «могут себе позволить» [Bowles 2016]. С. Боулз критически относится к неолиберальным вариантам экономической теории, которые считают, что мораль нельзя применять к рыночным взаимосвязям.

По мнению С. Боулза, политические меры, основанные на неолиберальной модели и пропагандируемые как необходимые для рыночной экономики, способны развивать в людях собственный интерес и подрывать механизмы, посредством которых общество поддерживает устойчивые гражданские стандарты «кооперирующихся и щедрых граждан», это может разрушать социальные нормы, которые необходимы для функционирования самого рынка. Исчезает правдивость в деловых отношениях, готовность хорошо работать даже при отсутствии внешнего контроля и др.

Подобные идеи высказывает и М. Сандел [Sandel 2012]. Он приходит к выводу, что монетизация любой человеческой деятельности подрывает многие очень важные моральные и гражданские блага. В русле неолиберальной политики применение стимулов для активизации экономического интереса, казалось бы. В интересах общества, может привести к девальвации гражданских добродетелей. Мораль и альтруизм, по мнению автора, могут вызывать синергетический эффект, взаимодействуя с экономическими мотивами на благо общества.

С. Боулз рассматривает положения неолиберальной теории применительно к благо общества и выделяет два экономических условия,

которые закладываются в аксиоматику рассуждений. Во-первых, для принятия решений всё должно иметь смысл и оценку, и это относится не только к товарам, но и к условиям жизни, например, к шуму от завода и его дымящимся трубам с их вредом для жизни. Во-вторых, налоги, цены, субсидии должны отражать все общественные выгоды и издержки, а не только выгоды продавца и покупателя. В теориях А. Маршалла и А. Пигу предлагалось оценивать различного рода издержки, например, вред для окружающей среды, и вводить соответствующие налоги и субсидии. Но, по мнению Д. Саца, вся проблема в том, что экономические субъекты не могут определить оценки в процессе реального взаимодействия [Satz 2010]. Если говорить об исторической перспективе влияния тех или иных экономических событий, то проблема их цены в будущем не решаема даже на уровне целостного общества, живущего настоящим. Попытка создания чисто экономических механизмов, которые бы сделали лишними для рынка нравственные мотивы, или альтруизм, не удастся. Говоря о капиталистической фирме, С. Боулз отмечает, что она не способна работать, если персонал руководствуется только утилитарными, эгоистическими интересами. Нравственные и альтруистические мотивы традиционно входили в хорошо управляемое общество. В будущем их роль будет ощутимо возрастать. Если политические меры это игнорируют и проявляют безразличие к мотивам населения, то это может подорвать основы общества.

Экономический патриотизм в обществе

Для оценки перспектив развития экономического патриотизма в России большую значимость представляют эмпирические исследования ценностей, в структуру которых входят следующие составляющие:

- 1) осознание своей принадлежности к гражданской общности;
- 2) отождествление себя с гражданами государства;
- 3) наличие чувства общности, подкрепляющего образ «мы», чувство солидарности;
- 4) понимание ответственности за дела в стране;
- 5) ценности, характеризующие привязанность к стране и к Малой Родине [Халий 2017].

Ценности патриотизма необходимо исследовать по следующим уровням:

- 1) когнитивный, в который входит образ страны, знание ее истории, культуры, геополитических, этнических особенностей;
- 2) структуры, характеризующие личность и ее мотивы принадлежности к государству;
- 3) эмоциональный уровень, характеризующий чувственную ткань отношения к стране и людям – гордость или чувство стыда за процессы, происходящие в стране;
- 4) регулятивный уровень, связанный с формированием активной гражданской позиции, участие в действиях общественно-политического характера.

В исследованиях отмечается рост россиян с евразийской, а не европейской идентичностью, а в качестве базовых ценностей отмечаются социальная справедливость (47 %), моральные и религиозные ценности (35 %), ценности великой державы (32 %). Фактором сплочения россиян является осознание государственной общности (66 %), территориальная общность (54 %), язык, историческое прошлое и культура – символы, обычаи, праздники – 37 %. При этом императивы либерализма оцениваются значительно ниже: права человека, свобода самовыражения личности – 27 %, свободный рынок, частная собственность, минимальное вмешательство государства в экономику – 13 %, сближение с Западом – 11 % [Дробижева 2015].

В то же время отмечается рост важности богатства, успеха, гедонизма, самостоятельности и падение значимости консервативных ценностей, таких как ответственность, политическая активность [Магранов 2018].

Россия воспринимается как сильная, большая, добрая, умная, спортивная, понимающая, гостеприимная, могучая. Но 36 % отметили, несмотря на чувство патриотизма, и негативные ассоциации, такие, как «больная», «неуверенная», «донор» [Немировский 2013, с. 54].

Исследования выявляют векторы неудовлетворенности в российском обществе. Так, две трети россиян отмечают рост безработицы и снижение уровня жизни, вдвое выросло число домохозяйств, в составе которых есть безработные или те, кто не имеет постоянной работы, рост числа бедных, которые составили почти четверть населения. 78 % россиян воспринимает проблему неравенства как существенную. Экономия на расходах вышла за рамки потребительских товаров и коснулась инвестиций в человеческий капитал,

в частности, образовательных и медицинских услуг, полноценного отдыха [Российское общество и вызовы времени 2017]. При этом отмечается, что в стране не происходит роста количества рабочих мест, идет снижение реальной значимости зарплат и пенсий, признается несостоятельность государственных институтов, ответственных за социальную сферу. Однако при этом более 60 % россиян считают страну одной из ведущих держав мира, и гордость за свою страну растет. В российском обществе патриотизм как чувство любви к стране актуально для 64 % населения, но доля россиян, понимающих патриотизм как активные действия для процветания страны и благополучия народа, вдвое меньше – 30 %. Отмечается достаточно высокий уровень гуманизма и взаимопомощи в обществе. Более половины россиян участвует в разных формах денежных пожертвований, 39 % занимались добровольческим трудом без вознаграждения не для семьи и родственников, почти треть населения передавала нуждающимся одежду, предметы быта. В сфере экономического поведения появились этичные покупки и бойкоты потребителей как форма солидарности и выражения их гражданского сознания. Проблемы патриотизма связываются с чувством социальной справедливости [Сомкин 2016].

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что духовными основами экономического патриотизма должны выступать любовь к труду, сила духа, желание не только получать от общества, но и отдавать взамен, стремление гармонизировать мир, делать его лучше и справедливее. Но в настоящее время многие российские субъекты экономической деятельности преследуют лишь узкопрагматические цели, что нельзя пока рассматривать как высшую форму экономического патриотизма.

Правомерно выделить формы поведения, которые противоречат экономическому патриотизму. Сырьевая экономика отражает потребительское отношение к стране со стороны крупного бизнеса.

Антипатриотичными формами можно назвать вывоз капитала, офшоры, покупку недвижимости за рубежом, вложение средств в иностранные спортивные клубы, наем иностранной рабочей силы в ущерб своим гражданам, размещение производства в более «дешевых» странах Азии, несмотря на безработицу в собственной стране. Антипатриотические, антинациональные действия бизнес-элиты

характеризуются масштабным вывозом капитала, что фактически лишает экономику средств для развития. Фактическим этот слой проживает вне России – средства тратятся на покупку объектов за рубежом, дети живут и учатся в других странах, нередко имеют двойное гражданство, Россия же рассматривается только как арена для сырьевого бизнеса.

Сокращение рабочих мест сказывается на миграционных процессах, касающихся прежде всего молодежи, не востребованной на внутреннем рынке труда. Растут эмиграционные настроения среди студентов, аспирантов и выпускников вузов, почти треть молодых людей в возрасте до 25 лет мечтают уехать из страны, что, в свою очередь, затрагивает уже проблему сохранения этноса.

Антипатриотическое поведение административно-политической элиты выражается прежде всего в росте коррупции. Антипатриотическое поведение интеллектуальной элиты проявляется в эмиграции наиболее творческих кадров. Так, за годы реформ из страны уехали 150 тыс. кандидатов и 20 тыс. докторов наук. Ущерб от эмиграции высококвалифицированных специалистов может составлять до 1,5 трлн долл. США в год. Антипатриотическое поведение бизнеса влияет и на отношение к природе, земле, которая в народном сознании всегда характеризовалась как «земля-матушка». Предприятия, принадлежащие «новым русским», безжалостно эксплуатируют природные богатства, засоряют не только ландшафт, но и все жизненное пространство вокруг.

Чувство патриотизма связано с отношением народа к государству, обществу. Жизнь в стране сопоставляется с возможностью достижения справедливости, политико-гражданской праведности, гарантом которой в сознании выступает государство. В условиях незащищенности человека на рынке труда, ростом неравенства доверие к государству падает, что, к сожалению, переносится в сознании и на образ страны. Но мы обращаем внимание, что экономический патриотизм, включенный в духовный мир человека, открывает большие возможности для преобразования общества на уровне ежедневной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вербицкая Н. О., Орнина Л. В.* Анализ понятия «экономический патриотизм» в современной России: системно-феноменологический подход // *Фундаментальные исследования.* 2014. № 11 (ч. 10). С. 2248–2252.

- Дробижева Л. М., Рыжкова С. В.* Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 9–20.
- Дубровин В. Л.* Патриотизм как ресурс социального самоопределения в российском обществе. Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2015. 119 с.
- Корнилова И. М., Распуткова Д. Д.* О формировании нравственных качеств молодых экономистов на примерах истории российского предпринимательства // Гуманитарное образование в экономическом вузе : в 2 т. М. : РЭУ, 2017. С. 43–48.
- Магранов А. С., Деточенко Л. С.* Гражданская идентичность студенческой молодежи: особенности и факторы трансформации // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 108–116.
- Российское общество и вызовы времени. Кн. 5 / под ред. М. К. Горшкова. М. : Весь Мир, 2017. 424 с.
- Немировский В. Г.* Массовое сознание жителей Сибирского региона: представления о себе и о России // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 54–60.
- Сомкин А. А.* Социальная справедливость как главное условие преодоления оппозиционности личности и общества и сохранения их единства // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2016. № 1 (33). С. 87–102.
- Сургуладзе В. Ш.* Экономический патриотизм в эпоху глобализации // Патриотизм как идеология возрождения России / отв. ред. Т. С. Гузенкова. М. : РИСИ, 2014. С. 175–187.
- Халий И. А.* Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 67–34.
- Bowles S.* The Moral Economy. Why Good Incentives Are No Substitute for Good Citizens. New Heaven ; London : Yale University Press, 2016. 293 p.
- Sandel M.* What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets. New York : Farrar, Straus and Giroux, 2012. 187 p.
- Satz D.* Why Some Things Should Not Be for Sale: The Limits of Markets. Oxford : Oxford University Press, 2010. 312 p.

REFERENCES

- Verbickaja N. O., Orinina L. V.* Analiz ponjatija «jekonomicheskij patriotizm» v sovremennoj Rossii: sistemno-fenomenologicheskij podhod // Fundamental'nye issledovanija. 2014. № 11 (ch. 10). S. 2248–2252.
- Drobizheva L. M., Ryzhkova S. V.* Grazhdanskaja i jetnicheskaja identichnost' i obraz zhelaemogo gosudarstva v Rossii // Polis. Politicheskie issledovanija. 2015. № 5. S. 9–20.

- Dubrovin V. L.* Patriotizm kak resurs social'nogo samoopredelenija v rossijskom obshhestve. Rostov-na-Donu : Fond nauki i obrazovanija, 2015. 119 s.
- Kornilova I. M., Rasputkova D. D.* O formirovanii nravstvennyh kachestv molodyh jekonomistov na primerah istorii rossijskogo predprinimatel'stva // Gumanitarnoe obrazovanie v jekonomicheskom vuze : v 2 t. M. : RJeU, 2017. S. 43–48.
- Magranov A. S., Detochenko L. S.* Grazhdanskaja identichnost' studencheskoj molodezhi: osobennosti i faktory transformacii // Sociologicheskie issledovanija. 2018. № 8. S. 108–116.
- Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kn. 5 / pod red. M. K. Gorshkova. M. : Ves' Mir, 2017. 424 s.
- Nemirovskij V. G.* Massovoe soznanie zhitelej Sibirskogo regiona: predstavlenija o sebe i o Rossii // Sociologicheskie issledovanija. 2013. № 4. S. 54–60.
- Somkin A. A.* Social'naja spravedlivost' kak glavnoe uslovie preodolenija oppozicionnosti lichnosti i obshhestva i sohraneniya ih edinstva // Gumanitarij: aktual'nye problemy nauki i obrazovanija. 2016. № 1 (33). S. 87–102.
- Surguladze V. Sh.* Jekonomicheskij patriotizm v jepohu globalizacii // Patriotizm kak ideologija vozrozhdenija Rossii / otv. red. T. S. Guzenkova. M. : RISI, 2014. S. 175–187.
- Halij I. A.* Patriotizm v Rossii: opyt tipologizacii // Sociologicheskie issledovanija. 2017. № 2. S. 67–34.
- Bowles S.* The Moral Economy. Why Good Incentives Are No Substitute for Good Citizens. New Heaven ; London : Yale University Press, 2016. 293 p.
- Sandel M.* What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets. New York : Farrar, Straus and Giroux, 2012. 187 p.
- Satz D.* Why Some Things Should Not Be for Sale: The Limits of Markets. Oxford : Oxford University Press, 2010. 312 p.

УДК 316.74

С. В. Олейников, А. П. Хлынин

Олейников С. В., кандидат педагогических наук,
начальник научно-исследовательской лаборатории,
Научно-исследовательский (социологический) центр Вооруженных Сил РФ;
e-mail: 9299614959@mail.ru

Хлынин А. П., младший научный сотрудник,
Научно-исследовательский (социологический) центр Вооруженных Сил РФ;
e-mail: and.khlynin@mail.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В основе данной статьи лежит социологическое исследование, проведенное в июне 2019 г. Научно-исследовательским (социологическим) центром Вооруженных Сил Российской Федерации. По результатам исследования комплексно раскрывается текущая религиозная ситуация в Вооруженных Силах. На основе анализа уровня религиозности военнослужащих фиксируется незначительное снижение доли верующих и, в соответствии со шкалой Угриновича, выделяются группы военнослужащих по степени религиозности. С позиции анализа критериев религиозности знания / сознания / поведения обосновывается тезис о номинальной религиозности заметной части верующих (в частности «убежденных верующих») на фоне положительного отношения к религии подавляющего числа военнослужащих. Оценивается текущая межконфессиональная обстановка и потенциал обострения межрелигиозных взаимоотношений в подразделениях. Эмпирически доказывается утверждение о культурно-цивилизационной традиции как главном мотиве религиозности, фиксируются основные каналы получения верующими информации религиозного толка. Кроме того, на основе эмпирического анализа эффективности функционирования воссозданного в 2010 году института военных священнослужителей доказывается вывод о том, что в настоящее время в Вооруженных Силах создан необходимый минимум условий для удовлетворения религиозных потребностей верующих военнослужащих.

Ключевые слова: религия; Вооруженные Силы Российской Федерации; религиозная ситуация; верующие; религиозность; армия.

S. V. Oleynikov, A. P. Khlynin

Oleynikov S. V., PhD (Pedagogy);
Head of the Research Laboratory of the Research (Sociological) Center of the Armed Forces of the Russian Federation;
e-mail: 9299614959@mail.ru

Khlynin A. P., Junior Researcher, Research (Sociological) Center
of the Armed Forces of the Russian Federation;
e-mail: and.khlynin@mail.ru

RELIGIOUS SITUATION IN THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The basis of this article is a sociological study which was conducted in June 2019 by the Research (sociological) Center of the Armed Forces of the Russian Federation. According to the results of the study, the current religious situation in the Armed Forces of the Russian Federation is comprehensively revealed. Based on an analysis of the level of religiosity of military personnel, a slight decrease in the share of believers is recorded and, in accordance with the Ugrinovich scale, groups of military personnel are distinguished by the degree of religiosity. From the point of view of the analysis of the criteria of religiosity of knowledge / consciousness / behavior, the thesis about the nominal religiosity of a significant part of believers (in particular, "convinced believers") is substantiated against the background of a positive attitude towards religion overwhelming number of military personnel. The current interfaith situation and the potential for exacerbation of interreligious relations in the divisions are evaluated. The assertion about the cultural and civilizational tradition of a soldier as the main motive of religiosity is empirically proved, the main channels for religious information for believers are recorded. In addition, on the basis of an empirical analysis of the effectiveness of the functioning of the institute of military clergymen reconstructed in 2010, it is concluded that at present the necessary minimum conditions have been created in the Armed Forces to satisfy the religious needs of believing military personnel.

Key words: religion; Armed Forces of the Russian Federation; religious situation; believers; religiosity; army.

Введение

Одной из самых заметных тенденций развития российского общества с момента распада Советского Союза является тенденция увеличения религиозности населения на фоне некоторого снижения доли верующих в мире (*Российская Газета*, 01.08.2012). По данным социологических опросов, если в 1991 году верующих было всего 23 %, в 1996 году – уже 34 % [Каарийен, Фурман 2000, с. 198], то в 2008 году почти две трети россиян (69 %) назвали себя верующими [Синелина 2013, с. 328]. На сегодняшний день тенденция роста религиозности российского общества несколько замедлилась – в 2019 году верующими себя назвали 74 % россиян [ФОМ 2019, с. 2], что является достаточно высоким показателем не только по европейским странам, но и в общемировом контексте.

Очевидно, что тенденция увеличения уровня религиозности не могла обойти стороной Вооруженные Силы Российской Федерации (ВС РФ), который является одним из основных социальных институтов

российского общества. По данным военных социологов, в 1990 году лишь 14 % военнослужащих называли себя верующими, в 1992 году верующих стало уже 22 %, в 1996 – 34 % [Соловьев, Образцов 1997, с. 293–294]. Через десять лет, в 2006 году, число верующих военнослужащих выросло уже вдвое и составило 68 % [Дубограй 2011, с. 107].

Реакцией на стабильное увеличение доли верующих военнослужащих и рост значимости религиозного института стало введение (а по сути – восстановление) института военного духовенства в ВС РФ, главной задачей которого является обеспечение права военнослужащих на свободу совести и вероисповедания. В целях обеспечения достоверной информацией органов военного управления, Научно-исследовательский центр (социологический) ВС РФ провел социологическое исследование религиозной ситуации в ВС РФ. Исследование проводилось по всеармейской выборке методом анкетного опроса всех категорий военнослужащих во всех видах и родах ВС РФ. Полученные результаты достоверны и позволяют сделать выводы.

Результаты исследования

Уровень религиозности военнослужащих в 2019 году¹ снизился по сравнению с прошлым годом: незначительно уменьшилось численность верующих военнослужащих (76 %, в 2018 году – 78 %). Каждый седьмой военнослужащий (14 %) – неверующий, еще 10 % затруднились с ответом. Подавляющее большинство (98 %) верующих исповедуют одну из мировых религий.

Уровень религиозности отдельных категорий военнослужащих практически не изменился по сравнению с прошлым годом: наибольшее число военнослужащих, считающих себя верующими, отмечается среди офицеров (84 %), а наименьшее – среди военнослужащих по призыву (67 %).

Что касается степени религиозности, то необходимо отметить небольшой рост доли убежденных верующих военнослужащих в 2019 году: отмечается рост доли респондентов, считающих себя «убежденными верующими» при одновременном сокращении доли атеистов (см. рис. 1).

¹ Всего опрошено 937 военнослужащих, из них офицеров – 281, военнослужащих по контракту – 279 (прапорщиков – 52), военнослужащих по призыву – 325.

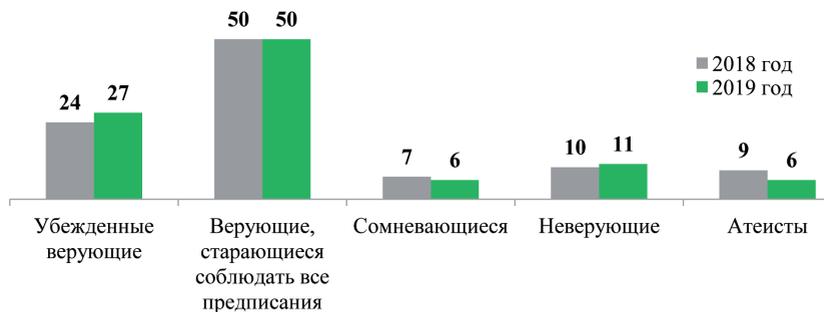

Рис. 1. Динамика изменения долей военнослужащих по степени веры (в %)

Говоря о степени религиозности отдельных категорий военнослужащих (см. рис. 2) следует отметить, что больше всего респондентов, считающих себя «убежденно верующими», а также «верующими, которые стараются соблюдать все предписания своей веры» наблюдается среди старшего и младшего офицерского состава (84 % и 83 % соответственно).

Вместе с тем наибольшая доля «неверующих атеистов» выявлена среди военнослужащих по призыву: каждый четвертый (25 %) критически относится к институту Церкви (атеисты – 8 %, неверующие – 17 %). В этом случае просматривается достаточно устойчивое влияние жизненного опыта респондента на степень его религиозной зрелости: данный вывод косвенно подтверждается возрастным распределением. Так, 93 % атеистов составляют военнослужащие до 30 лет, из них до 25 лет – 72 %.

Однако критерий самоидентификации респондентом степени собственной религиозности нельзя считать объективным и достаточным. Помимо самоидентификации, необходимым условием для определения реальной религиозности является учет объективных признаков: глубины религиозного сознания (религиозные знания, представления) и частоты религиозного поведения.

Так, около 30 % военнослужащих, считающих себя «убежденными верующими» вообще не принимают участие в религиозных обрядах (таинствах), не посещают богослужения и не совершают молитв, которые являются основой духовной жизни любого верующего. Совершенно не понимают смысла большинства религиозных обрядов

(таинств) – 17 %, богослужений – 9 %, молитв – 4 % «убежденных верующих» военнослужащих. Более того, каждый десятый сомневается в существовании Бога, высшего Начала (ангельских или демонических сил), а треть (29 %) – в существовании загробной жизни. Таким образом, доля «противоречивых убежденных верующих» составляет около 30 %, отсюда реальная доля убежденных верующих с учетом этой поправки составляет 19 % (вместо 27 %).

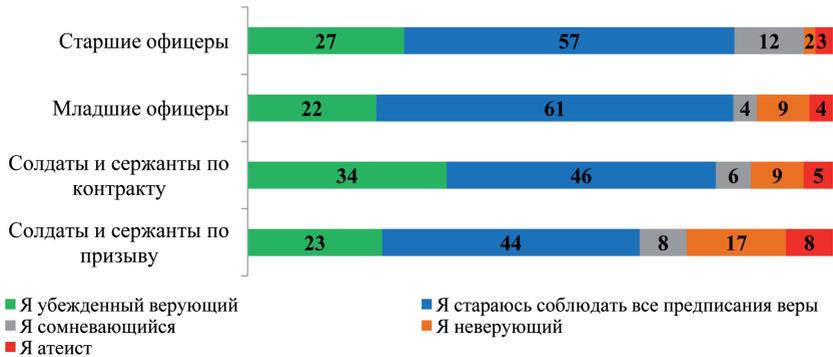

Рис. 2. Распределение военнослужащих различных категорий по степени религиозности (в %)

Справочно: Противоречивые убежденные верующие – верующие, которые демонстрируют взаимоисключающие признаки, то есть считают себя убежденными верующими, но в действительности не верят в основные положения своего вероучения, не совершают актов религиозного поведения и не осведомлены о фундаментальных постулатах своей религии.

Кроме того, косвенным показателем влияния религиозного фактора непосредственно на верующих военнослужащих является оценка их поведения со стороны неверующих или сомневающихся сослуживцев. Так, более половины (60 %) неверующих или сомневающихся военнослужащих заявили, что верующие «ничем не отличаются от других сослуживцев», четверть (25 %) заявила, что верующие «прикрываются своими убеждениями», 15 % заявили, что «верующие более терпимы и менее конфликтны», 12 % – «верующие реже нарушают воинскую дисциплину», практически столько же (11 %) – «верующие более замкнуты в себе».

Конфессиональная структура и религиозная толерантность

В 2019 году доля православных христиан в вооруженных силах по сравнению с прошлым годом не изменилась (87 %). Вместе с тем за аналогичный период несколько увеличилась доля мусульман (с 7 % до 9 %) и снизилась доля буддистов (с 3 % до 1 %), доля остальных конфессий (католицизма, протестантизма, иудаизма, язычества и др.) в сумме составляет 3 % (см. рис. 3). Таким образом, распределение военнослужащих по конфессиональному признаку практически отражает конфессиональное распределение среди россиян за аналогичный период.

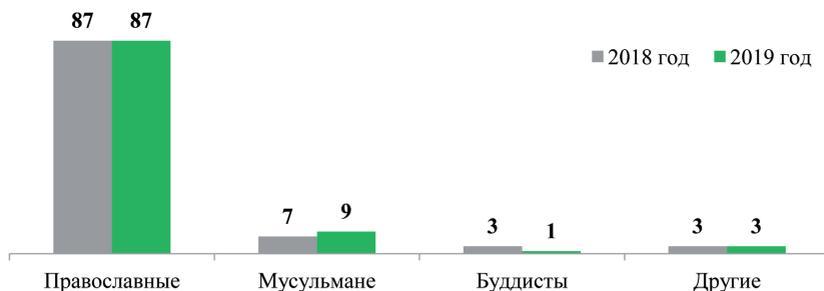

Рис. 3. Конфессиональное распределение военнослужащих, считающих себя верующими, в 2018 и 2019 годах (в %)

Справочно: по данным социологического опроса ФОМ, в 2019 году в России доля православных среди всех верующих составила 88 %, доля мусульман – 10 %, доля остальных конфессий (католики, протестанты, буддисты, баптисты и др.) в сумме составила 2 % (Фаустова).

И для России, и для ВС РФ в частности, залогом стабильного существования является межконфессиональный мир: угроза конфликтов в данной сфере не может не осознаваться как одна из ключевых. Принимая во внимание неоднородный поликонфессиональный состав армии, важно обратиться к вопросу терпимости военнослужащих, составляющих абсолютное большинство в ВС РФ (православных) к представителям наиболее распространенных конфессий меньшинства (мусульманам, буддистам) и атеистам (см. рис. 4).

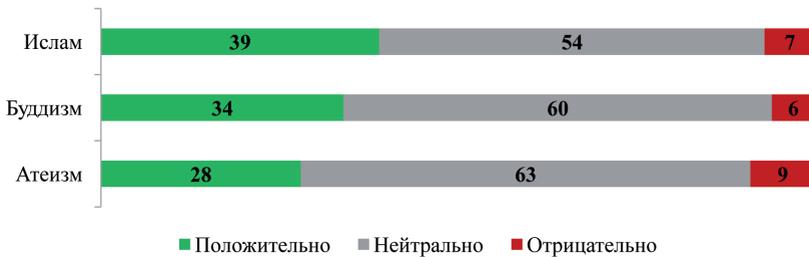

Рис. 4. Отношение православных военнослужащих к исламу, буддизму и атеизму (в %)

У абсолютного большинства православных военнослужащих нет негативных установок по отношению к иным конфессиям, что может свидетельствовать об отсутствии стереотипов к иноверцам, а в отсутствии стереотипов взаимоотношения перетекают из плоскости религиозного в плоскость межличностного взаимодействия.

Интересна также и противоположная сторона вопроса, а именно – отношение представителей религиозных меньшинств ВС РФ к представителям православного большинства. Почти у всех военнослужащих-мусульман (98 %) и буддистов (100 %) отсутствует негатив по отношению к православию. В результате в ВС РФ складывается довольно оптимистичная картина: с одной стороны, у православного большинства практически не встречаются негативные установки к представителям традиционных конфессий Российской Федерации, с другой стороны, меньшинство представителей традиционных конфессий настроено к православному большинству достаточно миролюбиво.

Несколько сложнее обстоит дело с группой военнослужащих-атеистов (6 %) и военнослужащих-язычников (1 %), которые хоть и не являются многочисленными в Вооруженных Силах, однако дают некоторые поводы для беспокойства. Так, о негативном отношении к православному большинству заявляет каждый пятый атеист (17 %) и язычник (20 %). Напомним, что доля атеистов (52 %) и язычников (80 %) наиболее высока среди военнослужащих по призыву.

Мотивы и каналы религиозности военнослужащих

Одной из главных задач исследования религиозной ситуации стало выявление мотивов, лежащих в основе религиозности

военнослужащего. Так, в 2019 году, как и в 2018 году, в качестве главных мотивов религиозности респонденты отмечают «уклад жизни в семье и пример родителей», «соблюдение национальной традиции» и «общение с верующими» (см. рис. 5).

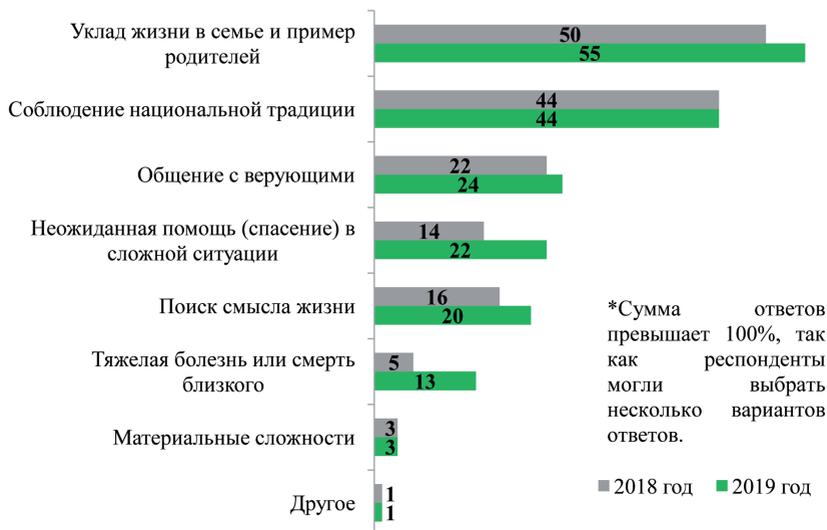

Рис. 5. Основные мотивы религиозности верующих военнослужащих (в %)*

Анализ ближайшего окружения верующих военнослужащих также косвенно подтверждает данный вывод: 9 из 10 респондентов (91 %) выросли в семьях, которые можно назвать религиозными в той или иной степени.

Стоит также заметить, что, по сравнению с 2018 годом, в 2019 году несколько увеличилась доля респондентов, указавших два и более мотива собственной религиозности из предложенного списка. Растет число респондентов, пришедших к вере после «тяжелой болезни или смерти близкого» (13 %, в 2018 – 5 %), после «неожиданной помощи (спасения) в сложной ситуации» (22 %, в 2018 – 14 %) и в результате «поиска смысла жизни» (20 %, в 2018 – 16 %).

Ближайшее окружение для верующих военнослужащих является также каналом получения религиозных знаний: большинство получает знания «от родственников» (43 %) и «от знакомых верующих»

(38 %) (см. рис. 6). При этом заметно увеличение религиозных источников, которые используют верующие военнослужащие для получения новых религиозных знаний, что свидетельствует, во-первых, о росте заинтересованности в получении новых религиозных знаний, во-вторых, о наличии таких источников в свободном доступе.

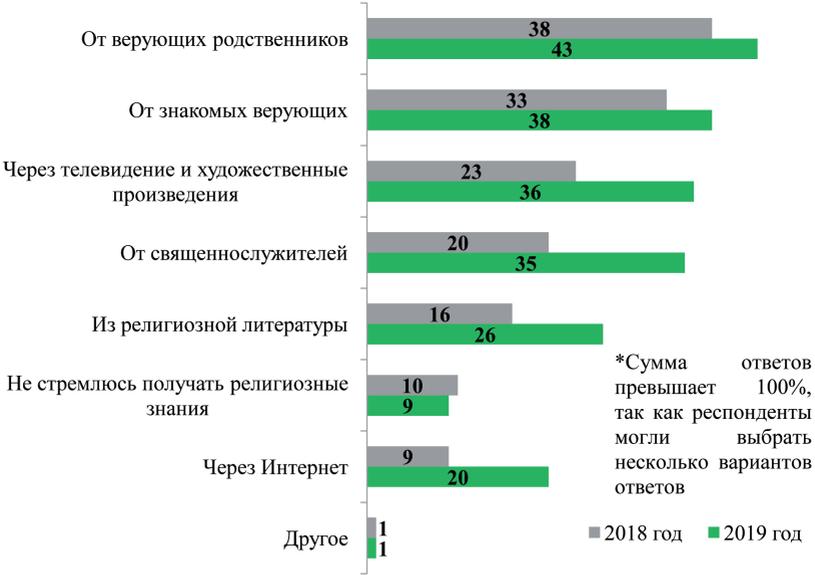

Рис. 6. Основные источники получения религиозных знаний верующими военнослужащими (в %)*

Существенно выросла доля верующих, которые получают религиозные знания «от священнослужителей» (35 %, в 2018 – 20 %), «через телевидение и художественные произведения» (36 %, в 2018 – 23 %), «через Интернет» (20 %, в 2018 – 9 %) и «из религиозной литературы» (26 %, в 2018 – 16 %).

Условия для верующих

Деятельность представителей военного духовенства, направленная на всестороннее удовлетворение религиозных потребностей верующих, воспринимается большинством военнослужащих достаточно позитивно: 53 % к военному священнику (помощнику командира

части по работе с верующими) относится положительно, 42% – нейтрально и только 4 % всех военнослужащих относится к нему негативно. Из тех, кто не поддерживает деятельность военного священника, более половины (60 %) составляют православные, четверть (22 %) – неверующие и атеисты, 16 % – мусульмане и 3 % – язычники.

Справочно: по данным начальника Управления по работе с верующими военнослужащими ВС РФ, в 2015 году в штате военного духовенства насчитывалось более 250 должностей, из которых 10 замещены гражданскими служащими, и 150 замещены военными священнослужителями, в числе которых 147 православных священника, два мусульманских имам-хатыба и один буддийский лама [Суровцев 2015, с. 3].

Показателем благоприятной обстановки в подразделении является межконфессиональный мир, выраженный в отсутствии правонарушений на почве религиозной дискриминации. Так, подавляющему большинству военнослужащих (93 %) ничего не известно о случаях нарушения права на свободу совести и вероисповедания на территории своей воинской части (корабле). Основными нарушителями являются в большей степени – офицеры или прапорщики, в меньшей степени – военнослужащие другой веры. Нарушение прав проявлялось в большей степени – в запрете молиться (38 %) и изъятии религиозных атрибутов (крестиков, четок, амулетов и т. д.) (34 %), в меньшей степени – в оскорблении религиозного чувства ритуалом другого вероисповедания (15 %).

Еще одним показателем, характеризующим обстановку в подразделении, является наличие фактов уклонения военнослужащих от исполнения своих обязанностей по религиозным соображениям. Так, в 2019 году подавляющее большинство военнослужащих (86 %) утверждает, что они не знают таких сослуживцев, которые уклоняются по религиозным соображениям от выполнения некоторых поставленных задач. Из тех, кто уклоняется от выполнения задач, прикрываясь религией (14 %), чуть меньше половины составляют мусульмане (47 %), четверть составляют православные христиане (24 %), 10 % – военнослужащие-буддисты (при том, что доля мусульман почти в 10 раз меньше доли православных).

Условия для удовлетворения религиозных потребностей верующих военнослужащих

Несмотря на возросшую интенсивность военной службы, в 2019 году отмечается регулярность проводимых богослужений и возможность их посещения военнослужащими. Так, три четверти (74 %) верующих военнослужащих посещают религиозные богослужения с той или иной периодичностью (см. рис. 7).

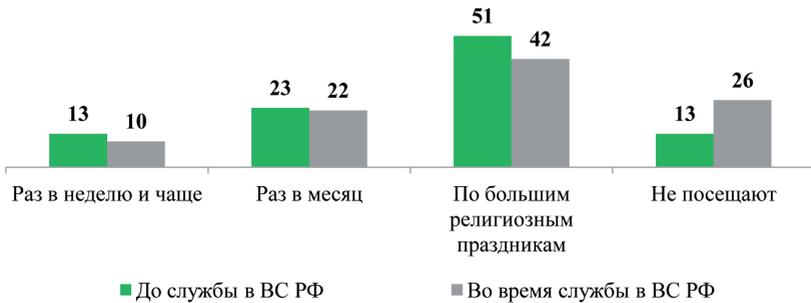

Рис. 7. Частота посещения религиозных богослужений военнослужащими, считающими себя верующими (в %)

Некоторое снижение наблюдается в группе посещающих богослужения «по большим религиозным праздникам». Так, 13 % военнослужащих, посещавших религиозные богослужения с различной периодичностью до службы, не посещает богослужения во время службы вообще. Однако данная ситуация говорит скорее о недостаточной степени воцерковленности, нежели об отсутствии возможности посещения богослужений. Основное ядро убежденных верующих, регулярно посещавших богослужения «раз в неделю и чаще» или «раз в месяц» до военной службы, посещают богослужения и во время службы, что свидетельствует о наличии такой возможности.

Вместе с тем одним из индикаторов, способным показать эффективную организацию работы с верующими военнослужащими непосредственно в воинской части (корабле), является посещение религиозных богослужений верующими военнослужащими по призыву, не имеющим возможностей присутствовать на службах вне воинской части (рис. 8).

Рис. 8. Частота посещения религиозных богослужений верующими военнослужащими по призыву (в %)

Тенденция отказа от посещения религиозных богослужений у военнослужащих по призыву имеет некоторые отличительные черты. Так, у военнослужащих по призыву наблюдается более резкое снижение доли посещающих во время службы в сравнении с аналогичным периодом до службы (25% перестали посещать богослужения вообще). Доля убежденных верующих, посещавших богослужения «раз в неделю и чаще» сократилась практически на треть (с 13 % до 8 %). Однако, несмотря на значительное сокращение доли посещающих богослужения, нельзя не отметить возможность посещать богослужения: 59 % верующих военнослужащих по призыву посещают религиозные богослужения с разной периодичностью.

Тем не менее тенденция отказа от посещения религиозных богослужений во время службы не может объясняться исключительно фактором недостаточной воцерковленности. Значительная часть верующих военнослужащих испытывает трудности во встрече со священником: четверть (24 %) заявляет, что они никогда не видели представителей духовенства в своей воинской части (на корабле), треть (29 %) заявляет, что представители духовенства бывают в их воинской части (на корабле) редко и обратиться к ним довольно проблематично. Четверть всех верующих военнослужащих (24 %) заявила, что за время службы никаких мероприятий, в ходе которых священнослужитель обсуждал с ними вопросы религии и нравственности, вообще не проводилось, а еще четверть (26 %) заявила, что такие мероприятия проводились, но достаточно редко. Кроме того, каждый пятый (19 %) верующий считает, что на территории его воинской части (корабля) условия для свободного проведения религиозных обрядов вообще не созданы, каждый

четвертый (24%) считает, что условия созданы лишь частично, и еще четверть верующих (23%) затрудняется с ответом на данный вопрос.

Выводы

Подводя итог анализу текущей религиозной ситуации в ВС РФ можно констатировать, что уровень религиозности военнослужащих незначительно снизился по сравнению с прошлым годом, однако остается достаточно высоким и превышает аналогичный уровень по стране (76 % и 74 % соответственно). Большинство верующих военнослужащих расценивает религиозность как нечто положительное и социально одобряемое, в связи с чем склонно к преувеличению степени собственной религиозности.

ВС РФ являются многоконфессиональным институтом общества, однако подавляющее большинство военнослужащих из числа верующих соотносят себя с православием. Текущие межконфессиональные взаимоотношения можно охарактеризовать как дружественно-нейтральные, а потенциал обострения межрелигиозных взаимоотношений – низкий.

Основным мотивом религиозности военнослужащих в большинстве случаев является соотнесение себя с культурно-цивилизационной традицией своего народа (этноса), реализованной в процессе семейной социализации. Основными каналами получения религиозных знаний для верующих военнослужащих являются верующие родственники, знакомые, священнослужители, телевидение и художественные произведения.

Подавляющему числу военнослужащих не известны случаи нарушения права на свободу совести и вероисповедания на территории своей воинской части (корабле). Помимо этого, подавляющее число военнослужащих не имеет сослуживцев, которые отказывается выполнять свои обязанности, ссылаясь на религиозные убеждения.

Деятельность органов по работе с верующими военнослужащими в целом можно оценить положительно – за девять лет был создан необходимый минимум условий для верующих военнослужащих. Кроме того существует возможность для посещения религиозных богослужений по месту службы и позитивное отношение большинства военнослужащих к военному священнику. Вместе с тем значительная часть

верующих (до 50%) испытывает определенные трудности во встрече со священником, а также отмечает низкую периодичность обсуждения со священником вопросов веры и нравственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Добрынина Е.* Богатые реже молятся // Российская газета. Вып. № 179 (5852). URL: rg.ru/2012/08/01/religia-site.html (дата обращения: 17.11.2019).
- Дубограй Е. В.* Религиозность военнослужащих Вооруженных Сил России: духовные ценности и нормы поведения // Пространство и время. 2011. № 3. 158 с.
- Каариайнен К., Фурман Д.* Старые церкви, новые верующие: религия в массовом сознании постсоветской России. СПб. ; М. : Летний сад, 2000. 247 с.
- Синелина Ю. Ю.* Динамика религиозности россиян (1989–2012) // Социология религии в обществе Позднего Модерна (памяти Ю. Ю. Синелиной) : материалы Третьей Международной науч. конф. НИУ БелГУ, 13 сентября 2013 г. / отв. ред. С. Д. Лебедев. Белгород : Белгород, 2013. 460 с.
- Соловьев С. С., Образцов И. В.* Российская армия от Афганистана до Чечни: Социологический анализ / под общ. ред. В. А. Двуречинских. М. : Национальный институт Екатерины Великой, 1997. 440 с.
- Суровцев А. И.* Доклад начальника управления по работе с верующими военнослужащими Главного военно-политического управления Вооруженных сил Российской Федерации на «военной» секции XXIII Международных Рождественских образовательных чтений. URL: pobeda.ru/vzaimodeystvie-vooruzhennyih-sil-rossii-s-religioznyimi-obedineniyami-sovremennoe-razvitie-traditsii.htm (дата обращения: 06.06.2018).
- Фаустова М. В.* России недосчитались верующих // Независимая газета, № 047 (7523) от 05.03.2019 г. URL: www.ng.ru/ng_religii/2019-03-05/10_460-opros.html (дата обращения: 17.11.2019).
- Фонд Общественное мнение (ФОМ). Отношение к РПЦ и патриарху Кириллу. URL: fom.ru/Tsennosti/14178 (дата обращения: 17.11.2019).

REFERENCES

- Dobrynina E.* Bogatye rezhe moljatsja // Rossijskaja gazeta. Vyp. № 179 (5852). URL: rg.ru/2012/08/01/religia-site.html (data obrashhenija: 17.11.2019).
- Dubograj E. V.* Religioznost' voennosluzhashhih Vooruzhennyh Sil Rossii: duhovnye cennosti i normy povedenija // Prostranstvo i vremja. 2011. № 3. 158 s.

- Kaariajnen K., Furman D.* Starye cerkvi, novye verujushhie: religija v massovom soznanii postsovetskoj Rossii. SPb. ; M. : Letnij sad, 2000. 247 s.
- Sinelina Ju. Ju.* Dinamika religioznosti rossijan (1989–2012) // Sociologija religii v obshhestve Pozdnego Moderna (pamjati Ju. Ju. Sinelinoj) : materialy Tret'ej Mezhdunarodnoj nauch. konf. NIU BelGU, 13 sentjabrja 2013 g. / otv. red. S. D. Lebedev. Belgorod : Belgorod, 2013. 460 s.
- Solov'ev S. S., Obracov I. V.* Rossijskaja armija ot Afganistana do Chechni: Sociologicheskij analiz / pod obshh. red. V. A. Dvurechinskih. M. : Nacional'nyj institut Ekateriny Velikoj, 1997. 440 s.
- Surovcev A. I.* Doklad nachal'nika upravlenija po rabote s verujushhimi voennosluzhashhimi Glavnogo voenno-politicheskogo upravlenija Vooruzhennyh sil Rossijskoj Federacii na «voennoj» sekcii XXIII Mezhdunarodnyh Rozhdestvenskih obrazovatel'nyh chtenij. URL: pobeda.ru/vzaimodeystvie-vooruzhennyih-sil-rossii-s-religioznyimi-obedineniyami-sovremennoe-razvitie-traditsii.htm (data obrashhenija: 06.06.2018).
- Faustova M. V.* Rossii nedoschitalis' verujushhih // Nezavisimaja gazeta, № 047 (7523) ot 05.03.2019 g. URL: www.ng.ru/ng_religii/2019-03-05/10_460-opros.html (data obrashhenija: 17.11.2019).
- Fond Obshhestvennoe mnenie (FOM). Otnoshenie k RPC i patriarhu Kirillu. URL: fom.ru/Tsennosti/14178 (data obrashhenija: 17.11.2019).

УДК 316.62

А. В. Саблуков

доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры социологии
института международных отношений и социально-политических наук,
Московский государственный лингвистический университет;
e-mail: asablukov@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСТРОЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

С конца прошлого века и по сегодняшний день российское общество находится в процессе постоянных преобразований, затрагивающих интересы всего без исключения населения страны. Это, в свою очередь, вызывает необходимость научного осмысления как содержания и последствий происходящих изменений, так и реакции на эти изменения со стороны различных категорий граждан России. Социологическая наука, с учетом характера и динамики российских трансформационных процессов, опираясь на опыт и наработки других наук и на собственный методологический и методический аппарат, предлагает ряд показателей характеризующих отношение россиян к происходящим преобразованиям. Одним из таких показателей является политическое настроение. В настоящее время усилия социологов сосредоточены не только на содержательном анализе категории «политическое настроение», но и на отработке методологии методике их исследования.

Ключевые слова: социальные настроения; политическое настроение; концепции; методология исследования; показатели.

A. V. Sablukov

Doctor of Sociology (Dr. habil), Assoc. Prof.;
Professor at the Department of Sociology,
Institute of International Relations and Social and Political Sciences;
Moscow State Linguistic University;
e-mail: asablukov@mail.ru

POLITICAL MOOD AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

From the end of the previous century till nowadays Russian society has been experiencing constant transformations that engage interests of the entire population. This, in turn, causes a need for scientific understanding both of the content and the consequences of occurring changes, and the reaction to these changes on the part of various categories of Russian citizens. Taking into account the character and dynamics of Russian transformations and experience of other sciences, sociological science offers a number of indicators which measure attitudes of Russian citizens to the ongoing transformations. Political moods constitute one of such indicators. At

present sociologists' efforts are concentrated not only on meaningful analysis of the category "political mood", but also on methodology optimisation of the technique of the research.

Key words: social mood; political mood; concepts; study methodology; indicators.

Введение

Одним из показателей, к которому традиционно обращаются исследователи при оценке политической ситуации в обществе, является политическое настроение. Наибольший интерес, как правило, к этой проблеме проявляется в период подготовки и проведения значимых политических мероприятий: выборы, референдумы, крупномасштабные политические и другие преобразования, затрагивающие интересы широких слоев населения и пр. Особое значение исследование политических настроений приобретает в период глубинных трансформационных преобразований политических институтов общества. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, политические настроения в значительной степени предопределены характером этих преобразований, а, с другой – отражают реакцию общества на планируемые и происходящие изменения, степень их общественной поддержки, а, следовательно, в конечном счете предопределяют достижимость планируемого результата.

Современные подходы к трактовке понятия «политические настроения»

Современные подходы к трактовке сущности понятия «политические настроения» и методологии их исследования опираются на солидный фундамент различных теорий и методологических концепций, наработанных представителями различных наук. Не удивительно, что первыми, кто серьезно занялся этой проблематикой, стали философы.

Так, Аристотель в работе «Политика» неоднократно обращает внимание на то, что общественные настроения являются важнейшим моментом жизни любого общества.

Не обошли вниманием эту проблему Николло Макиавелли, Этьенн Кондильяк, Шарль Луи Монтескье и другие философы и мыслители Нового и Новейшего времени.

Существенный вклад в исследование политических настроений феномена внес К. Маркс. В целом ряде своих работ он рассматривает массовые настроения как наиболее значимые факторы политических изменений [Маркс 1983, с. 88].

В XX веке политические настроения рассматривались как один из важнейших и гибких факторов политики. Так, например, в работах В. И. Ленина можно найти целый ряд положений о роли настроений в революционной борьбе, противостоянии классов, о динамике и политических настроениях различных слоев общества под влиянием различных факторов. Он выделял такие его разновидности, как «разочарование», «недовольство», «протест», «возмущение», «революционное настроение».

Настроения народов и масс было предметом исследования таких русских философов, как Ф. Достоевский, Н. Бердяев, И. Ильин, Л. Гумилев, Вл. Соловьев, В. Розанов, Е. и Н. Трубецкие, С. Франк и многие другие.

Проблема политического настроения продолжает оставаться в центре внимания и современные отечественных философов. В связи с этим уместно упомянуть таких ученых, как А. Х. Бугазов, Ю. В. Набок, М. И. Добрынина. Как справедливо пишет А. Х. Бугазов, «понимание общественных связей во всей их полноте невозможно без изучения законов, по которым происходят колебания общественных и массовых настроений» [Бугазов 2000, с. 19]. В свою очередь Ю. В. Набок характеризует настроение как определенным образом сформировавшееся эмоциональное состояние [Набок 2005, с. 9].

Особо следует отметить вклад в разработку понятия «политические настроения» психологов. Основоположителем психоаналитического подхода к исследованию массовых настроений стал З. Фрейд. В дальнейшем наиболее последовательным представителем этого направления стал его ученик, неотрейдист В. Райх.

Не остались в стороне от данной проблематики и отечественные ученые. Первые попытки определения сущности, природы, структуры и функций социальных были представлены работами В. М. Бехтерева, П. П. Викторова, В. Н. Осипова и других. В 1960-х годах появляется специальное исследование, анализирующее феномен общественного настроения, автором которого является Б. Д. Парыгина. За ним последовали работы Б. Ф. Поршнева и А. К. Уледова. Именно эти труды

можно рассматривать как фундамент современных исследований политических настроений.

Непосредственно проблематике политических настроений посвящены работы таких ученых, как Д. В. Ольшанский, Т. В. Плотникова А. В. Четвериков [Ольшанский 2001; Плотникова 2004; Четвериков 1999].

Как считает Д. В. Ольшанский, политические настроения стали активно формироваться в XX века. Он связывает это с процессом качественно и количественно увеличилось влияние масс в политике. По мнению ученого, массовое промышленное производство способствовало росту потребностей у людей, вовлеченных в этот процесс. Кроме того, средства массовой информации стимулировали их готовность к участию в массовых акциях, формируя установки на определенное политическое поведение.

Основными категориями, определяющими политические настроения, Д. В. Ольшанский рассматривает политическую культуру, политическое сознание и политическое поведение. Настроение, по мнению автора, определяется ожиданиями людей, их интересами и потребностями, а также реально происходящими событиями. Не реализованные потребности формируют готовность к действиям [Ольшанский 2001, с. 200–201].

Д. В. Ольшанский дает собственное определение изучаемому социальному феномену. Он рассматривает политическое настроение как схожую для определенной массы людей субъективную, сложную сигнальную реакцию, особые переживания, отражающие отражающее степень удовлетворенность складывающейся социально-политической ситуацией, оценку этой массой возможности реализации своих потребностей и притязаний, а также стремление к изменению условий ради реализации этих потребностей и притязаний. Как полагает ученый, политическое настроение присуще как единичной личности, так и социальным группам и общностям.

Д. В. Ольшанский полагает, что процесс формирования политических настроений проходит несколько этапов [Ольшанский 2001, с. 204]:

1. Глухое брожение и зарождение настроений, в основе которого лежит ощущение социального дискомфорта, неосознанное недовольство.

2. Накопление и кристаллизация настроений обусловленное осознанием и формированием политически направленной неудовлетворенности. Индивиды уже точно знают, чем они недовольны.

3. Максимальный подъем, проявляющийся в конкретных политических действиях. На данной стадии политические настроения приобретают уже массовый характер.

4. Разрешение или спад настроений. Поводом может быть как достижение желаемого результата, так и потеря надежды на его получение.

5. Начало нового подъема. Политические настроения носят циклический характер и как только потребности и стремления к их реализации возрастают, начинается новый подъем.

Д. В. Ольшанский полагает, что политическое настроение напрямую зависит от ожиданий индивидов, социальных групп или масс людей, с одной стороны, и объективной социальной реальности – с другой. Политические настроения особо ярко проявляют себя при несоответствии ожиданий и социальной реальности. Эти противоречия остро переживаются и индивидами и массами, и они (противоречия) могут носить как в негативный (выражающийся в недоверии к власти, которая не способна соответствовать ожиданиям людей), так и позитивный характер (поддержка власти, оправдывающей ожидания масс) [Ольшанский 2001, с. 204].

А. В. Четвериков предлагает изучать политические настроения в контексте реально общественного сознания. В качестве методологической основы он опирается на функциональный анализ. В качестве основных функций политических настроений А. В. Четвериков рассматривает такие, как сигнальную, политико-психологической подготовки и формирования массового субъекта потенциального политического действия и инициирования и регулирования массового политического поведения [Четвериков 1999].

Свой подход к пониманию политического настроения демонстрирует Т. В. Плотникова. Она трактует его как эмоционально-оценочный показатель вовлеченности населения в политику, отражающий степень его адаптированности к политическому режиму и доминирующим ценностям. Кроме того, Плотникова выделяет негативные, нейтральные и позитивные политические настроения. Негативные отражают несоответствие политических ожиданий реальности, что

может привести к обострению социально-политической обстановки и способствовать развитию конфликта. Негативные политические настроения могут вызвать массовые акции протеста, митинги. Нейтральное настроение сопровождается политической апатией, снижением доверия к власти и политике в силу определенных обстоятельств. Позитивное настроение выражает политический оптимизм и активное участие людей в политике, ожидание победы на выборах, участие в митингах и других мероприятиях в поддержку власти [Плотникова 2004, с. 25].

Отдельно следует сказать о вкладе, который внесла в исследование политических настроений отечественная историческая наука. Одним из первых, кто исследовал роль массовых настроений в политическом процессе, был известный российский историк В. О. Ключевский. В своей работе, связанной с описанием последствий Смуты, он выделил специальный раздел «Настроение общества», в котором прослеживает связь политики с настроениями масс [Ключевский 1988, с. 83–84].

Анализ отечественной историографии свидетельствует, что спектр исследований политических настроений отечественными историками достаточно широк и охватывает различные аспекты этой проблематики с начала XIX века по сегодняшний день.

Разработка понятия «политические настроения» и методологии их исследования в социологии

Опыт анализа политических настроений в философии, истории психологии и других науках послужил основой для выработки методологии исследований данной проблематики в социологии. Общеметодологические подходы к содержательному анализу политических настроений как одного из проявлений социальных настроений представлены в работах таких ученых, как Ж. Т. Тощенко, С. В. Харченко, Б. Д. Парыгина, В. С. Каминский, В. В. Петухов и др.

Важнейшую роль в формировании социологического подхода к пониманию сущности социальных настроений в целом и политических настроений в частности, сыграла монография «Социальное настроение» Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко. Предложенная ими концепция исходит из того, что социальное настроение обладает такими сущностными чертами, как:

- одновременное влияние на социальное настроение объективных и субъективных факторов;
- явно выраженное влияние предшествующего опыта, его соотнесение с настоящим и с событиями личной жизни;
- проявление реального сознания, управляющего жизнью человека в конкретный момент времени;
- практическая готовность к действию, являющаяся составляющей поведенческого компонента;
- возможность прогнозирования направленности социального настроения и последующего поведения.

Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко дают следующее определение социальному настроению. Это «целостная форма жизнеощущения, доминантная форма реально функционирующего общественного сознания и поведения, отражающая уровень, продолжительность и степень эмоционально-рационального восприятия индивидом, социальной группой и населением, различными организациями и институтами социальных установок, социальных целей и интересов, формирующихся под воздействием реальных экономических, политических и духовных процессов и в потенции реализуемых (или не реализуемых) в практической деятельности» [Социальное настроение 1996, с. 32].

Дальнейшую разработку социологического подхода к исследованию социальных настроений можно увидеть в трудах М. Б. Бакусовой, Н. А. Власовой, С. О. Саскудаевой, И. Н. Яценко и др.

Так, в частности, С. О. Саскудаева считает, что социальное настроение состоит из таких взаимосвязанных компонентов как социальный и психологический и является инструментом общественной регуляции [Саскудаева 2009, с. 52].

В свою очередь, М. Б. Бакусева выделяет такие уровни социального настроения как социальное самочувствие, оценка и самооценка, социальные ожидания и притязания и социальная позиция [Бакусева 2006, с. 26]. Она также предлагает собственный подход к типологии социальных настроений, выделяя позитивные, негативные, безразличные и антисоциальные социальные настроения.

Анализируя структуру социального настроения Н. А. Власова приходит к выводу, что оно состоит из рационального (оценка состояния социальной действительности) и эмоционального (отношение к этому состоянию) компонентов. В качестве основных уровней

социального настроения она предлагает рассматривать личностный и общественный уровни. Само социальное настроение определяется в качестве целостной формы восприятия социальной действительности на общественном и личностном уровнях [Власова 2014, с. 33].

И. Н. Яценко важнейшей составляющей социального настроения рассматривает чувства. Сами же социальные настроения она определяет как «...в той или иной степени выраженное интегральное чувство (состояние чувств), переживаемое социальным субъектом в течение некоторого времени по поводу каких-либо социальных объектов и оказывающих определенное влияние на социальную деятельность этого субъекта» [Яценко 2006, с. 31].

Целый спектр работ посвящен описанию индикаторов, позволяющих оценить и описать социальные настроения. Так, например, в исследовании В. С. Каминского и М. В. Морева социальные настроения рассматриваются как интегрирующий показатель уровня благополучия, социальной устроенности и степени устойчивости [Морев, Каминский 2014]. В. В. Петухов исследует социальное настроение через интерес к политике, политическое участие и идеологические установки [Петухов 2012].

Анализируя феномен социального настроения, исследователи предлагают различные основания для их типологизации. Н. А. Власова за основу типологии социальных настроений берет степень их интенсивности. В связи с этим она выделяет слабые, умеренные и сильные настроения [Власова 2014]. М. Б. Бакусева делит социальные настроения в зависимости отношения их участников к обществу. Соответственно основными типами социальных настроений у него являются позитивные, негативные, безразличные и антисоциальные [Бакусева 2006].

Свою типологию социальных настроений предложили и авторы монографии «Социальное настроение» [Социальное настроение 1996]. С. В. Харченко и Ж. Т. Тощенко полагают, что социальные настроения можно делить по социальным субъектам и социальным объектам. В качестве субъектов социальных настроений они рассматривают личности, социальные группы (профессиональные, социально-демографические, этно-национальные) и социальные общности (от микро- до макроуровня). Объекты социальных настроений ученые предлагают выделять по сферам деятельности (политические, экономические, религиозные), по степени доминирования настроения

(частные или общие), по степени позитивности или негативности; и по степени удовлетворения социальных ориентаций.

Теоретические наработки социологов в области социальных настроений в целом и политических настроений в частности были использованы при проведении прикладных исследований.

Так, например, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) ежемесячно осуществляет мониторинг показателей на основе которых выводится индекс социального настроения россиян. В качестве основных показателей индекса рассматриваются такие, как оценка политической обстановки, социальный оптимизм, материальное положение удовлетворенность жизнью. Основная цель мониторинга, – выявить реакцию общества на происходящие события и спрогнозировать возможные проявления политических настроений. Методика расчета индекса основана на том, что исследуемые индикаторы рассчитываются как разница суммы положительных и суммы отрицательных оценок [Индексы социального самочувствия URL].

Среди политических индикаторов, которые характеризуют ситуацию в политической сфере и измеряются на постоянной основе, используются такие, как электоральный рейтинг, доверие политикам, оценка властей различного уровня и протестный потенциал.

Собственная методика замеры индекса социальных настроений (ИСН) существует в Левада-Центре [Обновленная методика измерения индекса социальных настроений URL]. В ИСН входят такие частные индексы, как индекс текущего положения семьи, индекс текущего положения страны, индекс ожиданий, индекс оценки власти.

Достоинством ИСН, по мнению разработчиков, являются его прогностические возможности: возможные изменения политических настроений могут быть спрогнозированы исходя из изменений политического, экономического и социального характера. Методика расчета индекса Левада-Центра, как уже отмечалось, отличается от методики ВЦИОМ. Используемый в методике Левада-Центра совокупный индекс социальных настроений рассчитывается как средняя арифметическая из индивидуальных индексов. Интервал для оценки индекса социальных настроений от 0 до 200, где показания индекса ниже 100 говорит о преобладании негативных оценок.

Кроме расчета индексов ведется постоянный замер целого ряда тематических индикаторов. Применительно к политическим

настроениям это такие, как степень одобрения деятельности Президента и Правительства РФ, протестный потенциал, политические и экономические требования, оценка текущего положения дел в стране и регионах.

Свои исследования в сфере социальных настроений в целом и политических настроений в частности осуществляет и Фонд Общественное Мнение (ФОМ). Так, например, одним из проектов ФОМ является проект «Доминанты» [База данных ФОМ URL], предполагающий анализ политической ситуации по целому ряду направлений: протестный потенциал, настроения окружающих, динамика социально-экономической ситуации и т. д.

Нельзя не отметить появившиеся в последнее время попытки не только концептуально оформить содержательный анализ категории «политические настроения», но и предложить методику их исследования. Так, в исследовании политических настроений среди молодежи Вологодской области использовались такие показатели, как оценка респондентами политической обстановки в стране и регионе, уровень доверия со стороны молодежи основным государственным институтам, ее партийные и политические предпочтения, степень удовлетворённости различных групп молодых людей уровнем жизни.

Автор целого ряда публикаций по данной тематике А. Ю. Станевич определяет политическое настроение как «совокупность оценок политической жизни и политических ожиданий личности, определяющих ее политическое поведение» [Станевич 2014; Станевич 2017; Станевич 2018]. Содержание каждого из компонентов (оценки, ожидания и поведение), по мнению автора, раскрывается набором специфических показателей. Так, оценочный компонент может быть представлен совокупностью таких индикаторов, как оценка деятельности различных ветвей и уровней власти, начиная от Президента Российской Федерации и до местного уровня. Далее, это оценка проводимого властями политического курса, оценка степени демократичности общественно-политических отношений в стране и демократичности прошедших выборов. Наконец, это оценка деятельности оппозиции в стране. Ожидания молодежи, по мнению А. Ю. Станевич, достаточно объективно могут быть охарактеризованы ожиданиями от деятельности властей различного уровня, ожиданиями изменений различной направленности в основных сферах общественной жизни, ожиданиями (оправдавшимися

и не оправдавшимися) от прошедших и предстоящих выборов. Еще один компонент политических настроений, – установка на политическое действие, как считает А. Ю. Станевич, раскрывается такими показателями, как желание и готовность участвовать в различных видах и формах политической деятельности. Специфика политических настроений находится в прямой и опосредованной зависимости от целого ряда объективных и субъективных факторов. В качестве объективных факторов, влияющих на состояние и особенности политических настроений, автор особо выделяет трансформационные процессы, вызывающие изменения в основных институтах во всех сферах жизни российского общества.

Заключение

С учетом прогнозируемого многими социологами и политологами роста протестной составляющей в социальных настроениях россиян, можно предположить, что интерес властных структур, различных политических сил, а, следовательно и социологического сообщества, к состоянию социальных настроений в целом и политических настроений в частности в перспективе будет расти. Следовательно, весьма вероятно, что в ближайшее время мы сможем познакомиться и с новыми теоретическими наработками и с прикладными исследованиями данной проблематики. И если нынешний этап исследования политических настроений свидетельствует об опоре, прежде всего, на методики в основе которых лежат количественные методы, то в условиях устойчивой тенденции к дальнейшей дифференциации российского общества будут востребованы и найдут применение качественные методики, которые позволят не только выявить специфику политических настроений относительно небольших социальных групп, но и строить прогнозы с учетом вероятных изменений социально-политической ситуации и реформирования политических институтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- База данных ФОМ. Доминанты. Поле мнений // Фонд «Общественное мнение». URL: bd.fom.ru/map/dominant/ (дата обращения: 12.12.2018).
- Бакусева М. Б. Телевидение как фактор формирования социальных настроений в российском обществе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 24 с.

- Бугазов А. Х. Общественное развитие и его социально-психологическое содержание: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Бишкек, 2000. 38 с.
- Власова Н. А. Институциональные факторы формирования социального настроения жителей современного российского мегаполиса : автореф. дис. ... канд. Социол. наук. М., 2014. 24 с.
- Индексы социального самочувствия // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochnuvstviya/ (дата обращения: 05.06.2017).
- Ключевский В. О. Сочинения. Т.3. М., 1988. 414 с.
- Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. М., 1983. 88 с.
- Морев М. В., Каминский В. С. Социальное настроение: факторы формирования и территориальные особенности // Проблемы развития территории. 2014. № 4. URL: cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-nastroenie-factory-formirovaniya-i-territorialnye-osobennosti (дата обращения: 25.12.2018).
- Набок Ю. В. Феномен социальной апатии в современном обществе : дис. ... канд. филос. наук. Самара, 2005. 176 с.
- Обновленная методика измерения индекса социальных настроений // Аналитический Центр Юрия Левады. URL: www.levada.ru/obnovlennaya-metodika-izmereniya-indeksa-sotsialnykh-nastroenii-isn (дата обращения: 05.06.2017).
- Ольшанский Д. В. Основы политической психологии. Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 496 с.
- Плотникова Т. В. Политическое поведение в России. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2004. 284 с.
- Петухов В. В. Поколение «нулевых»: социальные настроения, идеологические // Полис. Политические исследования. 2012. № 4. С. 54–62.
- Саскудаева С. О. Социальное настроение молодежи в условиях трансформации российского общества : на примере Республики Бурятия : автореф. дис. на ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2009. 24 с.
- Станевич А. Ю. Политические настроения студентов вузов Москвы: социологический анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2014. Вып. 2 (688). С. 183–192.
- Станевич А. Ю. Политическое настроение: генезис и характеристика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. Вып. 4 (788). С. 235–246.
- Станевич А. Ю. Политические настроения российской молодежи: состояние и особенности // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2018. № 4. Т. 24. С. 254–272.
- Социальное настроение / Жан Тощенко, Сергей Харченко. М. : Academia, 1996. 199 с.

- Четвериков А. В.* Особенности социальных политических настроений в современных условиях : автореф. дис. ... канд. Психол. наук. М., 1999. 24 с.
- Яценко И. Н.* Социальное настроение и самочувствие населения малого северного города : социологический анализ: автореферат дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2006. 28.

REFERENCES

- Baza danyh FOM. Dominanty. Pole mnenij // Fond «Obshhestvennoe mnenie». URL: bd.fom.ru/map/dominant/ (data obrashhenija: 12.12.2018).
- Bakuseva M. B.* Televidenie kak faktor formirovanija social'n'k nastroyenij v rossijskom obshhestve : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2006. 24 s.
- Bugazov A. H.* Obshhestvennoe razvitiye i ego social'no-psihologicheskoe sodержanie: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. Bishkek, 2000. 38 s.
- Vlasova N. A.* Institucional'nye faktory formirovanija social'nogo nastroyenija zhitelej sovremennogo rossijskogo megapolisa : avtoref. dis. ... kand. Sociol. nauk. M., 2014. 24 s.
- Indeksy social'nogo samochuvstvija // Vserossijskij centr izuchenija obshhestvenno mnenija. URL: wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstvija/ (data obrashhenija: 05.06.2017).
- Kljuchevskij V O.* Sochinenija. T.3. M., 1988. 414 s.
- Marks K.* Vosemnadcatoe brjumeru Lui Bonaparta. M., 1983. 88 s.
- Morev M. V., Kaminskij V. S.* Social'noe nastroyenie: faktory formirovanija i territorial'nye osobennosti // Problemy razvitiya territorii. 2014. № 4. URL: cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-nastroyenie-faktory-formirovaniya-i-territorialnye-osobennosti (data obrashhenija: 25.12.2018).
- Nabok Ju. V.* Fenomen social'noj apatii v sovremennom obshhestve : dis. ... kand. filos. nauk. Samara, 2005. 176 s.
- Obnovlennaja metodika izmerenija indeksa social'nyh nastroyenij // Analiticheskij Centr Juriya Levady. URL: www.levada.ru/obnovlennaya-metodika-izmereniya-indeksa-sotsialnykh-nastroyenii-isn (data obrashhenija: 05.06.2017).
- Ol'shanskij D. V.* Osnovy politicheskoy psihologii. Ekaterinburg: Delovaja kniga, 2001. 496 s.
- Plotnikova T. V.* Politicheskoe povedenie v Rossii. Rostov n/D : Izd-vo Rost. un-ta, 2004. 284 s.
- Petuhov V. V.* Pokolenie «nulevyh»: social'nye nastroyenija, ideologicheskie // Polis. Politicheskie issledovanija. 2012. № 4. S. 54–62.
- Saskudaeva S. O.* Social'noe nastroyenie molodezhi v uslovijah transformacii rossijskogo obshhestva : na primere Respubliki Burjatija : avtoref. dis. na ... kand. filos. nauk. Ulan-Udje, 2009. 24 s.

- Stanevich A. Ju.* Politicheskie nastroyeniya studentov vuzov Moskvy: sociologicheskij analiz // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennye nauki. 2014. Vyp. 2 (688). S. 183–192.
- Stanevich A. Ju.* Politicheskoe nastroyenie: genезis i harakteristika // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennye nauki. 2017. Vyp. 4 (788). S. 235–246.
- Stanevich A. Ju.* Politicheskie nastroyeniya rossijskoj molodezhi: sostojanie i osobennosti // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sociologija i politologija. 2018. № 4. T. 24. S. 254–272.
- Social'noe nastroyenie / Zhan Toshhenko, Sergej Harchenko. M. : Academia, 1996. 1995 s.
- Chetverikov A. V.* Osobennosti social'nyh politicheskikh nastroyenij v sovremennyh uslovijah : avtoref. dis. ... kand. Psihol. nauk. M., 1999. 24 s.
- Jacenko I. N.* Social'noe nastroyenie i samochuvstvie naselenija malogo severnogo goroda : sociologicheskij analiz: avtoreferat dis. ... kand. sociol. nauk. Ekaterinburg, 2006. 28.

УДК 316

Х. О. Хушкадамова

доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры индоиранских и африканских языков,
Московский государственный институт международных отношений (У) МИД РФ;
e-mail: columnist07@mail.ru

ГЕНДЕРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ОБРАЗОВАНИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ

В статье рассматривается гендерный аспект образования в Таджикистане. Исследования, проведенные в стране и анализ, проведенный автором, показывают, что диспропорция в получении среднего образования за последние пять лет сохраняется. В исследовании применены эмпирические методы: непосредственное наблюдение, традиционный анализ официальных документов государственных структур и неправительственных организаций, контент-анализ публикаций периодической печати Таджикистана, вторичный анализ результатов эмпирических исследований, проведенных в Республике Таджикистан и др. Определена совокупность факторов, создавших преграду к равному доступу образования в Таджикистане: материальное положение семей – вопросы социально-экономического характера; влияния традиций – культурно-религиозные аспекты; законное разделение среднего образования на два уровня – обязательное и необязательное; снижение возраста вступления в брачные отношения с 18 до 17 лет.

Ключевые слова: образование; гендер; ранние браки; насилие; гражданская война; равенство возможностей.

O. Khalimakhon

Doctor of Sociology (Dr. habil), Assoc. Prof.,
Prof., Professor of Indian, Iranian and African Languages Department,
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
e-mail: columnist07@mail.ru

GENDER EDUCATION SPACE IN TAJIKISTAN

The article analyzes the gender aspect of education in Tajikistan. Studies conducted in the country and analysis made by the author show that the imbalance in secondary education is going on over the past five years. Empirical methods were used: unstructured interviews (oral histories), direct observation, traditional analysis of official documents of government agencies and non-governmental organizations, content analysis of periodicals in Tajikistan, secondary analysis of empirical studies conducted in the Republic of Tajikistan, etc. A set of factors were identified factors which became an obstacle to equal access to education in Tajikistan: family financial

situation - issues of social and economic character; influences of traditions – cultural and religious aspects; the legal division of secondary education into two levels – compulsory and optional; reduction of the age of entry into marriage from 18 to 17 years, which previously took place.

Key words: education; gender; early marriage; violence; Civil War; equality of opportunity.

Введение

Как и другие страны СНГ, Республика Таджикистан ежегодно отмечает национальный праздник своей страны – День независимости. 28 лет назад государства Содружества на карте мира существовали в рамках единого государства. И уже к началу процесса обретения независимости имели много общего в положении женщин и мужчин во всех сферах жизни общества. Именно это общее, а также определенные различия демографического и социально-экономического характера способствовали тому, что каждая страна – член Содружества сформировала свое законодательство, свою политику в сфере языка, положения женщин и т. п., отражающую национальные интересы и особенности. Основу всех стран – членов СНГ составляет рыночная экономика. За почти 30-летний период существования этих стран в статусе независимых государств встали нерешенные вопросы, связанные с гендерными различиями, в сфере образования, рынка труда, политики и т. п. Коммерциализация образования создала почву для сегрегации по профессиям и специальностям обучения, откуда берет начало сегрегация сферы занятости и разрыв в оплате труда женщин и мужчин. Каждая страна находится в поиске решения этих проблем, и в каждой стране есть что-то общее и что-то специфическое. В этой связи анализ гендерной составляющей образования в Республики Таджикистан приобретает особую актуальность.

Республика Таджикистан, одна из немногих стран – членов СНГ, которая в своей современной истории образования суверенного государства пережила Гражданскую войну. В советские времена характеристика образования, особенно в сельской местности не была в пользу девушек. Однако страна смогла добиться положительных результатов в сфере грамотности населения. Всеобщая система среднего образования (11 лет) предоставляла возможность обеспечить относительное гендерное равенство. Женщины в социологическом опросе, проведенном

Госкомстатом СССР накануне реформ еще в советской стране, называли образование последним, где ощущалось неравенство.

Население Таджикистана на 1 января 2019 года – 9,127 млн человек, более 49 % из них составляют женщины. Гражданская война, начавшаяся в начале образования суверенного таджикского государства, привела к долгому постконфликтному обустройству страны. Экономический ущерб, нанесенный политическим противостоянием, равен 7 млрд долл. Было сожжено более 150 тыс. домов. Объем национального дохода в 1992 году по сравнению с 1991 годом снизился на 31 %. Объем промышленного производства к 1997 году упал на 72 %. Только с марта по декабрь 1992 года погибло 100 тыс. и примерно столько же граждан Республики пропало без вести. 55 тыс. детей в результате войны остались сиротами, 25 тыс. женщин – вдовами. Страну покинуло более 1 млн человек [прив. по: Бобохонов 2011, с. 81].

Женщины в годы Гражданской войны (1992–1997) стали самой угнетенной социальной группой, находясь под натиском морально-психологического давления. Вынужденно трансформировалась женская одежда. Женщины стали носить длинные платья и хиджабы. В разгар противостояния родители боялись пускать даже мальчиков на улицу, не говоря уже о девочках, которым не разрешали ходить в школы, оберегая свой дом от бесчестия (домогательств на их честь, пропаж) и при первой же возможности выдавали замуж.

После 1990-х годов, в условиях войны и постконфликтного обустройства страны, были утеряны все относительные права женщины, в том числе в сфере образования. Именно образование дает возможность женщинам поднять свой статус. Этот фактор среди других считается главным в преодолении, во-первых, таких феноменов, которые еще в недавнем истории таджикского общества считались пережитками прошлого: незаконные незарегистрированные полигамные и ранние браки; во-вторых, проблемы нового времени: жены-вдовы при живых мужьях, высокий уровень разводов; в-третьих, высокий уровень насилия.

Государственная политика образования

Сегодня созданная нормативно-законодательная база государства исключает сегрегацию по признаку пола в сфере образования. Согласно ст. 16 Закона «Об образовании» получение общего основного образования для граждан Республики Таджикистан (9 классов)

является обязательным. Начальное образование в стране начинается с 7 лет и составляет 4 года (1–4 классы), далее – пятилетнее общее среднее образование (5–9 классы). После 9 класса в течение 3–4 лет можно получить среднее техническое и профессиональное образование. Этот срок после завершения полного курса обучения в средней школе (10 и 11 классы), сокращается на два года. Для поступления в вуз необходимо полное среднее образование.

В 2000–2010-е годы государственная политика Таджикистана была направлена на совершенствование системы образования. Ее основу составляют «Национальная концепция образования Республики Таджикистан» (2002), законы Республики Таджикистан, в частности «Об образовании» (2004), которые были направлены прежде всего на достижение равного доступа к образованию, решение гендерных проблем, ликвидацию бедности посредством повышения уровня образования населения. В реализацию этих задач внесли значительный вклад инвестиционные проекты в области образования, которые были реализованы правительством страны в эти годы. основополагающие документы по гендерной проблематике, принятые в этот период, оказали положительное влияние на образование девушек.

Государственные программы развития образования на 2010–2015 годы, сферы дошкольного образования на 2012–2016 годы, профессионального образования на 2008–2015 годы и др. показывают, что со временем внутри отрасли смещаются акценты с общего подхода на более конкретную составляющую системы образования. Это – дошкольное образование, профессиональное образование, то есть сферы, которые более актуальны для таджикостанского общества и, следовательно, требуют большего внимания соответствующих государственных структур и международных организаций.

Словом, государству, несмотря на создавшуюся кризисную ситуацию по всем параметрам, удалось создать соответствующую гендерную политику страны. Правительством была принята «Национальная стратегия активизации роли женщин в Республике Таджикистан на 2011–2020 годы», фокусирующая внимание на сферах, где важно расширить участие женщин. И на первом месте стоит образование. Посыл документа: от образования женщин зависит степень участия их на рынке труда, в том числе в предпринимательстве и политике.

Факторы, препятствующие равенству возможностей мужчин и женщин в сфере образования

Сегодня Таджикистан обладает статусом сплоченного и миролюбивого общества¹. 12 декабря 2019 года Президент Таджикистана в своем послании парламенту, отметил, что темпы роста реального валового внутреннего продукта составили в 2019 году 7,5 %. За прошедшие годы уровень бедности снизился до 27,5 % [Официальный сайт Президента Республики Таджикистан URL]. Данные статистики и исследования, проведенные в стране, показывают, что динамика посещаемости школы со стороны девочек на начальном уровне образования меняется из года в год в положительную сторону. Если в 2013 / 2014 учебном году из 367 детей, не посещающие общеобразовательные учреждения, девочек было 206, то в 2018 / 2019 учебном году их число сократилось до 35 и 25 соответственно [Повышение благосостояния через интеграцию 2017, с. 39].

Однако до сих пор характерна относительно более низкая доля девочек среди лиц, обучающихся в средней школе и заканчивающих их. Исследования ЮНИСЕФ показали, что охват учащихся в возрасте 15–16 лет (10–11 классы) резко снижается после того, как посещение школы перестает быть обязательным. Только 64 % девочек переходят из младших классов средней школы в старшие, по сравнению с 86 % мальчиков [Доступ к образованию URL]. Преграды, которые многим и юным, и молодым (в большинстве своем женского пола) создала война, всё еще дают о себе знать. Бедность семей не дает им возможность оплачивать расходы, связанные с посещением школы, приобретением школьных принадлежностей, начиная с тетрадей и заканчивая одеждой.

Еще в 2014 / 2015 учебном году 209 девушек не могли учиться в общеобразовательных учреждениях среднего образования, из них 69 % – из Хатлонской области. Министерство образования и науки Таджикистана главную причину видит в том, что в горных селениях школы находятся далеко от места проживания (*khovar.tj/2015/12/*

¹ В «Глобальном индексе миролюбия» (Global Peace Index 2019) Таджикистан вырос на 9 ступеней и находится на 105 месте. При формировании индекса миролюбия учитываются следующие факторы: уровень сплоченности общества, соблюдение прав человека, политическая и экономическая стабильность, уровень террористической угрозы и участие той или иной страны в боевых действиях. Подробнее см: URL: regnum.ru/news/polit/2647240.html.

nigaronii-vazorati-maorif-va-ilm-oid-ba-masalai-dur-mondani-duhtaron-az-ta-sil/)¹. В школу не ходят, или не продолжают учебу, девочки, во-первых, из-за нежелания учиться; во-вторых, из-за того, что по причине бедности они вынуждены включиться в трудовую деятельность; в-третьих, из-за того, что в их семьях считают лишним тратить на это время, так как они видят в них только жену и мать. Девушки, устранившись от учебы, традиционно помогают родителям. Помощь, по нашим наблюдениям, может быть по дому или на рынке труда, где не требуются особые навыки и профессия. 16-летние выпускницы школ, получая общее среднее образование, становятся престижными невестами. Девушек 17–18 лет, особенно в сельской местности, выдают замуж. А уж попадая в семью мужа, будут они дальше учиться или работать, по мнению родителей, решать стороне мужа. Семья мужа традиционно является родственной, и в ней девушку, как правило, ожидает ведение хозяйства.

Карты ключевых показателей по результатам медико-демографического исследования 2017 года отражают процент женщин в возрасте от 15 до 19 лет, находящихся в процессе деторождения. Из них 7 % молодых женщин уже стали матерями или беременны [Медико-демографическое исследование ... 2018, с. 16]. Эта модель типична в таджикском обществе, где социально-экономическое положение стоит остро. До недавнего времени Конституция Республики Таджикистан (редакция 2003 г.) и Семейный кодекс РТ (1998), согласно которым был снижен брачный возраст с 18 до 17 лет, способствовали этому. 19 мая 2010 года парламентом Таджикистана были приняты поправки в Семейный кодекс, в соответствии с которыми с 17 до 18 лет увеличился брачный возраст.

В стране предпринимаются меры для минимизации гендерных стереотипов о роли женщин, которые могут препятствовать получению образования девочками. Согласно ст. 164 Уголовного кодекса Республики Таджикистан предусмотрена ответственность за воспрепятствование получению основного обязательного общего (девятилетнего) образования и неисполнение родителями или иными

¹ В Таджикистане согласно приказу Президента Республики Таджикистан от 15 сентября 2011 года ежегодно два раза проводятся пресс-конференции руководителей министерств и ведомств страны, которые способствуют получению достоверной информации журналистами как Таджикистана, так и иностранных СМИ.

законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних.

Статистика последних лет показывает положительную динамику в сфере привлечения девочек для продолжения обучения в 10–11 классах: в 2016/2017 учебном году доля девочек в 10 классе составила 46,3 %, 44,8 % – в 11 классе; в 2017/18 учебном году – 46,7 % в 10 классе, 45,2 % – в 11 классе [Национальный обзор Республики Таджикистан по осуществлению Пекинской декларации... URL]

Раньше, еще в советские времена, девушек для продолжения обучения не отпускали в город, боясь, что они могут вести себя неподобающе. Однако девушки-выпускницы средних школ из сельской местности часто обращались в ЦК ЛКСМ Таджикистана или в его печатный орган – редакцию республиканской молодежной газеты с просьбой помочь им продолжить учебу в вузах, которые находились в основном в Душанбе. 49,7 % студентов в высших учебных заведениях составляли девушки. Годы Гражданской войны и постконфликтного периода изменили положение в этой сфере не в пользу девушек. Согласно официальной статистике в 1996 / 1997 учебном году девушки от общего количество студентов составляли 25,8 %. В 2018 / 2019 учебном году – 36,4 % [Назирова URL]. Эти данные свидетельствует о динамике роста привлечения девушек к высшему профессиональному образованию.

В 1990-е годы в таджикостанском обществе упал престиж профессии учителя школы. Согласно официальным данным, в 1991 году в сфере образования из 95 тыс. работающих женщины девушки составляли 52 %. В 2018 году этот показатель достиг 70 . Тем не менее отток высококвалифицированных кадров в иные сферы деятельности не снижается. 28,6 тыс. учителей (27,6 %) в школах республики не имеют высшего образования [Программа среднесрочного развития ... 2016, с. 62]. В сфере среднего и высшего образования по сравнению с начальным профессиональным образованием наблюдаются позитивные тенденции, однако гендерный дисбаланс в разрезе специализации в этих учреждениях очень существенен. Девушки на педагогических специальностях в вузах составляют до 75,3 %, в средних специальных учебных заведениях (ссузах) – 64,8 %. Их доля среди студентов по специальности «право» в вузах – около 6 %, по «экономике» – около 28 %. Показатели по обучению девушек по специальности «сельское хозяйство» самые низкие: в ссузах около 3 %, в вузах чуть более 5 % [Повышение благосостояния через ... 2017, с. 26].

Доля девушек в общем объеме приема в вузы, как показывают данные, приведенные выше, невелика, но она растет, в частности, за счет «президентской квоты».

Президентская квота: плюсы и минусы

Если составить список достижений страны по гендерному принципу образования, то первым и главным из них – это введение в 1997 году президентской квоты на получение девушками из отдаленных регионов высшего образования. Практика квотирования развивалась в соответствии с Постановлениями Правительства Республики Таджикистан от 19 апреля 2001 года «Об упорядочении приема девушек в высшие учебные заведения Республики Таджикистан» и от 31 января 2006 года. «О принятии студентов в вузы Республики Таджикистан в 2006–2010 годы». В 2005 году была установленная также квота для поступления в вузы юношей из отдаленных горных регионов. Однако в 2000-е годы планы по «квотированию», особенно девушек не выполнялись. Отсев происходил по разным причинам: замужество, неуспеваемость и т. д. Однако со временем ситуация изменилась. В 2017 / 2018 учебном году число студентов-квотников составило 1 тыс. 227 человек, из них 51 % – девушки (khover.tj/2018/02/professor-lutfiya-ra-abova-ba-muyassar-gardid-ki-ilm-i-zani-to-ikro-dar-sat-i-a-on-muarraf-kunad/).

Контент-анализ публикаций «Освещение в государственных СМИ процесса учебы по президентским квотам»¹ показал, что эта тема одна из актуальных в таджикском обществе. На сайте Национального информационного агентства Таджикистана (НИАТ) «Ховар» размещено 187 сообщений. Из выявленных автором сообщений с упоминанием индикатора «президентская квота» следует, что число желающих приобрести это преимущество растет. Ежегодно выделяется 1 тыс. мест для обучения студентов по квоте, но в 2018 / 2019 учебном году было выделено 1 тыс. 246 мест, из них 638 для девушек и 608 для юношей. Сейчас по президентской квоте обучается 7 тыс. 175 студентов, из них 3 тыс. 423 девушек и 3 тыс. 752 юношей. Действует также квота для учебы за пределами Таджикистана. Из 82 студентов 30 составляют девушки [Назирова URL].

¹ В выборку вошли 187 сообщений сайта НИАТ «Ховар» и 203 публикации республиканской газеты «Чумхурият» за период с 3 октября 2008 года до 18 мая 2019 года.

Еще в 2013 году глава государства отметил, что обеспечение работой и в целом трудовая деятельность «квотников», особенно девушек, упускается из поля зрения ответственных госструктур по работе с женщинами [Официальный сайт Президента Республики Таджикистан 2019]. На сайте «Ховар» выявлена публикация в жанре обзора СМИ Таджикистана под заголовком «Один вернулся в Вандж, а где остальные 25 человек, где работают?» (обзор СМИ, НИАТ «Ховар», 3.11.2016), в котором поднимается затронутая нами проблема. В районе Вандж не хватает врачей разных профилей. Эти вакансии могли быть заполнены представителями этого же района. 26 выпускников Государственного медицинского университета им. Абуали ибни Сино учились по президентской квоте. Автор публикации в газете «Чумхурият» недоумевает, почему из них только одна «квотница» вернулась по месту жительства. Парадокс в том, что в советские времена не было традиции направлять выпускников после завершения учебы в столичных вузах в родные села и города. Сегодня даже «квотники», как следует из публикаций газеты «Чумхурият», ставшей объектом обзора агентства «Ховар», пытаются остаться в столице. Среди и тех и других, следовательно, есть девушки. Хотя на официальном уровне действуют правила, что студент, обучавшийся по президентской квоте после завершения учебы должен три года отработать в месте своего постоянного проживания.

Альтернативные формы образования

С момента обретения независимости в Таджикистане были созданы новые типы учебных заведений, такие как лицеи, гимназии и объединенные с детским садом школьные комплексы. С 1994 года в стране стали появляться первые негосударственные вузы, где обучение проходит на платной основе. По данным официальной статистики, в них соотношение девушек и юношей составляет соответственно 33 % и 67 %. [Образование в Республике Таджикистан 2017, с. 67]. Новые типы учебных заведений, особенно в регионах, расширили возможность выбора девушками уровня и вида образования. В годы Гражданской войны студенты столичных вузов, представляющие определенные области страны, в целях безопасности были освобождены от учебы. И именно из-за этой категории молодежи были временно созданы региональные вузы. Один из них Хорогский

государственный университет (ХОГУ). Жизнь показала правильность данного подхода. Сегодня в эти вузы высокий конкурс поступления на бюджетной основе, при этом растет и платный набор. В относительно труднодоступном Раштском районе в 2007 году был открыт Педагогический институт труднодоступных районов (ПИТР).

В новых условиях в Таджикистане, как и в других странах СНГ, актуальным стало дошкольное образование. Бесспорно, появившиеся альтернативные формы и в этом сегменте вносят большой вклад в подготовке детей к школам в многодетном Таджикистане. В среднем женщины республики имеют от трех до восьми детей. В Душанбе, на приме, женщины имеют от двух до семи детей, в Хатлонской области – четыре–пять. Так показывает рождаемость Медико-демографическое исследование 2017 года [Медико-демографическое исследование 2017: отчет по ключевым индикаторам 2018, с. 16]. Процент детей, посещающих дошкольные учреждения, в 2015 году составил лишь 12 %. Ситуация не изменилась и в 2016 / 2017 годы. С 2014 по 2019 год уровень охвата дошкольным образованием не превысил 14,7 %. Это связано с тем, что при выделении государственных средств не были учтены демографические изменения с динамикой интенсивного роста населения, а также зависимость от внешнего финансирования дошкольных учреждений и неспособность родителей покрывать расходы на дошкольное образование [Раннее образование детей в Таджикистане 2019, с. 2]. Дети, не посещающие дошкольные учреждения, приходят в начальную школу неподготовленными. Это положение становится не только серьезным барьером для равноценного образования в дальнейшем, но также может нарушить их психику, создать почву для низкой самооценки, более того способствовать появлению излишней стеснительности и нерешительности девочек. В дальнейшем эти на вид незначительные проблемы перерастают в серьезные барьеры для получения профессионального образования и вовлеченность в рынок труда.

Сегодня страна пытается приблизиться к полному охвату начальным и неполным средним образованием (1–9 классы, возраст от 7 до 15 лет). Уровень полного среднего образования (10–11 классы) еще не достиг 90 % [Программа среднесрочного развития... 2016, с. 12]. Экспертами оптимистично оценивается динамика роста этого показателя, однако снижение гендерного неравенства остается основной заботой государства в сфере образования.

Сегодня страна пытается приблизиться к полному охвату начальным и неполным средним образованием (1–9 классы, возраст от 7 до 15 лет). Однако уровень полного среднего образования (10–11 классы) еще не достиг 90 % [Программа среднесрочного развития... 2016, с. 12]. Экспертами оптимистично оценивается динамика роста этого показателя, однако снижение гендерного неравенства, в сфере образования остается основным приоритетом.

Заключение

Суммируя данное исследование, считаем необходимым отметить, что в Республике Таджикистан доминирование культурных установок и социальных норм поведения всё еще остается одним из существенных факторов, способствующих раннему исключению девочек из системы получения даже среднего образования, особенности географического положения (в стране немало мест (сел), откуда трудно добраться до школы), высокий уровень фертильности, который считается предпосылкой бедности, – всё это является основой гендерного дисбаланса в области образования. Для устранения этих факторов нужно время.

В стране принимаются меры для снятия гендерной асимметрии в образовании: продолжается реформирование образовательной системы, в рамках которого принимаются активные меры по охвату девочек, особенно из бедных, сельских семей, базовым образованием. Исследованная нами тема закреплена в ключевых документах среднесрочного развития страны. Бесспорно, это достижение, но нужно чтобы в решении существующих проблем гендерного пространства образования таджикистанского общества приняли участие все, как мужчины, так и женщины. Это требует прежде всего упорной работы самих женщин по разъяснению их прав и возможностей самих женщин, их окружению в зависимости от места проживания и уровни образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобобохонов Р. С.* Гражданская война в Таджикистане (1992–1997) // *Общественные науки и современность*. 2011. № 4. С. 73–84.
Доступ к образованию // ЮНИСЕФ в Таджикистане. URL: www.unicef.org/tajikistan/ru/ (дата обращения: 7.02.2020).

- Медико-демографическое исследование 2017: Ключевые индикаторы / Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, Министерство здравоохранения и социальной защиты населения Республики Таджикистан, и ICF. 2018. 58 с.
- Назирова М. Н. Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ва рушди маориф. URL : mts.tj/1538/news/ (дата обращения: 25.02.2020).
- Национальный обзор Республики Таджикистан по осуществлению Пекинской декларации и Платформы действий (1995) и итоговых документов двадцать третьей специальной сессии Генеральной Ассамблеи (2000) в контексте двадцатой годовщины четвертой Всемирной конференции по положению женщин и принятия Пекинской декларации и платформы действий в 2015 году / Организация Объединенных Наций, проект «Цели в области устойчивого развития». 81 с. URL: sustainabledevelopment.un.org/content/documents/13205_Tajikistan_review_Beijing20.pdf (дата обращения: 12.02.2020).
- Образование в Республике Таджикистан. Душанбе : Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2017. 102 с.
- Официальный сайт Президента Республики Таджикистан / Пресс-служба Президента РТ. Душанбе, 2019. URL: www.president.tj/node/4438 (дата обращения: 26.12.2019).
- Повышение благосостояния через интеграцию целей устойчивого развития в национальную политику развития в Таджикистане // Добровольный национальный обзор. Душанбе : Министерство экономического развития и торговли Республики Таджикистан. 2017. 44 с.
- Программа среднесрочного развития Республики Таджикистан 2016–2020 годы : утверждена Постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 28 декабря 2016 года № 678. Душанбе, 2016.
- Раннее образование детей в Таджикистане : бюллетень / ЮНИСЕФ Таджикистан. Душанбе, 2019 г. 6 с. URL : www.unicef.org/tajikistan/media/1131/file/ECE%20Factsheet%20rus.pdf (дата обращения: 7.02.2020).

REFERENCES

- Bobobohonov R. S. Grazhdanskaja vojna v Tadžikistane (1992–1997) // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2011. № 4. S. 73–84.
- Dostup k obrazovaniju // JuNISEF v Tadžikistane. URL: www.unicef.org/tajikistan/ru/ (дата обращения: 7.02.2020).
- Mediko-demograficheskoe issledovanie 2017: Ključevye indikatory / Agentstvo po statistike pri Prezidente Respubliki Tadžikistan, Ministerstvo zdravooxranenija i social'noj zashhity naselenija Respubliki Tadžikistan, i ICF. 2018. 58 s.

- Nazirova M. N. Prezidenti Ҷумҳурии Тоҷикистон ва rushdi maorif. URL : mts.tj/1538/news/ (data obrashhenija: 25.02.2020).
- Nacional'nyj obzor Respubliki Tadjhikistan po osushhestvleniju Pekinskoj deklaracii i Platformy dejstvij (1995) i itogovyh dokumentov dvadcat' tret'ej special'noj sessii General'noj Assamblei (2000) v kontekste dvadcatoj godovshhiny chetvertoj Vsemirnoj konferencii po polozeniju zhenshhin i prinjatija Pekinskoj deklaracii i platformy dejstvij v 2015 godu / Organizacija Ob#edinennyh Nacij, proekt «Celi v oblasti ustojchivogo razvitija». 81 s. URL: sustainabledevelopment.un.org/content/documents/13205_Tajikistan_review_Beijing20.pdf (data obrashhenija: 12.02.2020).
- Obrazovanie v Respublike Tadjhikistan. Dushanbe : Agentstvo po statistike pri Prezidente Respubliki Tadjhikistan, 2017. 102 s.
- Oficial'nyj sajt Prezidenta Respubliki Tadjhikistan / Press-sluzhba Prezidenta RT. Dushanbe, 2019. URL: www.president.tj/node/4438 (data obrashhenija: 26.12.2019).
- Povyshenie blagosostojanija cherez integraciju celej ustojchivogo razvitija v nacional'nuju politiku razvitija v Tadjhikistane // Dobrovol'nyj nacional'nyj obzor. Dushanbe : Ministerstvo jekonomicheskogo razvitija i torgovli Respubliki Tadjhikistan. 2017. 44 s.
- Programma srednesrochnogo razvitija Respubliki Tadjhikistan 2016–2020 gody : utverzhdena Postanovleniem Madzhlisi namojandagon Madzhlisi Oli Respubliki Tadjhikistan ot 28 dekabrja 2016 goda № 678. Dushanbe, 2016.
- Ranee obrazovanie detej v Tadjhikistane : bjulleten' / JuNISEF Tadjhikistan. Dushanbe, 2019 g. 6 s. URL : www.unicef.org/tajikistan/media/1131/file/ECE%20Factsheet%20rus.pdf (data obrashhenija: 7.02.2020).

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК	VESTNIK
Московского государственного лингвистического университета	of Moscow State Linguistic University
Общественные науки	Social Sciences
Выпуск 3 (840)	Issue 3 (840)

Выпускающий редактор выпуска 3 (840)
доктор философских наук профессор *И. К. Харичкин*

Редакторы: *М. М. Сингал, Н. Г. Павлова*
Компьютерная верстка: *Г. П. Лопатина*
Дизайн обложки: *А. Г. Проскуряков*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 28.10.2020
Усл. печ. л. 14,8. Формат 60x90/16
Заказ 94/20

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
тел.: (499) 245 33 23; *e-mail:* ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки:

07.00.00 – Исторические науки и археология

22.00.00 – Социологические науки

23.00.00 – Политология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66049 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: mslu-soc.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.